

ЛУЧШИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ РАССКАЗЫ В ЖАНРЕ ХОРРОРА ПО ВЕРСИИ ЧИТАТЕЛЕЙ

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

2024

Самая страшная книга

Александр Матюхин

Самая страшная книга 2024

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Матюхин А.

Самая страшная книга 2024 / А. Матюхин — «Издательство АСТ», 2023 — (Самая страшная книга)

ISBN 978-5-17-159079-6

ГЛАВНАЯ ХОРРОР-АНТОЛОГИЯ СТРАНЫ СНОВА С ВАМИ. Вот уже десять лет, как «Самая Страшная Книга» треплет нервы и вызывает мурашки по коже. Но, кажется, еще никогда эти ужасные истории не были такими... «ламповыми»! ССК возвращается в прошлое. ССК рассказывает страшные сказки на ночь: о древних ритуалах в глухих деревнях; об охотниках на оборотней, которые опаснее самих оборотней; о голодных домовых и мстительных мавках. ССК травит жуткие байки у костра: об ужасах, живущих на старых видеопленках; о покровительствующей цыганам Черной Мадонне; о литературных героях, сошедших со страниц, чтобы расправиться с читателями; и о детских игрушках, которые всегда больше, чем просто игрушки. Но при этом ССК не забывает о настоящем и смотрит в будущее. Посещает иные миры, населенные голодными людоедами. Знакомит с невероятными чудовищами, способными навести морок на любого. Страшится конца света, но и сражается с ним, погружаясь в бездны человеческого разума. Притушите свет. Заварите чай. Укутайтесь в плед. Вы дома... и вы не одни. С вами «Самая Страшная Книга» — лучшее в русском хорроре!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-159079-6

© Матюхин А., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Важное уведомление	7
Алексей Искров	9
Дмитрий Тихонов	32
Елена Щетинина	47
Сергей Возный	61
Яна Демидович	76
Дмитрий Карманов	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Самая страшная книга 2024

Составитель М. С. Парфенов

© Авторы, текст, 2023

© Парфенов М. С., составление, 2023

© Валерий Петелин, обложка, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Серийное оформление: Юлия Межова

Иллюстрация на обложке: Валерий Петелин

* * *

Важное уведомление

Формально составителем этой антологии указан Парфенов М. С. – на деле же он и другие люди, включая редактора «Астрель СПб» Ирину Епифанову и Координатора отбора Ирину Парфенову, лишь организуют сам процесс, помогая настоящим составителям – из народа.

Каждый год собирается группа добровольцев, которые читают сотни присланных в ССК историй и голосуют за те, которые им понравились. Каждый наш ежегодник собран по итогам таких голосований.

Так что настоящими составителями (так называемой таргет-группой) этой антологии являются:

Алексей Питикин (Москва)
Анастасия Жаркова (Ухта, Республика Коми)
Антон Каштанов (Санкт-Петербург)
Валентин Марудов (Москва)
Валентина Барина (Тверь)
Валерия Иванцева (Иваново)
Василиса Чайникова (Челябинск)
Вероника Рязанова (Красково, Люберцы)
Виктор Гофман (Караганда, Республика Казахстан)
Виталий Бусловских (Новосибирск)
Владислав Ерафонов (Набережные Челны, Республика Татарстан)
Денис Козлов (Рязань)
Диана Шарапова (Нягань, ХМАО-Югра)
Евгений Гайбарян (Москва)
Евгения Климова (Иваново)
Егор Артемов (Горловка, Донецкая Народная Республика)
Илья Окунев (Щелково)
Илья Старовойтов (Курган)
Ирина Рудакова (Нижний Новгород)
Ирина Топунова (Москва, Подольск)
Лариса Крючкова (Москва)
Любовь Болюкина (Краснокамск)
Любовь Буданова (Москва)
Людмила Кшевинская (Москва)
Маргарита Семенова (Барнаул)
Михаил Погребной (Краснодар)
Николай Едомин (Николаев, Украина)
Николай Чекмарев (п. Хвойная)
Ольга Гурьянова (Казань, Республика Татарстан)
Ольга Кирьянова (Санкт-Петербург)
Сергей Филиппов (Тюмень)
Татьяна Хаданович (Минск, Белоруссия)
Ульяна Рущенко (Ейск)
Филипп Герасименко (Невинномысск)
Юлия Балабанова (Санкт-Петербург)

Спасибо им за труды!

А еще каждый год таргет-группа обновляется. Кто-то выбывает, кто-то, наоборот, приходит «на новенького». Каждый год мы экспериментируем, совершенствуя нашу систему отбора для того, чтобы подарить вам очередную «самую страшную» книгу.

Мы называем наши издания так не потому, что считаем их действительно САМЫМИ страшными из всех. Мы называем их так потому, что ЛЮБОЙ читатель найдет здесь что-то, что ему понравится. Такую историю или истории, которые напугают персонально его.

Персонально ТЕБЯ.

Алексей Искров

Фрагменты

Первый

...Их всегда было трое. Петух, собака и свинья. С криком петуха приходит темнота. Собачий лай прогоняет чужих. А свинья...

Свинья ест.

Второй

...Василий закричал, попятился и выскочил из квартиры, на автомате захлопнул за собой дверь. Прислонился к стене, согнулся, тяжело дыша и всхлипывая.

Пришло ледяное осознание реальности происходящего, до этого все воспринималось как сквозь мутное стекло.

В ушах еще звучали чавканье и треск костей.

Свет на лестничной клетке погас.

Паника сдавила грудь.

Василий вскрикнул и махнул рукой, будя лампу. Она вспыхнула ровным холодным светом.

Пока свет горел. Но скоро перестанет.

Драгоценные секунды убежали – не отмотать назад, жизнь – не футаж¹ на монтажном столе.

Василий распрямился, поморщился от боли в спине (об стену он приложился хорошенько), вытер лицо краем футболки и...

Третий

...повесил трубку. Толик забил мозги, он горел от нетерпения, как ребенок, приплясывающий в ожидании подарка на день рождения. Это начинало раздражать.

Василий посидел на кухне, листая ленту новостей, дождался визга чайника, залил кофе и вернулся в комнату.

На разобранной кровати, опираясь на подушку, сидел плюшевый розовый медвежонок с красным бантом, Василий подмигнул ему, поднял, локтем выключил свет и сел за компьютер. Поставил чашку на стол, медведя посадил на колени.

Сияние двух мониторов пленкой легло на лицо. Василий надел наушники, отхлебнул кофе, погладил медведя по голове.

На первом мониторе было открыто монтажное окно Premiere. Василий стал водить ползунком по ленте таймлайна снова и снова, ища место, подходящее для обрезки и вставки перехода. Мельком посмотрел на второй экран, где на паузе застыл черновой монтаж. Коричневая гэдээровская стенка с книгами и хрусталем смазана, изображение зернистое, покрытое артефактами. Это он вырежет.

---

¹ *Футаж* – необработанный фрагмент видео.

Толик, конечно, постарался. Оцифровкой и реставрацией материала занимался он. Чудо, что кассеты сохранились, не размагнитились, не стали просто бесполезным куском пластика.

У Дианы Романовны была очень крутая VHS-камера, хотя тогда любая камера показалась бы им чудом. Она стала последним подарком от ухажера, крайне обеспеченного мужчины, который не любил говорить о своей работе, а если все же приходилось, путался в деталях.

Он знал о любви Дианы Романовны к кино. И мог бы стать ее супругом, если бы не погиб под колесами автомобиля.

Ей было за сорок, ближе к пятидесяти, муж умер рано, сын уехал искать счастья в столице, а последняя вспышка надежды на тихое счастье растворилась в свете фар.

Как и многие взрослые, совершенно не понимая, что происходит вокруг, оглушенная временем – фрагмент старого мира, который ветер уже нес в новые, пугающие земли, – Диана Романовна просто по инерции продолжала заниматься тем, что лучше всего у нее получалось: преподавала в школе.

Возможно, Васька и Толик никогда не подружались бы с ней по-настоящему, если бы не видеосалон.

Тогда они уже отживали свое, магнитофоны стали доступнее. Впрочем, еще не настолько, чтобы стоять в каждом доме. Поэтому в темном подвальном помещении, где воняло сыростью и тальком, народу хватало. С экрана лилось кино, и постепенно не оставалось ничего, кроме него. Оно затягивало Ваську и Тольку в другие места, к другим людям. Там в небеса уходили небоскребы, словно вавилонские башни, там все были героями, никакой неопределенности, только твердое будущее и понятная цель, которую к финальным титрам красивые люди с экрана обязательно достигнут.

Друзья заметили учительницу на заднем ряду. Она уставилась в экран, приоткрыла рот и в этом мгновении преобразилась. Годы спали с нее, она стала на десяток лет моложе, чем женщина, что стояла днем у доски.

Почувствовав взгляд, Диана Романовна улыбнулась ребятам и помахала рукой.

После сеанса они втроем обсуждали фильм по дороге домой. И разницы лет между ними не было, они говорили на одном уровне, восхищенные, восторженные, спасенные от серости и пыли времени.

Разумеется, они подружались по-настоящему.

Примерно через год Диана Романовна подзвала друзей после урока и сказала, что ждет их вечером в гости.

Она жила в маленькой квартире с длинной гэдэеровской стенкой. Диана Романовна открыла скрипнувшие дверцы и достала камеру. Друзья охнули в два голоса.

Диана Романовна показала им самое дорогое, что у нее было, и рассказала о своей мечте. Она хотела снять кино. И просила их помочь.

– Хотите стать звездами экрана? – улыбалась она.

Толик с Васькой, конечно же, хотели.

Василий уловил момент. Удалил ненужный фрагмент, вставил затемнение, закрыл глаза, прижал медвежонка к груди...

Четвертый

... Два мальчика, один худой и черноволосый, другой рыжий и полный, Васька и Толька, сидят на диване.

Полный всхлипывает и прикрывает лицо руками, но если остановить видео и посмотреть внимательно, то можно заметить, что мальчик улыбается, сдерживает смех.

Худой хлопает друга по плечу и нарочито бодро говорит:

– Ну, ты чего нюни развесил?!

– Задолбали они. Все! Вот почему я у тебя торчу? Эти проходу не дают, бабушка говорит, молиться надо, но бог не слышит. Не хочет он меня слышать!

Василий подумал, что они все-таки очень старались играть, хотя, разумеется, никаких театральных кружков не посещали. Искусственность чувствовалась во всем, но для безбюджетного дилетантского фильма вышло недурно, в их профанстве даже был своеобразный шарм. Как и в цифровых шумах, дрожании камеры, неумело взятых ракурсах. Музейная витрина, внутри которой навечно застыли дети, не подозревающие, какой окажется их долгая деформация во взрослых.

– Тогда зачем он нам? Мы придумаем своих богов.

– Каких?

– А каких хочешь!

Пятый

...Толик ждал у редакции канала, сидел на багажнике машины.

– Ну, как рабочий денек?

– Если бы не твоя рожа, прекрасно бы завершился.

– Давай в бар, я по пивасу, ты по квасу.

– Ты на машине.

– Так ты же по квасу! Не гондонься, авось, не забыл, как баранку крутить. Новости хорошие. Я нашел!

– Что именно? Если бабу, не поверю, прости.

– Кассеты.

Василий нахмурился, и Толик хлопнул его по плечу. На веснушчатом лице засияла такая широкая улыбка, что, казалось, харя вот-вот треснет.

– Кино! Что мы с Дианой Романовной снимали.

– Где? Я думал...

– Ну, допустим, не я нашел, а меня. Но это детали! – Толик вздохнул. – Сынок приезжал, квартиру продает, и они все время там, в комнате, приныканные лежали. Кассеты подписаны, типа, «Васька Долгов и Толька Репин – сцена третья», он и вспомнил, как мамка рассказывала, что учеников снимает. Нашел меня во «ВКонтакте», написал, мы созвонились. Предложил забрать, чтобы не выкидывать. А там все, что мы отсняли. И-и-и-и... вроде живое!

– После стольких лет? В пустой квартире? Разве пленка не размагничивается?

– Без перемотки – да, размагничивается. Но тут... Приколись, изображение мало того что живое, так еще и не совсем жопное. Херовое, но смотрибельное. Чудеса. Да похер. Блин, натурально привет из прошлого. Ты мелкий такой уродливый был. Впрочем, сейчас хуже.

Василий невольно улыбнулся, вспоминая съемки и как сияющая от радости Диана Романовна уговаривала их вылезти из речки.

– Оцифровать – не проблема, – сказал Толик.

– Ладно, я по квасу, ты по пивасу, – кивнул Василий.

Толик руководил фотоателье, где, помимо прочего, реставрировали старые кассетные записи.

Они оба, хоть и по-разному, связали жизни с запечатленными на пленке и в цифре мгновениями. В этом влияние Дианы Романовны сложно переоценить.

Василий пять лет отработал в «Останкино», и до сих пор ему иногда снились длинные запутанные коридоры, где никогда не умолкало эхо шагов и ругани. На шестом году случилась... проблема, и он вылетел оттуда. Вернулся в родное гнездо, где его навыкам нашлось место на региональном канале, настойчиво державшем оборону против перехода всего медиа-

контента в Интернет. Получал много меньше, но, если приплюсовать фриланс, на жизнь вполне хватало.

– Ау! Земля вызывает майора Тома! – сказал Толик, крутя колесико магнитолы.

– Да... Да... Так о чем ты?

– Мудак ее сын. Вот о чем. Я прямо спросил, собирается он хоть разок к ней на кладбище съездить, а он заменжевался. «Да, да, – говорит, – конечно». А я же вижу, брешет. Слушай, я сказал: так и так, мы с другом скинулись, памятник новый поставили, плитку у могилы выложили, а он: «Спасибо». И все. Спасибо. Мудак.

– Думал, он деньги за памятник отдаст?

– Пусть лучше в трубочку свернет и себе в сраку засунет. Уже дед, о вечном думать пора, а он не может к матери на могилу съездить. Мудло. Квартирку продает, внукам надо на угол в Москве денюшку собрать. А на мать похер до сих пор. Если бы не он, Диана Романовна, может...

– Толь, нет, не может. Ты ее «сценарий» помнишь? Это же... Ну стремно, если честно. Мы детьми были, ничего не понимали, а она... болела.

– Но с нами-то находила отдушину! Она нас любила! Слушай, давай не будем о плохом. У меня идея...

– Мне она не понравится?

– Предстоит работа.

– Не понравится.

– Смонтируем фильм. Я не все отсмотрел, но там, походу, материал полностью. Это было бы... правильно. Вырежешь лишнее, пошаманишь там и... Зальем в Сеть, например! Слушай, сейчас это модно! Многие вспоминают кооперативное кино, любительские поделки тех лет. Ностальгия в моде! Если хоть кто-то посмотрит, что она придумала, хоть пара человек, это будет правильно. Слушай, то, что кассеты сохранились так хорошо, – знак, что ли, не знаю. Это правильно.

– Угу, а мы станем звездами экрана, как она обещала.

– Мы уже вряд ли, глянь, какое брюхо я отрастил, а ты живой скелет. А вот те пацаны, которыми мы были... Почему нет? Или, если совсем все плохо получится, себе оставим. Как память. Но это ее мечта была, Вась. Снять настоящий фильм. И она сняла. Осталось смонтировать.

– Я понял.

– И что скажешь?

– Ты же не отстанешь, – сказал Василий, стараясь не подать виду, что идея пришлась ему по душе.

Шестой

...Общий план реки. Солнце играет на воде блестками. Смена кадра. На берегу сидят ребята.

«Деревенскую» часть записали буквально одним днем, поехав в деревню, где выросла Диана Романовна. Родителям они так и сказали: фильм едем снимать. Мама Васьки рассмеялась и похлопала учительницу по плечу, а отец и мать Толика собрали им в дорогу небольшой пакетик. «Перекусите, киношники».

Приехали на место ранним утром на провонявшем бензином душином автобусе и сразу пошли к реке. Ребята прыгнули купаться, а Диана Романовна стояла у кромки воды, снимала их улыбающиеся рожи, не жалея пленки, только изредка покрикивала, что пора уже делать кино. Но, кажется, в тот момент она была счастлива не меньше, чем дети.

– Ну, вот и придумали! – говорит худой, вода отломанной веткой по песку.

– Да ну, глупости какие.

– Не глупости! Они ведь одни из главных на деревне! – *Василий вздрогнул от того, как убедительно это прозвучало.* – Если мы сильно-пресильно поверим, то они станут настоящими. Богами. Защитниками.

– Правда?

Смена кадра. *Тут Василий вырезал записку и то, как он, маленький, сверяется со сценарием, написанным от руки в толстой тетради, которую он прячет за спиной. Таких записок и сверок хватало по всему хронометражу.*

– Правда, – подтверждает худой мальчик. – Поверь. Это самое главное. Их всегда было трое. Петух, собака и свинья. С криком петуха приходит темнота. Собачий лай прогоняет чужих. А свинья...

Седьмой

...закончил под утро. Отсмотрел и результатом остался доволен.

Отпуск тек медленно, и Василия радовала возможность отвлекаться от мыслей, накатывающих в моменты безделья. Впервые за долгое время он занимался проектом, который ему искренне нравился.

Кино вышло коротким: двадцать минут. Но смотрелось занимательно, Василий ожидал, что будет намного хуже.

По-хорошему, проект готов. Осталось подправить звук и наложить музыку. Он уже пошарил по стокам и выбрал несколько композиций. Впрочем, большую часть времени отлично должны работать тишина и шорохи.

За чистой аудио он хотел обратиться к знакомому звукачу, уже убедил Тольку хорошенько проставиться.

Еще фильму нужно придумать название. Диана Романовна этого так и не сделала.

Восьмой

...Москву к вечеру окутал туман. Среди белесого моря окна многоэтажек сияли потусторонним светом.

Василий приложился к бутылке и стал загнанным зверем ходить из комнаты в комнату.

На столе запрыгал телефон, выводя трели финской польки.

Василий подбежал, схватил мобильник. Звонили с работы. Наверняка просят выйти в выходные.

– Пошли вы...

Он раздраженно ткнул в красный круг и опять попытался дозвониться до Лены.

«Телефон не отвечает...»

Василий отбил жене сообщение.

«*Так не делается!!! перезвони*».

Подумал и добавил:

«*Прости пожалуйста*».

– С-с-с-сука... – прошипел он и упал на диван.

На подлокотнике лежал плюшевый мишка Вовки, розовый, с ярко-красным бантом. Цветовая гамма не для мальчика, но сын его обожал, не расставался. И пусть Лена собрала большую часть вещей, она обязательно вернется за игрушкой. Вовка не отстанет. Он без него очень плохо засыпал, кошмары снились, зато с игрушкой в обнимку дрых, не добудишься.

Надо уже с этим что-то делать. Взрослый ведь пацан!

Василий схватил медведя за шею, швырнул в стену, пнул игрушку и пошел на кухню.

Хлебал весь вечер и полночи, пока не заснул, уронив голову на стол.

Утром его разбудила настойчивая, повторяющаяся вновь и вновь финская полька.

Он нашарил телефон.

– Да... – Горло пересохло, в затылке раскатисто гремел набат.

– Василий Долгов? – спросил незнакомый мужской голос.

– Зависит от того, кто спрашивает. – Василий взял бутылку и влил в себя остатки водки.

– ...Звоню по поводу вашей жены и сына...

Девятый

...Проведать заболевшую Диану Романовну Васька пошел один.

Только недавно получил хорошенький нагоняй от родителей за целый букет двоек, но больше за попытку соскрести одну лезвием, так что ближайшую неделю ему сулило выходить из квартиры лишь в школу.

Догорало бабье лето, последние теплые деньки собирались рассыпаться засохшими листьями.

Васька взлетел по лестнице, потянулся и зажал круглую черную кнопку. Зачирикали птицы.

Диана Романовна не открывала долго.

Дверь наконец скрипнула, и Васька поначалу не узнал женщину на пороге. Она стала тенью себя прошлой, побледнела, лицо осунулось, а под глазами появились огромные мешки. Она посмотрела на Ваську и тепло улыбнулась.

– Здравствуйте! – сказал он. – Как вы? Только тоже хотел прийти, но...

– На пороге не стой, заходи.

Васька принялся расшнуровывать кроссовки.

– Мама тут вам собрала...

– Не нужно было...

Они вошли в комнату. На улице припекало, духота грозила родить дождь, но в квартире было холодно, Васька обнял себя за плечи, его взгляд скользнул по стенке, дивану, узорчатому ковру на полу и...

Он охнул, подбежал, упал на колени и не сдержал слез.

Рядом с диваном лежала разбитая камера. Васька аккуратно коснулся расколотой мечты и поднял глаза на Диану Романовну.

– Я... случайно уронила.

– Мне так жаль! Мне очень-очень жаль! Мы купим новую! Скинемся и...

– Скинетесь? – улыбнулась она.

– Да! Я знаю, что они дорогие, но купим попроще, не расстраивайтесь, и...

– Васёк-василек, я не расстраиваюсь. И ты не расстраивайся.

Васька кивнул:

– Фильм успели снять!

Диана Романовна села на диван, положила ладонь на голову Васьки и грустно сказала:

– Да, успели. Какой-то темный он у нас по сценарию, нет?

– Ужастик же!

– Да... Но в ужастиках герои обычно побеждают зло, а...

– Диана Романовна, – серьезно посмотрел на учительницу Васька, – ужастики для того, чтобы пугаться! И все.

– Знаешь, мне кажется, этот мир достаточно темный и без того... Нет просвета. И вот кого винить? Если это мы сами... вырезали из него все хорошее и упиваемся темнотой. Ножницами

свет «чик-чик», и не замечаем больше. Кого винить в том, что, кроме темноты, ничего не остается?

Васька не знал, что ответить. Он не совсем понимал, о чем говорит Диана Романовна.

– В любом случае, – продолжила она, – кино пока не закончить. Я идеей загорелась, но ничегошеньки не продумала. Монтировать не на чем. Видак монтажный купить? Так я узнавала, там такие бабки... И не достать, даже если бы и были, если только из Москвы сына просить... Но денег нет, Васёк... Но посмотрим, придумаем что-нибудь. Если что, просто время хорошо провели. Вы там такие прикольные! А помнишь дядю Витю?! Ну, который колдуна играл? Как он над нами ухохатывался...

– Мы найдем... Я маму попрошу. У нее знакомый...

– Найдете, конечно. Хочешь забрать кассеты пока? Нет, правда. Пока ищем варианты...

– Нет. Пусть лучше у вас.

Ваське очень не нравилось выражение лица Дианы Романовны: она улыбалась, но будто по привычке. Словно натянула маску, за которой скрывалось другое лицо. Горькое, тоскливое, больное.

И он спросил напрямик:

– Случилось чего?

Диана Романовна помолчала, уголки губ опустились, в глазах блеснула влага, и Ваське сильно-сильно захотелось обнять ее, успокоить, сказать, что все будет хорошо. Он бы так и сделал, но она мгновенно встала, отвесила ему легкий подзатыльник и сказала:

– Сильно поругалась с сыном.

– Из-за чего?

– Ерунда... Я просто очень сильно боюсь остаться совсем одна. Я понимаю, у него своя жизнь, свои мысли, он далеко, но... Мне одиноко бывает.

– Так вы не одна. Я тут. И Толька. Мамке моей вы нравитесь, она вас в гости снова зовет! Ну, когда выздоровеете.

– Твоя правда. Не одна. Есть еще петух, собака и свинья.

Васька недоуменно улыбнулся, помолчал, а потом хрюкнул.

– Знаешь, как я их придумала? Я вам не рассказывала?

– Не-а.

На самом деле она говорила про это во время съемок летом, но Васька забыл, а признаться было стыдно.

– Ну, я в той деревне росла... Друзей не было, не могла поладить с другими ребятами, это сейчас там старики одни, а когда я росла, много молодых жило, и детей много, но я все равно ни с кем не дружила. И... тогда веру совсем-совсем не приветствовали, а все равно неверующего сложно было найти. Но мне всегда казалось это глупостью. Этот бог так далеко и ни на одну молитву не ответил. И я решила придумать своих, которые всегда рядом. И стала молиться животным. Глупость какая... Но бог далеко, а животные близко – такая логика. Мне просто нужны были друзья, сейчас понимаю. Но, веришь не веришь, иногда помогало. Кто главные на деревне? Петух, собака и свинья.

– А корова? Или лошадь?!

– В мой пантеон они не вошли, хотя вроде подумывала включить. – Диана Романовна пожала плечами. – Ерунда. Обидно, если моим единственным наследием станет сценарий глупого ужастика.

– Ничего он не глупый! И лучше еще напишете!

– Как скажешь, Васёк-василек. Ладно, пойдем, посмотрим, что там твоя мамка мне собрала... Забудем пока про фильм и просто...

Через неделю Диана Романовна вышла с больничного.

А зимой ее похоронили. Кино осталось незаконченным, повисло фрагментами в вечном «пока».

Хлестал ветер, гнал крупные хлопья снега, мороз хотел превратить слезы на щеках в ледышки, в острые осколки, как в той сказке про потерянного в королевстве льда мальчика.

Васька с Толькой прижимались друг к другу и смотрели, как гроб опускают в ровную яму.

Сзади стояли мама Васьки и родители Тольки. Перешептывались, но голоса заглушал ветер. Впереди дети и педагоги ежились от холода, прятали руки в карманы, а лица в воротники и шарфы.

Сын Дианы Романовны на похороны не приехал.

Васька обвел взглядом небольшую толпу и сфокусировался на яме. Скоро в мире не осталось ничего, кроме этого ровного прямоугольного провала, ведущего в темноту, из которой нет выхода, сколько оледеневших осколков ни урони из глаз, сколько слов «вечность» из них потом ни собери. Если бы была возможность, он бы попытался собрать не «вечность», как мальчик из сказки, а другое слово, пусть льдинки разодрали бы ладони до крови, пусть на это ушло бы много-много лет, он бы пытался и пытался, но...

Возможности не было.

Васька весь дрожал, хотел вспомнить радостную Диану Романовну, но в уме у него лишь вертелась снежная карусель.

Рябь на экране телевизора.

Шум на кассетной записи.

Снежные хлопья все росли и обратились под конец в трех огромных животных.

Василий отвернулся от ямы, уткнулся Тольке в плечо. Казалось, ледяной воздух сковывает цепями. Они сжимали душу, контролировали каждую мысль, каждую эмоцию. Запрещали даже пытаться вспомнить хорошее. И, поддаваясь контролю, приказу, он приглушенно завыл.

Слово не собрать. Остается только плакать.

Никто ничего им не рассказал. Погибла. Точка.

Но шила в мешке не утаишь. Старшаки громко и довольно обсуждали, что Диана Романовна покончила с собой. Повесилась.

Васька спросил об этом маму, та вздохнула, отложила вязание и сказала:

– Иногда все бывает сложно.

Теперь, кроме боли и грусти, Васька почувствовал, что его... предали. Как она могла так поступить?! Как она могла бросить их с Толькой?!

Очень редко, в самых глубоких температурных снах, Диана Романовна стала приходить к нему. В руках она держала петуха, красного, как последний закат, у ее ног лежала собака, черная, как слепая ярость, а за спиной до самого потолка возвышалась свинья, огромная и белая, как боль.

Диана Романовна молчала, ведь она была мертва, ее шея сломана, а поперек горла тянулась...

Десятый

...Василий поправил сползший шарф, спрятал красную, до сих пор саднящую борозду.

Толик вел машину, молчал, иногда злобно постреливал взглядом в сторону друга, а потом наконец сказал:

– Ты debil.

И не поспоришь.

Василия еще трясло, тело ощущалось таким легким, что, казалось, если бы не ремень безопасности, он бы воздушным шариком взлетел к крыше. Мысли текли вяло, заторможенно.

Последствия транквилизаторов, которыми его в лошадиных дозах пичкали в наблюдательной палате на протяжении двух дней, пока Толик не примчался в Москву и не забрал его из дурки.

– Сколько... – прохрипел Василий.

– Что?

– Сколько... дал... на лапу... врачам... я верну...

– Иди на хер.

– Прости... Прости...те.

Он закрыл глаза.

Зря.

Даже через остаточное феназепамовое опьянение к нему пробивались образы, утягивали в водоворот.

Василий всегда думал, что под транквилизаторами не бывает снов, но в его случае они лишь закрывали двери к побегу из кошмаров. Когда засыпал, оказывался среди мелькающих картинок-осколков-льдинок-фрагментов без возможности отвести взгляд.

Он ущипнул себя, сигнал о боли дошел до мозга медленно, с задержкой.

– Толь... Я не хочу спать... Толкай, если я...

– А нужно! Слушай, сейчас тебе и нужно проспать!

– Я убил их, Толь.

Толик отпустил руль, впел Василийю пощечину, выровнял машину и выпалил:

– Нет, долбоящер! Не ты! И не надо никаких «если бы»... Тебе нужно нормально проспать.

«Да, – подумал Василий, – наверное, нужно».

После звонка тем утром он мгновенно протрезвел.

Василий выдержал все: долгие разговоры, опознание, поход в ритуалку и расспросы вежливой девочки о том, какие гробы ему по финансам.

Он перенес похороны, поминки, не выпил ни капли, теща выла ему в плечо и называла сыном, он едва сдерживался, чтобы не оттолкнуть эту раскрасневшуюся вонючую тетку.

Ему хотелось поговорить с настоящей матерью, но она давно умерла и, если этот мирок подразумевает наличие рая, встретилась с внуком и невесткой, а Василий никогда не будет рядом с ними.

«И хорошо», – думал он.

Вечером набрал Тольку, выслушал соболезнования, друг грозил немедленно приехать, но Василий сказал, что все нормально. Не стоит. Увидятся еще.

– Я билеты возьму. Сам привалю. Давно дома не был, – соврал он.

Мир почернел, краски исчезли, выгорели в пламени, осталась одна копоть.

На следующий день после поминок Василий купил несколько бутылок водки.

Он хотел напиться, но трезветь в его планы не входило.

Все с этого и началось. Со сраного корпоратива. Он буквально приполз домой. Лена нашла его спящим на ступеньках между этажами и еле растолкала.

– Последняя капля, – сказала она, а Василий брел в спальню, сосредоточившись на одной цели: не упасть.

Они ведь говорили, что у него проблемы и им нужно справляться вместе, но Лена, пока он отсыпался, собрала вещи. Увезла сына.

Лена хотела просто проучить, переждать в квартире подруги, та уехала в отпуск и оставила ключи, просила поливать цветы. Наверняка Лена собиралась вернуться домой к ночи, максимум – на следующий день, к тому моменту Василий точно извлек бы урок.

Так он, по крайней мере, хотел думать.

В одной из соседних квартир протекал газ.

Запаха никто не заметил или не обратил внимания.

Как бы то ни было, взрыв.

Пожар.

– Они...

– Они вышли на лестницу, нужно было на балкон, тогда могли бы... ой... извините... Нет... не страдали, если вы об этом, – говорил патологоанатом, застенчивый парень, старающийся не поднимать глаз. – Угарный газ вытесняет кислород, они потеряли сознание до того... Это как... уснуть. Задышаться вообще не больно. Обгорели после. Это точно. Им не было больно.

«Врал ли он?» – думал Василий и вливал в себя стопку за стопкой.

Дни смазались, превратились во фрагменты, из которых, как ни старайся, единой картины не сложишь.

Он помнил, как стоял на кассе в одних пижамных штанах и засаленной футболке, несмотря на околонулевую температуру, и тряс рукой, сжимая купюры, а чернота мира была в голову оглушительным петушиным криком, утверждающим, что утро никогда не наступит.

Помнил, как плакал, разговаривая с Толиком по телефону, просил за все прощения, затем во внезапной вспышке пьяной злобы послал друга и вылил на него поток желчной гадости, оскорбляя, стараясь зацепить как можно больнее. И голос Василия, полный отчаяния и ярости, в этот момент походил на собачий лай.

Помнил, как бросил смартфон и взял Ленину скакалку. Матерясь, попытался снять с крючка люстру, уронил, и она с грохотом разбилась на десятки осколков, напоминающих льдинки. Он посмотрел на них, сплюнул, поднялся на табурет, обмотал один конец скакалки вокруг шеи, другой завязал на крючке. Ему почудился топот за спиной, а перед падением он увидел, как на середину комнаты неспешно, вразвалку вышло огромное белое животное, а затем...

Шею сдавило, крик не вырвался наружу, мир исчез в красно-черной вспышке, Василий вцепился в веревку, забился в воздухе и...

Патологоанатом врал. Задышаться – очень больно.

Все так и происходит.

Мир почернел после смерти жены и сына, из него исчез весь свет. Это закричал петух.

Василий орал в телефон: «Пошел на хер!» Это лаяла собака.

И вот теперь он висел, задышался. Через хрип и шум крови в ушах до него доносились тяжелый стук копыт, похрюкивание, свистящее дыхание.

Она здесь, и она голодна.

Крючок под его весом вырвался из потолка вместе с куском побелки. Василий рухнул на пол в осколки люстры, ударился затылком и потерял сознание.

В себя пришел уже в машине скорой, прикованным к каталке.

Когда вернулся из магазина с очередной порцией бухла, забыл закрыть дверь, соседи вызвали полицию на его крики в смартфон и грохот.

– Что... дальше? – спросил Василий, вынырнув из ледяного кошмара в духоту машины.

Толик вздохнул:

– Тебя ждет охеренный детокс. Под моим чутким руководством, а не этих рвачей. Пока у меня не перебздишься...

– Нет... Я не про это. Что *дальше*?

– Дальше – жизнь, друг. Жизнь.

Одиннадцатый

...Внутренности Толика вытянуты из живота, словно магнитная лента из разбитой VHS-кассеты. Их жевали, сочатся коричнево-красной кашей. Ног нет до бедер, пах – кровавое месиво.

Василий подбегает к трупу в коридоре, хватает за плечи, и пальцы погружаются в рваную рану. Он отскакивает и ошарашенно смотрит на покойника.

Она объела Толика на кухне, затем выплюнула обратно. Чтобы Василий увидел, что совсем скоро ждет и его.

Василий бледнеет, до крови прокусывает губу, сглатывает и, дрожа, идет в прихожую.

По щекам текут слезы. Его трясет, как после недельного запоя, когда невозможно удерживать даже стопку.

Слышит крик петуха и выбегает в подъезд...

Двенадцатый

...На лавочке у деревянного дома сидит подтянутый старик, загадочно улыбается в камеру. Смена кадра. Мальчики подходят к старику, излагают просьбу.

– Значит, богов своих захотели?

Они кивают.

– Есть место одно... Но опасно там.

– Мы не боимся, – говорит худой.

– Ни капельки, – подтверждает полный.

Васька, Толька и старик едва сдерживали смех. Дядя Витя, игравший колдуна, был смешливым, бодрым дедком и охотно согласился сняться. «Я ведь Дианку, когда она меньше вас была, знал, – хвастал он. – Постоянно между домами носилась, всякое выдумывала. Так ведь, Диан? Не красней. Давай твое кино снимать. Значится, я страшный портельщик?»

– Стоит тут дом. Только его не строили. Сам появился, говорят. За одну ночь. Утром деревенские встали, а он на отшибе, мрачный, черный. Не жил в нем никто никогда, стороной обходят все. Немцы в сорок втором хаты подряд палили, но его не тронули. Глубоко фундамент у дома-то уходит. В место, где все боги мира рождаются. То, что вам надо.

Тревожная музыка (*взятая со стока*). Деревенская дорога. Вдалеке три силуэта. Медленно приближаются к камере, превращаясь в старика и двух мальчиков.

Переход с затемнением.

Съемка из сеней. Скрипит дверь, на доски ложится полоска света, затем входит троица.

Следующий кадр.

Широкая комната. Помещение пустое. Доски пола и стен почернели от плесени и гнили.

Василий вспомнил, как они спрашивали Диану Романовну: «А вы правда тут выросли?» Она смеялась и отвечала: «Да, но раньше здесь все было иначе. Покрасивей. Годы никого не щадят, да, Вить?»

Старик шепчет что-то на ухо мальчикам и вручает по мелку, потом спрашивает:

– Запомнили?

Дети кивают.

– Проговорите клятву, а потом обязательно перемешайте ее слова, как с ходу придет на ум, и тут же запишите. Так точно услышат.

---

² *Портельщик* – здесь: колдун, чернокнижник.

Худой мальчик медлит.

Полный делает шаг к стене и говорит:

– Верю в тебя, кличущий не утро, но ночь!

И пишет крошащимся мелом.

Перебивка. Кричащий петух. Кривая надпись на сгнившей древесине: *«в ночь кличущий верю тебя но утро не»*.

Один есть.

– Верю в тебя, гонительница пришлых!

Перебивка. Морда черной собаки, рычащей в камеру. Надпись: *«гонительница тебя верю в пришлых»*.

Второй есть.

– Верю в тебя, последняя из всех. Пожирательница! Ненасытная!

Перебивка. Свинья лежит на боку и меланхолично смотрит глазами-бусинками. Надпись: *«из всех ненасытная в тебя пожирательница последняя верю»*.

Третий есть.

Диана Романовна была больна. Это точно. Они были детьми, но дядя Витя, дурак, мог бы и забеспокоиться. Понять. Поговорить с ней.

Петуха и свинью Диана Романовна отсняла в хозяйстве у дяди Вити. А вот с собакой помогла соседка, крепкая женщина лет сорока, она посмеялась, но вывела огромного черного метиса со двора. Самым сложным было заставить пса зарычать; он, увы, был добрейшим существом, намеревался облизать всех и все вокруг, включая объектив камеры, и проявлять агрессию никак не собирался. Пришлось долго играть с ним, снова и снова отнимать палку, прежде чем удалось добиться хотя бы малейшего рыка.

– Эй, а ты?! Испугался, что ли?! – говорит полный.

Худой мальчик раздумывает, подходит, произносит клятвы и медленно пишет перепутанные слова.

– Ну, вот и все, – улыбается в камеру старик. – Боги готовы.

– Так просто? – спрашивает худой.

– Так просто.

– Что дальше?! – волнуется полный.

Затемнение.

На следующем кадре мальчики одни.

– Куда делся старик?! – притворно удивляется худой.

– Что дальше?! – повторяет полный.

Раздается крик петуха.

Кукареканье наложил Василий, тогда они просто делали серьезные лица, а Диана Романовна предлагала им фантазировать.

Полный мальчик вскрикивает, худой смотрит на друга с недоверием:

– Ты чего?!

– Ты не слышал?!

– Нет...

– Петух прокричал.

Тринадцатый

...Толик досмотрел финальный монтаж с очищенным звуком, откинулся в кресле и довольно улыбнулся:

– Ну а что, не шедевр, но...

– ...Для съемочной группы из учительницы и двух детей – неплохо?

– С языка снял. Блин, такая дичь, конечно, но потенциал какой! Нам бы тогда бюджетов побольше!

– Что дальше?

– Залью на Ютуб и раскидаю по группам фанатов перестроечных поделок. Вдруг кого зацепит, он и расшарит. А если и нет, то...

– Кино мы доделали. Память почтили.

– Именно! Мы молодцы!

Четырнадцатый

...Василий понял, что больше не может держаться.

Езда убаюкивала, Толик молчал, радиоведущий монотонно зачитывал новости, и голова Василия становилась все тяжелее, он прислонился к стеклу, смотрел на мелькающие столбы и маленькие домики, пока не отрубился.

И вот они с Ленкой и Вовой приехали к Толику в гости. Он гордо показывал им фотоателье. Небольшой светлый зал с панорамными окнами, вдоль стены тянется витрина с рамками, безделушками и примерами печати на футболках, кружках, брелоках.

Работница улыбнулась начальнику и запустила принтер, он загудел, зашелестели головки, вдалбливая чернила в глянец, и в лоток подачи выскользнуло первое фото. На нем испуганно улыбающийся Василий баюкает комок, запеленутый в красное одеяльце, а Лена придерживает мужа за плечо.

Следующий снимок принтер выплюнул быстрее.

Утренник в детском саду. Вовка в маске черной собачки на фоне украшенной елки.

Еще быстрее.

Лена, Василий и Вовка стоят у школы, Вовка с огромным белым букетом.

Быстрее.

Лена и Василий на годовщине свадьбы пьют, сцепившись руками, будто на брудершафт, Вовка сидит рядом и машет в камеру.

Быстрее.

Василий блюет в унитаз, а Лена отгоняет фотографа.

Быстрее.

Лена плачет, Вовка сидит у нее на коленях, обнимает плюшевого медведя.

Закричал петух, за панорамными окнами погасло солнце, заклубилась непроглядная темнота.

Снимки стали вылетать один за другим, без перерыва. Принтер гудел, словно буровая установка. Василий отступил, затыкая уши.

Фотографии, переполнив лоток, сыпались на пол.

Василий сидит в монтажной комнате «Останкино», берет у коллеги фляжку. Долгая бессонная ночь. Можно.

Василий пьет на кухне.

Лена и Вовка лежат на лестничной клетке, тонут в дыму.

Лена тянется к Вове, а он хочет обнять что-то невидимое, то, чего нет рядом, то, что в этот момент пинает его пьяный в умат отец.

Два прозекторских стола. Два обугленных трупа. Один побольше. Другой совсем маленький. Оба в позе боксера.

Тогда, при опознании, Василий разглядел каждую детальку: обрывок платья, впаянный в кожу Лены; Вовины руки, напоминающие тонкий сухой хворост...

Василий огляделся, ища поддержки, но залаяла собака. И Лена, и Вова, и Толик, и безымянная работница ушли в черноту дверного проема.

Василий почувствовал холод, ледяную скованность, промерзшие цепи, оплетающие саму его суть. Он будто снова стал мальчиком, застывшим перед могилой учительницы.

А принтер продолжал харкать снимками.

Василий заплакал, упал на колени и сгреб охапку фотографий.

Боковым зрением увидел черного метиса. Собака села рядом. От нее воняло перегаром.

Василий начал раскладывать фотографии.

В сказке мальчику было легче. Ему всего-то требовалось собрать из осколков льда слово «вечность». Василию же предстояло выложить из фотографий запоев и обгоревших трупов слово посложнее.

Он не уйдет отсюда, пока не получится.

А у него не получится.

Уже шла свинья. Она не спешила. И когда она войдет в ателье, Василий сам будет умолять, чтобы его сожрали.

Принтер гудел так, что дрожали стекла, грозили расколоться.

Василий переставлял фото местами, рвал, складывал обрывки, тасовал фрагменты, но результат не менялся. Иначе и быть не могло. Из смерти жизнь не создать. В ледяной игре разума не победить. От холодного жара осколков не спасут никакие рукавички.

Складывай, переставляй, тасуй, мальчик. Все равно выходят исключительно слова, воняющие формалином, гарью и кисло-горьким потом.

Герда не придет, ее не существует. Как нет и Снежной королевы, в общем-то.

Есть мальчик и фрагменты.

Нет. Только фрагменты. Ведь сознание мальчика – тоже давно уже просто ледяное крошево.

Собака зарычала и с разбегу прыгнула, толкая Василия боком, он начал отбиваться и саданул Толика по лицу.

Тот рассмеялся:

– Удар за удар? Уважаем. Ну как ты?

– Тормозни...

– Проблеться? Ща...

Машина остановилась у обочины, Василий расплакался и бросился Толику на шею, повис гирей, друг похлопывал его по спине.

– Толька... Толян... Медведя дай.

– Какого медведя? Тебя белка нагнала?

– У меня в сумке. Ты закинул с вещами. Игрушка. Плюшевая. Дай мне, пожалуйста...

– Да, да, сек.

Василий обнял медведя, от мягкой макушки до сих пор пахло ромашковым мылом Вовки, или просто так казалось.

Машина тронулась.

Скоро Василий опять заснул, но на этот раз кошмары не пришли.

Пятнадцатый

...По двору, сгорбившись, идет полный рыжий мальчик. Раздается собачий лай. Наплыв. Ближний план лица мальчика. Он вздрагивает, хмурится и вдруг расцветает улыбкой.

Мальчик резко разворачивается и быстрым шагом идет обратно.

Подходит к троим ребятам, пинающим мяч.

Сперва полного мальчика не замечают. Он кричит:

– Эй вы! Ну что, драться опять будете?! Хоть все налетайте!

Компания отрывается от игры. Все смотрят на мальчика.

Смена кадра, и вот уже видны только спины ребят, замерших по стойке смирно, затем они кричат и разбегаются прочь. Оставшись один, мальчик смеется, подбегает к брошенному мячу и пинает его.

За съёмку в кино пацаны (Василий забыл имена, хотя потом иногда тусил с ними) получили от Дианы Романовны пачку сигарет. Не слишком педагогично, зато эффективно.

Мальчик идет домой. У подъезда курит женщина в красном платье.

Василий сглотнул. Мама была такой молодой, такой красивой, она игриво смотрела в камеру, наслаждалась каждой секундой коротенькой роли.

Женщина выпускает облако дыма, замечает мальчика, пятится. Спотыкается о бордюр. Падает.

Падение вышло настоящим, случайно зацепилась каблучком. Мама сидела на асфальте, дула на стесанный локоть и смеялась: «Чего не сделаешь ради искусства!»

Мальчик смотрит недоуменно.

– Собака должна прогнать только тех сволочей, – говорит он.

Следующая сцена. Мальчик стучит в дверь. Ждет, ходит по площадке, заложив руки за спину.

Открывает конопатый мужчина в шортах и майке.

– Пап!

Мужчина, вскрикнув, захлопывает дверь.

Мальчик сидит на ступенях. Его плечи трясутся.

«Ну и херь вы снимаете... – вздыхал отец Тольки. – Оксан, может, лучше ты? Они же не отстанут. Ладно, ладно... Не хочешь, как хочешь. Давайте ваше кино. Знай – будешь учиться в этом году, как в прошлом, этот момент реальностью станет».

Мальчик встает и спускается.

Камера долго снимает пыльное подъездное окно.

Шестнадцатый

...Василия разбудил телефонный звонок, он поворочался, отложил мишку и дотянулся до смартфона. Толик. Часы показывали половину двенадцатого.

Лег пораньше, называется.

– Да?

– Вась... – Голос друга дрожал и, кажется, был заплаканным. Сердце Василия оборвалось. Что-то случилось. Очень плохое. За все годы дружбы он не слышал, чтобы Толик так разговаривал. – Приезжай. Пожалуйста.

– Сейчас такси вызову. Что случилось?!

– Я, походу, с ума схожу.

Когда Василий выбежал на улицу, такси уже ждало.

Рядом с подъездом Толика не горели фонари, Василий не сразу признал друга в темном силуэте на лавке.

– Что случилось?!

Толик поднял голову, в темноте Василий не мог разглядеть выражение его лица.

– Петух прокричал.

– Чего?.. Ты про фильм?

– Свет... Покажу.

Они подошли к подъезду, Толик приложил домофонный ключ к замку, на порог легла желтая полоска света.

Он зашел в подъезд, затрещало, свет замерцал и потух.

– Идем, идем.

Василий раскрыл рот и пошел следом. На каждом этаже свет гас, как только на лестничную клетку ступала нога Толика.

Они зашли в квартиру. На кухне горели свечи.

– Они держатся, но... Сам увидишь...

Толик подошел к ним. Яркие огоньки задрожали, как под порывом ветра, сморщились, уменьшились, потускнели до маленьких искорок.

– Твою... – выдохнул Василий. Толик всхлипнул и ушел в комнату.

Работал телевизор, горел монитор. Они не погасли, но яркость явно снизилась.

Толик упал на диван.

– Я задремал. Мне снилась... Мне снилась Диана Романовна. Что я сижу в ее квартире. Она сказала, все дело в нарезках. В фрагментах. Я запомнил всё. Блин, до последнего слова. Я сны не запоминаю же вообще, а тут...

– Что конкретно она сказала?!

– Ерунду. Нарезая, перемешивая, мы ненадолго ослабляем Контроль... Его цепи не так давят на нас... На эти мгновения остаемся только мы, только наша воля. Это и есть свобода. Потом Контроль снова застынет и зафиксирует, сделает твердым, реальным, что мы успели наворотить, но в момент нарезок он... ослаблен... и... «лишь нам выбирать, а мы уже выбрали». Так и сказала. А потом... Потом меня разбудил крик петуха. Я подскочил. Признитя же херня, думаю. Как из ее сценария... Включаю свет, и петух кричит опять. Громче. В комнате со мной. И...

– Свет погас.

– Да.

Этого не было в фильме, но описывалось в сценарии. С криком петуха приходит темнота, однако из-за невозможности наладить освещение от идеи пришлось отказаться. Василий обыграл это в медленном затемнении, но...

– Ты думаешь, это фильм? – спросил он.

– А что еще, по-твоему?! – развел руками Толик. – Мы его закончили, и происходит... это! Сон! С ней! Запомнил каждое слово! И, слушай, слушай, пленки... они не испортились за все время! Не размагнитились! Вот мать его! Сука! Точно они! Сука! Слушай, я не схожу с ума, сам все видишь. Или спишешь на перепады напряжения именно рядом со мной, на хер?!

– Я верю! Просто пытаюсь понять... Фильм не проклят. Мы прекрасно проводили время и...

– Но вот сейчас, сразу после того, как мы выложили его, происходит это! И она мне снится! И сраные бессмертные кассеты... Классический сюжет для ужастика, нет? Спусковой крючок для проклятия, порчи или чего там!

– И на хера ей нас проклинать?!

– Да, может, не нас. Просто злость! Слушай, она же самоубийца... Сука! Я! Не! Знаю! Понятно?!

Василий принялся ходить взад-вперед.

– Я боюсь... – продолжал Толик. – Дальше ведь собака, да? А потом...

– Нет! Фильм удалил?

– Ты спрашиваешь?! Первым делом. С Ютуба, с жесткого диска, с флешки. Так... Надо это и у тебя потерять.

Василий кивнул:

– И файлы в ателье. И пленки. Сожжем их.

– Да... Да... Поехали. Быстро.

В комнате раздался лай.

Собака вышла из тени прихожей, встряхнулась, обнажила белоснежные клыки и низко зарычала. Ее глаза были совершенно черными, цветом почти сливались со шкурой.

Собака сделала шаг.

Василий отступил, запутался в ногах, упал. Толик закрыл лицо руками и плакал.

Собака подошла к Василию, гавкнула прямо в лицо, из пасти несло паленым мясом, дымом, водкой.

Василий не пошевелился, стиснул зубы и, сдерживая стон, смотрел в ее глаза. В одно мгновение его выдернули из обычной жизни в фильм ужасов, но вместе с этим глубоко внутри он осознал, что ждал этого момента, знал, что все дороги, суммы всех ошибок, все фрагменты и несобранные льдинки должны привести сюда, к холодному дыханию псины, к ее немигающему взгляду.

По хребту бежало электричество, в животе тянуло, Василий отполз, собака шагнула следом.

Псина нависла над ним и гавкнула громче, на лицо капнули ледяные брызги слюны, в ее глазах запылали оранжевые огоньки.

– Она хочет, чтобы ты ушел, – тихо сказал Толик. – Со мной все. Беги. Лай прогоняет чужих. Она гонит тебя...

«Спасибо, без тебя, на хер, не догадался бы», – подумал Василий, поднял дрожащую руку и... кончиками пальцев дотронулся до морды собаки. С криком отдернул.

Шерсть была горячей, показалось, что он сунул пальцы в костер.

Собака зашла диким лаем. Но не кидалась. Стояла на месте. В глазах-окнах плавали картинки, сменялись одна другой, как в слайд-шоу. Вот Лена падает на бетонный пол рядом с Вовкой, с лестницы валит дым, огонь пока не виден, но уже...

Василий медленно встал и пососал обожженные пальцы, посмотрел на плачущего Толика:

– Собака лает, караван... Толь, где ключи?

– А?..

– Очнись, твою мать! Где ключи от машины?! Я поведу. Что-то мне подсказывает, это добро пойдет за нами...

– Ты... Я... Уходи!

– Лай прогоняет чужих, помнишь? Я – не чужой, Толь. Я не уйду.

Василий почувствовал мрачное торжество, адреналин прогнал страх.

Он схватил со шкафа первую попавшуюся книжку и с размаху запустил в собаку. Та с гавканьем увернулась от томика Берроуза.

Василий рассмеялся, подошел к псине, и она отступила на шаг. Появилось желание хорошенько пнуть ее в бочину.

– Ничего ты не сделаешь. Ни хера, слышишь?! Это ведь не по сценарию, ты только тявкать можешь. Гав, сука! Гав! Иди в жопу! Ну, бог гондоний, гавкни еще раз, а то я не понял! Гав, мразота! – Он выдохнул, вытер со лба пот и сказал тише: – Поднимайся, Толь...

– Я, кажется...

– Подмоешься! Где ключи?!

Они сели в машину через полчаса, перед уходом Толик вытащил из компьютера жесткий диск и сунул в микроволновку.

Собака появилась на заднем сиденье на середине пути, хотя Василий захлопывал перед ней дверь.

Порой она полаивала, и тогда салон попеременно заполняла вонь гари, водки, сожженных тел. Не помогали открытые окна. Василий посмотрел в зеркало заднего вида. В глазах собаки по-прежнему мелькали картинки. Вот он лежит на диване, а Вовка толкает папу в бок, пытаясь разбудить...

Василий отвернулся.

Семнадцатый

... Два мальчика, один худой и черноволосый, другой рыжий и полный, Вася и Толька, сидят на ди-ване.

Почти полное повторение первой сцены, разве что одеты иначе.

– Почему ты не убегаешь? – спрашивает полный.

– Она просто гавкает. Я не брошу друга.

В комнате, разумеется, никого, кроме них, но ребята то и дело поглядывают в центр. Там пустота.

Но они видят что-то.

– Собака прогоняет всех! Я не так хотел! Это не боги!

– Я думаю, что боги. Просто злые. Мы ведь из-за злости вызывали, вот злые и пришли...

– Что мне делать?!

– Поедем в деревню, сотрем в избе клятвы, и тогда они уйдут! Тогда...

Хрюкает свинья. А затем протяжно визжит.

Мальчики замирают, переглядываются и одновременно поворачивают головы к двери, ведущей в прихожую. Там темно.

– Я не хочу... – говорит полный, но... встает.

Худой хватает его за локоть, и полный со злостью отталкивает друга.

Медленно, покачиваясь, идет к темному дверному проему, на пороге замирает, плечи вздрагивают. Хочет обернуться, но не делает этого.

Заходит в черноту.

Близкий план лица худого мальчика, растерянно глядящего мимо камеры.

Тишина.

Затем громкое липкое чавканье.

Мальчик зажимает уши, подтягивает колени к груди, сжимается в комок.

Он лежит и всхлипывает.

А свинья ест.

Затем тишина. Мальчик встает, делает несколько неуверенных шагов.

В квартире раздается крик петуха.

Камера снимает мальчика со спины, он дрожит.

Скоро раздается собачий лай. Хрюканье свиньи.

Чавканье.

Мальчик стоит и ждет.

Затемнение, медленно переходящее в кромешный, непроглядный мрак.

Конец.

Белые буквы, появляющиеся на экране под микшированную какофонию из петушиного крика, лая и хрюканья.

Режиссер, оператор и сценарист: Диана Романовна Лирина.

В главных ролях: Василий Долгов, Анатолий Репин.

Также снимались...

Восемнадцатый

... Они заехали в ателье, забрали кассеты и стерли данные с компьютера.

Во дворе у дома Василия вытащили пленки, свалили в кучу рядом с детской площадкой, полили жидкостью для розжига, и Толик бросил спичку.

Пламя вспыхнуло в ночи и заискрило в глазах всех троих. Собака гавкнула и начала нарезать круги у воняющего горелой пластмассой, чадающего костра.

– Получилось? Ведь получилось?! – Толик схватил Василия за рукав. – Теперь осталось у тебя удалить и...

Василий смотрел на плавящиеся кассеты. Детство, записанное на магнитной ленте, пожирал огонь.

«Мы все сделали не так», – понял он.

Сгорали улыбающаяся Диана Романовна, маленькие Вася и Толя, дядя Витя, подмигивающий в камеру, мама в красном платье и забавно хмурящийся отец Толика. Их прошлое плавилось и навсегда растворялось в беззвездном черном небе, но...

Петух, собака и свинья не сгорали. В расплавленном месиве исчезнет все, но они останутся.

– Твою-то... – прошептал Василий. – Она хотела помочь.

– Что? Кто? – Толик вздрогнул и ошалело посмотрел на друга.

– Диана Романовна. Все дело в нарезках. Я знаю, что делать. Ко мне! Быстро.

Они вбежали в квартиру, Василий включил компьютер, упал на кресло и стал барабанить пальцами по столу, операционная система, как назло, загружалась медленно, белое колесико долго вертелось на экране, но вот динамики приветственно пиликнули...

– Вась...

– Что?! Сейчас я...

– Собака, Вась! Она исчезла!

Василий оторвал взгляд от монитора и выругался.

– Гляди, свет налачился! Не моргает даже! Может, нужно было сжечь пленки, они одни прокляты, а остальное...

– Нет, Толь. Просто пришло время...

В прихожей затопотала свинья.

Мир замедлился, будто невидимый монтажер растянул скорость клипа.

Или это Василий, встрепанный, одновременно испуганный и возбужденный, остро ощущал все, подмечал каждую деталь. Видел, как Толик поднимает ногу, отводит глаза, в них плещутся извинения и...

Василий успел вскочить и ухватить друга за плечо прежде, чем тот сделал шаг. Потянул, но разница в весовой категории была не на его стороне. Толик схватил Василия за воротник и с силой оттолкнул. Он перевернул кресло и влетел в стену.

Толик всхлипнул:

– Прости... Сам спасайся... Время есть... Прости... Я – не по сценарию.

И ушел.

Грохнуло. Толик визгливо крикнул.

Василий зажал рот ладонями. Опомнился. Выбежал в коридор.

Толик лег на пороге между кухней и коридором, между тьмой и светом.

Свинья заполнила всю кухню, Василий не увидел ни ее головы, ни ног, сплошь белая, мерно вздымающаяся туша среди обломков стола, разбитой посуды, сдвинутой плиты.

Ноги Толика были совсем рядом с телом твари, носками почти касались ее.

Василий медленно подошел, схватил друга под мышки и, стараясь не смотреть на бога, потащил.

Свинье это не понравилось. Она вскинулась, отчего по полу прошла вибрация и, показалось, даже дрогнули стены, с невероятной скоростью бросилась вперед, схватила огромной пастью стопу, дернула, Толик с визгом выскользнул из рук Василия.

Захрустели кости, влажно хлюпнуло мясо.

Василий закричал, попятился и выскочил из квартиры, на автомате захлопнул за собой дверь...

Девятнадцатый

...распрямился, поморщился от боли в спине (об стену он приложился хорошенько), вытер лицо краем футболки и отвесил себе пощечину.

Все дело в нарезках. В фрагментах.

Василий всхлипнул, развернулся, открыл дверь и зашел в прихожую.

Спросил, не глядя в кухню:

– Толь?!

Сквозь чавканье и хрюканье он едва расслышал ответ:

– Она... ест... медленно... Не могу закричать... не по сценарию... Беги...

– Я знаю, что делать. Держись!

Василий влетел в комнату, поднял стул и сел за компьютер.

Открыл папку с футажом. И выругался. Их стало больше. Еще вчера фрагментов было чуть больше двадцати, сейчас перевалило за двести.

Собери, сука, слово!

Василий набум открыл файл из конца списка. Слишком темно, хотя на экране явно что-то происходило. Он выкрутил яркость на максималку, сглотнул и резко обернулся.

Василий в мониторе с легким опозданием повторил движение.

В реальности в центре комнаты не было никого. На экране в центре комнаты стояли безволосые обугленные силуэты. Один повыше. Другой совсем маленький. У ног первого (это Лена) ходил петух, второй (это Вова) пытался отодрать впаянные в тело руки-хвостинки, чтобы погладить черную собаку.

Василий закрыл файл. Вытер соплю кулаком. Включил следующий.

На записи он отгалкивал стул, смахивал мониторы, пинал системный блок и убежал, захлебываясь рыданиями. Невидимая камера плыла следом.

Василий отчетливо представил, что ее держит Диана Романовна, лицо опухло и посинело, ноги не касаются пола, а петля, до сих пор обмотанная вокруг шеи, натянута до предела, уходит вверх и теряется в темноте.

Ему показали, как он смотрит на труп друга, который свинья вытолкнула обратно в коридор. Она хочет, чтобы Василий это видел.

Внутренности Толика вытянуты из живота, словно магнитная лента из разбитой VHS-кассеты...

Двадцатый

...Василий выходит из подъезда, а петух продолжает кричать. Мир тонет в синих сумерках, тьма пятном клубится вокруг, тени выползают из углов, тянутся навстречу, и он, затравленно оглядываясь, бежит прочь, а вокруг гаснут фонари...

Двадцать первый

...Лай настигает его в круглосуточном супермаркете, куда он забегает, наверное, чтобы быть рядом с людьми...

Потолочные лампы гаснут, как только Василий переступает порог.

Собака возникает из темноты за спиной.

Охранник и кассир ошарашенно смотрят, ничего не понимая, собака прыгает в их сторону, оглушительно гавкает, и они с криком убегают, а Василий плачет...

Двадцать второй

...Свинья окунает окровавленную морду в разорванный живот еще живого Василия. Обездвиженного, желающего, но не способного заорать.

Она ест очень медленно. Наслаждается каждым мгновением. Отрывает кусок плоти и методично жует, смотря безучастными глазами.

Теперь – самое вкусное.

Тянет из живота кишки, одновременно жуя, и во все стороны брызгает...

Последний

...Василий закрыл футаж, желудок скрутило в спазме, еле сдержал рвоту.

Толик плакал.

Жив еще. Шанс есть.

Василий удалил финальный монтаж фильма, так и оставшегося без названия, рассортировал футаж по дате изменения и открыл первый.

Или никаких шансов нет. Никогда не было.

На экране огромная свинья пожирала ноги Василия, лежащего у компьютера.

Следующий.

Он хотел вскрыть себе горло осколком разбитой кружки. Неудачно. Услышал топот свиньи, опустил руку, кровь из царапины тоненькой струйкой сочилась на шею. Он улегся на пол и...

– Сука-а-а-а-а-а-а-а-а!

Василий схватил эту самую кружку и швырнул в стену.

Он не найдет нужных футажей. Это невозможно. С каждой секундой папка пухнет, файлов становится больше. Разные вариации одного конца.

Свинья разорвет тебя на фрагменты, мальчик. Слово из льдинок не собрать.

Василий прикрыл лицо ладонями, стал скулить молитву и вдруг осекся. Бог далеко. Бог не отвечает. Либо не слышит, либо ему плевать, что, в общем, равноценно.

А значит...

Значит, нужно просить того, кто ответит. Как те дети из безымянного фильма.

В голове вспыхнул рассказ Толика.

«Нарезая, перемешивая, мы ненадолго ослабляем Контроль... Его цепи не так давят на нас... На эти мгновения остаемся только мы, только наша воля», – сказала Диана Романовна в его сне.

«Контроль, что бы это ни значило, был охеренно так ослаблен, судя по всей этой дичи», – подумал Василий.

Он прошел через комнату, под ногами хрустели осколки кружки. Поднял с кровати медведя, поправил бант, посмотрел в голубые стеклянные глаза и прошептал:

– Верю в тебя, защитник снов и детей. Верю в тебя, гонитель кошмаров. Верю в тебя, друг Вовы. Мой друг.

«Проговорите клятву, а потом обязательно перемешайте ее слова, как с ходу придет на ум, и тут же запишите».

Василий взял со стенки фломастер и написал на обоях: *«верю друг детей и Вовы защитник в тебя верю гонитель снов кошмаров верю в тебя мой друг в тебя в»*

Ничего не изменилось. Свинья жрала. Толик плакал.

Василий с игрушкой вернулся за компьютер, посадил медведя на стол, кликнул правой кнопкой мыши, нажал «обновить» и торжествующе закричал:

– Да, да! Спасибо! Спасибо!

Лишние файлы исчезли, медведь прогнал кошмары. В папке, как и положено, остались только футажи, отснятые много лет назад.

Василий достал смартфон, быстро выбрал несколько фоток, скинул в «телегу», сохранил на компе, открыл Premier и...

...стал исправлять мир.

Пожираемый свиной Толик обреченно завыл и заливисто рассмеялся, показал язык в камеру, его конопатая рожа сияла от удовольствия, он прыгнул на диван, поджал под себя ноги, ткнул Васюку головой в плечо и спросил:

– Ну что, начнем снимать? Офигеть! Звезды кино! Жуть получится!

Последнюю фразу Василий вырезал, вставил затемнение, растер по лицу слезы вперемешку с соплями, заорал и первым, не стягивая шорт, прыгнул в речку, поднял в воздух брызги, ледяная, еще не успевшая прогреться вода обняла его, пятки тронул скользкий ил.

– Айда сюда!

Толик повернулся к камере, точно спрашивая разрешения, а затем улыбнулся и сиганул в речку следом под смех Дианы Романовны. Они в два голоса звали учительницу присоединиться, но она качала головой, говорила, что не взяла купальник, и с помощью камеры заключала летний день в магнитную вечность.

Василий перетянул в программу следующий файл.

Диана Романовна с удавкой на шее сжимала камеру, лицо исказила гримаса боли, веревка потащила тело вверх, Диана Романовна обмочилась, захрипела, и ее обнял старик, солнце переливалось в их седых волосах, они стояли у калитки, шурились от солнца.

– Фига ты вымахала! А это неужто внуки?

– Куда там, дождешься, чтобы сынок приехал с ними. Ученики.

– Ну-у-у-у-у! Значит, почти что внуки. Чай будете, пионеры?!

Василий нарезал, убирал ненужное, безжалостно кромсал бракованные фрагменты.

Оставались пацаны с мячом, смеющиеся над предложением Дианы Романовны; мама в красном платье, разглядывающая стесанный локоть; отец Толика, закатывающий глаза, одновременно взъерошивая сыну волосы.

Навсегда исчезали испуганные безымянные дети, что придумали богов.

Остались Васюка и Толька.

Они никого никогда не придумывали, а значит, и богов не существовало, был восторженный петух, носящийся по двору, добродушный метис, лижущий их лица, и свинья, равнодушная ко всему на свете.

Детство растягивалось на таймлайне солнечным лучом, и Василий бросил в него фотографии со смартфона.

Обугленные неподвижные фигурки, лежащие на прозекторском столе, обросли плотью и стояли на школьном дворе, Вовка (живой) был такой маленький, что из-за пышного букета торчала только макушка с вихорком, Лена (тоже живая) улыбалась, слегка запрокинув голову.

Следующий снимок, и они все вместе: Василий, Толик, Лена, Вова на ступеньках у входа в недавно открытое фотоателье. Вовка сидит на шее у Толика, раскинул руки, будто хочет обнять весь мир, Лена положила голову на плечо Василия.

Он ровнее усадил плюшевого мишку, сфотографировал и добавил в кино.

Финальный фрагмент. Последняя льдинка.

Но еще не конец.

Василий стал переставлять футажи в случайном порядке, нарезать кадры, отзеркаливать, смешивать, разбивать логическую последовательность. Чем сильнее режешь, перемешиваешь,

тем слабее удушливый Контроль, глупые сценарии, липкое прошлое. Тем живее, ярче, злее хаотичная пульсация того слова, которое Василий хотел выложить еще в детстве, в момент похорон Дианы Романовны.

И сейчас у него, кажется, получалось.

Он собирал бессмысленность, полную смысла.

Сценарий рассыпался на предложения, затем на перемешанные слова и разлетелся маленькими буквами, навсегда исчез в пустоте, как и никогда не существовавшие боги.

Смех, обрывки фраз, плеск воды, звонкий удар по мячу, вскрик матери...

Какофония, полная свободы.

Василий остановился, понимая, что достаточно, и запустил экспорт файла.

За окном пылало золото. Он был настолько поглощен работой, что не заметил, как свинья перестала есть, а Толик затих.

Василий боялся встать, проверить, увидеть.

Врос в кресло, не отводил взгляда от монитора и медленно заполняющейся полоски.

Василий понял, что на футаже из не случившегося будущего забежал в супермаркет вовсе не за тем, чтобы оказаться рядом с людьми, он хотел схватить водку и хлебать, надеясь отключиться прежде, чем придет свинья.

Полоска заполнилась. Пиликнуло. Фильм готов.

Свинья не придет. Этого не случится. Богов больше нет.

Но какой смысл, если и Толик ушел с ними?

Василий переименовал файл. Пять букв. У этого кино, в отличие от фильма Дианы Романовны, было название. И оно нравилось Василию. Понравилось бы и ей.

И Вовке. И Ленке. И Толику.

Василий запустил фильм. Беспорядочно смешанные куски детства и счастья замелькали перед глазами.

Душили слезы. Петух не прокричит, но на кухне его ждет...

Василий поставил кино на паузу, закрыл лицо и завыл во весь голос.

Вдруг теплое, липкое коснулось локтя.

Василий опустил взгляд, вскрикнул и сполз на пол. Затем опомнился, вытащил из брюк ремень и перетянул обрубок ноги Толика.

Теперь сценарий в отсутствии сценария.

– Она... Она... Ушла... Давно... Я сознание потерял, когда исчезла... Кажется... Я... Больно... Больнее, чем когда ела... Очень... Вась... Она не вернется? Что... Что дальше?.. – простонал Толик.

Василий набрал скорую, Толик потерял сознание, уронил голову ему на колени. Из обрубка текла кровь, несмотря на жгут. Много крови.

Но скорая должна была успеть.

Василий дотянулся до стола, вслепую хлопнул по клавиатуре, включил фильм и случайно сбил медведя, игрушка упала рядом с Толиком.

– Дальше... дальше... – прошептал Василий и замолчал, глядя друга по голове.

Комнату наполнили радостные голоса и смех, фрагментами складывались в одно-единственное слово.

Дальше оно.

Дмитрий Тихонов

Волчья сыть

Разговоры о мертвецах Тишку не пугали. Чужие собаки беспокоили его куда больше. А потому, вместо того чтобы водить коз в низину, как делали остальные пастухи, он гонял отару вверх по дальнему склону горы – туда, где за старой скудельней вдоль соснового леса тянулся ровный, открытый всем ветрам и дождям участок.

Дикое зверье сюда не забиралось, лай из деревни не долетал, люди тоже захаживали редко – а ежели захаживали, то по сторонам особо не пялились, торопясь миновать скудельню, – и Тишке не о чем было беспокоиться. Целыми днями валялся он в траве, мечтая да изучая ползущие мимо облака, пока козы наедались до отвала.

Именно тут одним теплым вечером на исходе лета Тишка и повстречался с государевым человеком, ехавшим вверх по склону на рослом красивом караковом аргамаче. Человек был одет в черный монашеский подрясник и скуфью, но в седле держался уверенно, вокруг смотрел по-хозяйски, с недобрим прищуром, будто стрелу нацеливал. На поясе его висела сабля в окovaných медью ножнах. Тишка, умевший в любом облаке разглядеть суть Господнего замысла, сразу понял, что это не монах. А уж когда увидел метлу без рукояти и здоровенную собачью голову, притороченные к седлу, так и вовсе заподозрил в проезжем черта или колдуна, явившегося в гости к погребенным здесь безымянным покойничкам. Вот только скрыться от нечистого было негде. Разве что драпануть вниз по склону, бросив коз и рискуя поломать ноги. Тишка как раз начал всерьез обдумывать эту возможность, когда всадник, заметив его, остановился посреди тропы.

– Эй! – Голос звучал властно, без единого намека на дружелюбие или христианское смирение. – Эй, пастух! Поди-ка сюда!

Делать было нечего. Тишка приблизился на заплетающихся ногах, поклонился до земли, по-холопыи, и замер, так крепко стиснув в пальцах костяную жалеюку, что та треснула ровно посередке.

– Где ж твоя псина? – спросил всадник, осматриваясь. – Спряталась, что ли?

– Нету... – вздохнул Тишка. – Я сам по себе.

– Чудно! Да ведь с псиной-то оно сподручнее скотину сторожить.

– Не люблю... Побаиваюсь. Меня в малолетстве дворовый полкан потрепал, и с тех пор я как их вижу, так сердце в пятки и уходит. Ничего поделать невозможно.

– Ясно. – В голосе всадника, к удивлению Тишки, не появилось ни тени насмешки. – Стало быть, живешь со страхом в душе? Ну, мою-то псину не бойся, она уж точно не кусается.

Тишка осторожно глянул на отрезанную собачью голову у седла, на шерсть в давно запекшейся крови, на мутные глаза и ощеренные в застывшей смертной муке желтые клыки, потом перевел взгляд на собеседника – тот не шутил, не издевался, говорил ровно то, что имел в виду.

– Хорошо... – пробормотал Тишка. – Не буду.

– Вот и славно. Скажи-ка, не донимают ли вас здесь волки?

– Нет. Они сюда, на гору, не добираются.

– А я не про гору. Идут в окрестных деревнях слухи, будто бы объявился в ваших краях какой-то особенный волк, огромный да умный. На людей нападает. С весны аж семерых загрыз, говорят. Будто бы и не простой это волк даже, а самый что ни на есть оборотень. Слыхал?

– Слыхивал, – нехотя подтвердил Тишка. – Так ведь то старухи сочиняют, чтобы малышню со двора не пущать. Пустое. Брехня все.

– Не веришь, стало быть, в оборотня?

– Не верю, – виновато вздохнул Тишка, да столь усердно, что жалейку свою несчастную окончательно надвое переломил.

– А кто ж людей-то тогда погрыз?

– Да мало ли лихого народа по дорогам шляется. Может, кто из них. Тятка сказывал, случается и такое, что человек человека жрет – в голодный год али еще почему. И ежели грех этот не замолить вовремя, он по всей душе расползется, навреде плесени, и душа-то сгниет. Потом вроде и человек, а хуже любого зверя...

Переведя дух, Тишка поднял взгляд на всадника. Тот задумчиво смотрел в сторону, чуть ухмыляясь уголком рта. В короткой бороде его хватало седины, в ухе болталась серьга, на шею сбоку выползал из-под черного ворота багровый шрам, кривой, словно медвежий коготь. Такого разве проведешь? Разве уговоришь?

– А может, и волки, – набрав побольше воздуха, затараторил Тишка. – Всякое случается. Ежели целая стая, то и не каждый взрослый мужик отобьется. Надоть знать, как себя с волками вести. Вон, годов тому пяток, из нашей деревни парня с девкой загрызли на дороге, у самой, почитай, околицы – хотя это зимой случилось, а зимой волк особенно лютует...

Конь под незнакомцем раздраженно фыркнул, переступил копытами, и пастух замолк.

– Ужасы какие, – по-прежнему криво усмехаясь, сказал всадник. – И все-таки у тебя духу хватает целыми днями здесь торчать, да еще без псины, пусть даже самой заваливающей.

– Дак ведь то когда-то случилось-то! – всплеснул руками Тишка. – Говорю ж, лет тому пять назад, а то и поболе.

– Поболе... Ладно. – Всадник взялся за поводья, поворачивая аргмака к тропе. – Разве сторож я тебе, пастух? Не боишься так не боишься. Молодец!

Он не спеша поехал прочь. Не задерживаясь, миновал скудельню, без заметного любопытства осмотрев трухлявые плетни и едва различимые в траве холмики, и вскоре скрылся из виду, вместе с тропой растворившись в густом сосняке. Но Тишка еще несколько минут стоял неподвижно, напряженно всматриваясь в тени среди янтарных стволов, вслушиваясь в скрип ветвей.

Потом очнулся, спохватился, похолодел от ужаса. Нужно было спешить к отцу. Нужно было срочно рассказать, что случилось.

Тишка окинул беспомощным взглядом коз, равнодушно жующих траву, махнул рукой и помчался по склону вниз, не разбирая дороги. Вслед понеслось встревоженное блеяние, но обернуться он уже не рискнул.

Лишь чудом не свернув шеи, пастух скатился в березовую рощицу, с разгона пролетел сквозь нее, перемахнул через ручей с неподвижной черной водой и понесся вдоль поля к видневшимся вдали раскидистым дубам, отмечавшим край Коровьего оврага. Густые летние запахи хлестали Тишку по лицу.

Дыхалки хватило почти на всю дорогу. Дом, где он жил с отцом и сестрой, уже виднелся среди буйной зелени впереди, когда Тишка понял, что больше не может бежать. Перед глазами плясали черные мухи, деревья вокруг плыли и качались. Он остановился, раскинув руки в стороны, чтобы удержать равновесие, но тут же согнулся пополам. Его вырвало несколькими каплями желтой, дурно пахнущей желчи. Сразу стало легче.

Тишка побрел дальше. Тяжелую воротину открыл, навалившись всем весом, проскользнул во двор. Уже взбираясь на крыльцо, опустил взгляд и увидел, что до сих пор сжимает в кулаке обломки жалейки.

Дом стоял на отшибе, окруженный забором, отделенный от остальной деревни оврагом и густыми зарослями. Много лет назад его выстроил кузнец Микита, Тишкин дед, умелый и уверенный в себе человек, не знавший недостачи ни в уважении соседей, ни в барыше.

Единственный сын Микиты к кузнечному ремеслу оказался непригоден – дед говорил, что руками тот в мать пошел, – и потому после дедовой смерти дела у семьи потянулись ни

шатко ни валко. А в последнюю весну испортились совсем. Но дом стоял, основательный и крепкий, и, хоть почернел от минувших лет, по-прежнему служил своим обитателям верой и правдой. Его слава – дурная слава, обычная для жилища умершего деревенского кузнеца, – отгоняла непрощенных гостей и праздных гуляк. И некому было удивляться пустой будке во дворе.

– Тять! – заорал Тишка, едва оказавшись в сенях, где по стенам висел заржавленный кузнечный инструмент. – Тятка! Ты где?!

Он прошел в горницу, все еще с трудом дыша, и увидел отца. Тот сидел сторбившись на лавке у стены, в густых зеленых тенях. При появлении сына старик недовольно нахмурился, но, сразу поняв, что дело серьезное, подался навстречу:

– Ты чего, Тимофей?! Али гонятся за тобой?

Тишка замотал головой.

– Кажись, нет, – проговорил он. – Прежде чем сюда сигануть, я дождался, пока он подальше уедет.

– Кто?

– Царев человек. В черном весь, с собачьей башкой и метлой у седла.

– Да ну! Где? Чего хотел-то?

– На горе, у скудельни. Про оборотня выспрашивал, тять. Про людей погрызенных.

Даже в тенях было видно, как побледнел отец. Ссутулившись еще сильнее, он метнулся к окошку, осторожно высунулся наружу. Несколько долгих мгновений старик осматривал двор и тропу за забором, хищно втягивая воздух длинным носом, потом захлопнул ставни, пробормотал:

– Ворота замкнуть надо... – И пошел на улицу.

Тишка следовал за ним по пятам, скороговоркой, но в мельчайших подробностях описывая встречу с черным всадником. К тому моменту, когда тяжелый окованный медью засов опустился в пазы на створках ворот, отец знал все. Вернувшись в дом, он порылся в сундуках и выудил из-под пестрядевых сарафанов саблю дедовой работы. Неуклюже вытащил ее из черных кожаных ножен, проверил пальцем остроту клинка, одобрительно крикнул.

– Тять, – подал голос Тишка, изрядно оробевший от вида оружия, – думаешь, он нас отыщет?

– Как пить дать, – злобно сказал отец, взвешивая саблю в руке. – Я про этих черных-то слыхивал. Если уж они сюда заявились, землю станут рыть, а без добычи не уйдут. Тикать надо, вот чего.

– А как же Пелагея?

– То-то и оно! – рыкнул отец. – То-то и оно, что Пелагея! Пока сука не прочухается, никуда не денемся. А это еще дня три, ничего ведь, почитай, и не началось толком-то.

– Нынче только первая ночь полнолуния.

– Знаю! Потому и черные пожаловали – хотят, чтобы сука сама им в руки прибежала.

Придется ее в цепях все время держать.

– Выть будет.

– Пушай воеет. Ежели выпустим, пропадет. Черные-то только того и ждут. – Старик задумался, принялся постукивать себя пальцем по носу. – Надо бы с ней пару курей запереть, а вместо воды в кадучку вина налить. Нажрется, налакается и уснет.

Тишка покачал головой:

– Все равно выть будет. И об стены биться.

– Авось пересидим. А там соберемся и утечем, затаимся на время в Ольховке у тетки али просто где в лесу укроемся, шалашик соорудим. Не будут же черные здесь аж до следующего полнолуния ошиваться...

Тишка сомневался, что все выйдет так легко, однако перечить отцу не решился. Да и не мог предложить ничего лучше. Сободрялось туго, первый страх прошел, но теперь в груди копилась тяжелая колючая тревога, и каждая мысль непременно сворачивала к темному силуэту всадника на тропе среди деревьев, к метле и отрезанной собачьей голове, к давно засохшей, похожей на грязь крови на оскаленных клыках. Того и гляди, сам взвоешь.

От любой кручины средство одно – работа. Тишка пошел в клеть, отыскивал среди ларей и кадок бочонок, в котором еще оставалось где-то на гарнец прокисшего хлебного вина, слил его в свободную кадушку. Потом выбрал в курятнике двух кур постарше, усадил их в корзину и вместе с кадушкой потащил все это в подпол.

Там в угловом закутке, за тяжелой дубовой дверью, специально поставленной отцом, на пышной куче свежего сена сидела Пелагея, младшая Тишкина сестра. Была она очень на него похожа, только глаза другого оттенка, мамины, да нос чуть вздернутый, да ямочки на щеках заметнее.

Как-то весной Пелагея отправилась в лес и пропала. Отец с Тишкой искали ее по округе два полных дня, а на третий она сама вышла к дому, вся изодранная и изломанная, в насквозь продубевшем от крови сарафане. Стоило девушке ступить во двор, как сторожевой пес, прежде обожавший ее, залился вдруг злым лаем и принялся бросаться на хозяйку, едва не обрывая цепь. И лаял до тех пор, пока вечером отец, совсем ошалевший от горя и шума, не проломил ему голову топором.

О том, что случилось с Пелагеей в лесу, так и не узнали – с того дня она не произнесла ни слова. Глубокие раны на ее спине зажили на удивление быстро, оставив лишь едва заметные розовые шрамы. И мелькнул тогда, в апреле, какой-то небольшой промежуток, всего несколько суток, когда казалось, что все наладится. Отец повеселел, а сам Тишка даже успел задуматься о новой собаке и порадоваться этим мыслям. Но потом наступило полнолуние, и Пелагея обратилась в первый раз. Никогда прежде Тишка не подозревал, что может так бояться.

Он и сейчас боялся, хотя сестра выглядела совсем обычно, а ее щиколотки были прикованы короткими толстыми цепями к двум врытым в землю железным кольцам. В человеческом облике ей бы не хватило силы, чтобы расшатать и выворотить кольца, а в зверином для этого недоставало ума. По крайней мере пока.

Увидев брата, Пелагея всхлипнула, виновато опустила голову. Лицо ее опухло от слез. Среди спутанных волос виднелась засохшая кровь – должно быть, опять билась о стену. Удивляться нечему: она лучше всех знала, что должно произойти.

– Вот принес, – буркнул Тишка, чувствуя острую потребность нарушить молчание. – Чтобы не скучала одна тут, пока...

Он поставил корзину с беспокойно завозившимися курами у самой двери, рядом опустил кадушку с вином. Долго разглядывал сестру, собираясь с мыслями, потом все-таки заговорил снова:

– Там человек тебя ищет. Царев человек. Весь в черном, страшный. Поэтому мы с тяткой решили, что лучше пересидеть полнолуние здесь. Не будем тебя выпускать.

Пелагея отвернулась, отодвинулась к дальнему углу, звякнув короткой цепью, и скорчилась там, обхватив голову руками. Плечи задрожали в тихих рыданиях, похожих на то, как дышала перед смертью матушка, – память об этом преследовала Тишку с раннего детства. Он стиснул зубы, борясь с подступающими слезами.

Сестру было жаль до ужаса, до боли в животе, однако помочь ей простой деревенский пастушок не умел. Отец, тот с самого начала лета ездил по знахарям, мельникам и колдунам, узнавал, выспрашивал – обиняками, инословьем, – но так и не отыскал ни одного способа избавить оборотня от проклятия. Оборотня всегда надлежало убить. Может статься, кто-то из тех мельников или знахарей и навел государева человека на след.

Тишка шагнул к сестре, но вплотную приблизиться не посмел. Дотянулся осторожно, провел пальцами по окровавленным волосам:

– Тятка решил, утекать нам надо. Туда, где помогут. Вот это полнолуние переждем и уедем. Ты просто потерпи еще немножко, ладно?

Говорил – а сам все думал о заросшей скудельне на склоне горы, на краю леса. Когда-то там хоронили чужаков и проходимцев, всякую нечисть без роду и племени, которой нельзя было осквернять деревенский погост. Неужто и Пелагею в конце концов – туда, в липкую глину, без креста? Ведь, наверное, грешно будет положить ее рядом с православными? Рядом с людьми?

От этой мысли Тишку снова замутило. Он отшатнулся от сестры, хмыкнул что-то на прощание и, уходя, запер тяжелую дверь на засов.

Наверху отец заколачивал окна. В ход шли последние кованые гвозди из дедовых запасов. Тишка взялся помогать.

– Вот ежели полезут... – бормотал отец, прибывая очередную доску. – Ежели полезут, завязнут, тут-то мы их и встретим как положено.

Как именно «положено» встречать, он не пояснял, но сваленные у печки косы, вилы и топоры – все, что имелись в хозяйстве, – были красноречивее любых слов. Тишка старался не смотреть на них лишний раз. Дедова сабля лежала отдельно, на лавке под образами, точно самое важное сокровище.

Между тем снаружи понемногу темнело. Шумели тоскливо дубы над оврагом. Отец то и дело поглядывал меж досок на небо, задумчиво чесал в затылке. Покончив с последним окном, саданул молотком по стене, сказал сердито:

– А все-таки ж надо за козами идти, будь они неладны.

– Но ведь...

– Вот тебе и «но ведь»! Уж скоро ночь, деревенские-то скотину домой ждут. А не дождутся, явятся спрашивать с тебя. Сюда явятся. Думаешь, ежели у дома толпа зашумит, государевы люди не заметят? Конечно, заметят, решат разобраться – тут-то нам и каюк. Сходи, собери коз, верни в деревню. Осторожнее только.

– Ох... Ладно.

– Чуть чего – дурачком прикидывайся. Я, мол, не я, не знаю ничего. Постой-ка, вот на дорожку... – Отец несколько раз перекрестил сына, широко, нервно, неровно.

Тишка в ответ лишь вздохнул. Легко сказать – прикидывайся. Легко сказать – собери коз. Но возразить, разумеется, было нечего – если к ночи не вернуть отару в деревню, с утра пораньше жди беды.

– Ну, ступай, сынок. Счастливо!

Тишка прихватил в сенях ножик на кожаном ремешке, вышел во двор, покрепче затянул кушак и, опершись босой ступней на засов, взметнулся на ворота, намереваясь одним движением перемахнуть их, – но, в самое последнее мгновение увидев в тенях под дубами знакомый жуткий силуэт, резко подался назад и, не удержав равновесия, грянулся наземь, больно ушибив левый локоть.

Скрипя зубами от боли, он поднялся, припал глазом к щели между створками. Так и есть, не почудилось: проклятый черный человек, теперь без коня, ждал под деревьями, чуть в стороне от тропы, ведущей к воротам. И ничего сложного не было в том, чтобы разглядеть на бледном лице недобрую ухмылку.

Не дыша, Тишка скользнул обратно в дом. Ни одна доска не скрипнула под ним, ни одна половица. Но он знал, что все старания напрасны, – разве можно обмануть колдуна?

– Он пришел, тять, – прошептал Тишка в ответ на немой вопрос отца. – Царев человек ждет за воротами.

Отец вскочил, кинулся было к сабле, но в последний момент отпрянул от нее, бестолково засуетился вокруг крестьянских орудий, сваленных у печки. Выбрал один топор, взвесил в ладони, недовольно цыкнул, схватил другой, потом отбросил оба и взялся за вилы. Руки его тряслись.

– Тот самый? – наконец спросил он, невнятно, словно смущаясь. – Тот же, которого ты на горе видал?

– Да.

– Один?

Тишка пожал плечами:

– Бог его знает. Больше никого не углядел.

Отец шумно, сердито выдохнул, потряхнул головой:

– А он тебя – заметил?

– Наверняка. Я ж на ворота заскочил, как тут не заметить.

– Ух, щеря! – Отец занес над головой дрожащий кулак, грозя не сыну даже, а густеющему сумраку вокруг. – Осторожнее надоть... Ладно, схожу посмотрю, вправду ли он один. А ты сиди тут, наружу носа не кажи!

– Но...

– Тут сиди, сказано! Ежели только один явился, узнаем еще, кто кого.

Отец вышел на крыльцо, бросил осторожный взгляд поверх ворот, сразу увидел человека в черном. Тот не прятался.

Откуда-то из-под страха выкарабкалась злая игривая мыслишка: а что, если удастся все-таки одолеть пришельца? Одного-то – почему бы и не одолеть? Да, старик с вилами бывалому воину не соперник, но ведь у старика, кроме вил, еще кое-что имеется. В подполе припрятано.

– Бог в помощь! – откашлявшись, заорал хозяин с крыльца. – Заплутал, добрый человек?

Гость вышел из-под деревьев, остановился посреди тропы так, чтобы закатный свет падал ему на лицо.

– Нет, – ответил он низким спокойным голосом. – Ровно там, где хочу быть.

– А чего это тебе здесь понадобилось-то? Ежели переночевать, то ступай вон в деревню, за оврагом! Я-то небогато живу, ни хлеба, ни кваса...

– Брось, старик. Меня сюда не голод привел.

– Да ну?

– Меня привел запах. От сына твоего волком несет, да так, что за версту слышать. Вот по следу и пришел.

Несколько долгих мгновений понадобилось хозяину, чтобы одолеть сжавший горло страх. Еще раз прокашлявшись, он пару раз демонстративно втянул носом воздух и пожал плечами:

– Ничего не чую. Что за нюх у тебя такой, добрый человек?

– Не у меня, – с усмешкой ответил гость и поднял руку, в которой держал мертвую собаку голову. – У нее.

Вдоволь насладившись замешательством старика, он указал куда-то за спину, в наступающую ночь:

– Козы в отаре, поди, приняхались, обвыкли, ну да с них невелик спрос. А вот любому псу волчья вонь поперек горла. Потому и здесь никто чужака лаем не встречает. Не стерпелось, не слюбилось – верно?

– Никак в толк не возьму, что сказать-то хочешь, – проворчал хозяин. – Ежели запах сына не понравился, ну так прогуляйся вон до реки, там надышишься свежим ветерком.

Улыбка сползла с бледного лица государева человека. Опустив глаза, он заговорил, глухо и монотонно, словно читая давно заученную молитву:

– В апреле Петр Карась, Семенов сын, доводчик уездного суда, убит по дороге из Медвежьей слободы в Зосимьевку. Растерзан, выпотрошен, потроха и конечности съедены. В мае отец Диадок, инок Анфимиева монастыря, убит на перекрестке в окрестностях Ветлынова. Разорван на части, поеден. Месяц спустя Настасья, сошная крестьянка, убита на том же перекрестке. Выпотрошена, голова оторвана, обглодана до костей. Еще через месяц оборотень во главе волчьей стаи явился в село Коростаево, и, пока обычные звери грабили курятники и хлева, чудовище ворвалось в жилую избу и убило хозяина, Ивашку Рябинового, вместе с женой Ульяной да двумя ребятишками. Меньшой сынок укрылся на полатях, остался цел и рассказал о волке, ходившем на двух ногах, как человек...

При каждом слове этой жуткой речи холод в груди старика становился все злее и безжалостней, но прервать ее или уйти с крыльца он не решился. Когда незванный гость наконец замолк и снова поднял взгляд, старик не нашелся что ответить. Так они и стояли в молчании посреди расцветающей ночи – долго, мучительно долго – до тех пор, пока пришелец не вздохнул устало и не сказал:

– Проведи меня к оборотню.

– Что?

– Хватит. Проведи меня к оборотню, и все кончится. Кем бы он ни был прежде – твоим братом или сыном, женой или дочерью, – это больше не Божье творение, созданное по Его образу и подобию. Разве обращался Господь кровожадным зверем каждое полнолуние? Нет, нынче это орудие Ада Всеядца, живущее только затем, чтобы губить добрых христиан. Проведи к оборотню, и я оставлю тебя в покое, замаливать грехи и заглаживать вину.

Старик плюнул, круто развернулся и скрылся в доме. Дверь сразу же запер на крюк, привалил пустой кадкой. Беззвучно бормоча под нос проклятия вперемишку с молитвами, он вошел в горницу и позвал Тишку, сидевшего у крайнего окна:

– Ступай вниз, отвори темницу. Ежели сука спит – ткни палкой, разбуди!

Лицо сына искривилось в горестной гримасе:

– Тятка, не надо! Не отдавай...

– Цыц, дурень! Не собираюсь я никого отдавать. Черный явился один, а значит, быть ему сегодня волчьей сытью.

Тишка сразу повеселел, бодро вскочил на ноги. Отец ухватил его за рукав:

– Смотри цепей-то с нее не снимай. Разбуди, дверь открытой оставь и только – пушай воем, созывает своих.

– Понял, тять.

– И осторожней там. Ближе не подходи.

Тишка запалил лучину и спустился в погреб. Тьма вязко подалась в стороны, открывая путь к запертой двери, из-за которой доносилось тяжелое утробное дыхание. Пелагея спала.

Стараясь сохранять тишину, Тишка отодвинул засов, осторожно осветил громоздящуюся на самом пороге фигуру: серая шкура, обрывки платья, длинные конечности – не то руки, не то лапы – с когтистыми пальцами. Мерно поднимался и опускался поросший серой шерстью бок, подергивалось острое волчье ухо.

Куры в корзине были растерзаны в клочья, кадушка с вином опрокинута. Тишка на цыпочках вернулся к лестнице, отыскал под ней обломок жерди и, держа его на вытянутой руке, осторожно ткнул острым концом чудовищу под лопатку. Спина чуть дрогнула, но дыхание не прервалось. Тогда Тишка ткнул сильнее.

Он не увидел, как тварь бросилась на него. Не успел. Звякнула цепь, порыв воздуха задул лучину, и через мгновение огромные клыки с влажным стуком сомкнулись всего в паре вершков от лица. Стой он на шаг ближе, точно лишился бы головы. Запоздало отшатнувшись, Тишка уперся спиной в лестницу и выставил перед собой обломок жерди, но невидимая когтистая лапа тотчас выбила деревяшку из его пальцев.

– Это же я! – пронзительно, совсем по-детски крикнул он, прекрасно зная, что никакие слова не имеют значения для зверя в темноте. – Господи, помоги! Это я!

В ответ снова звякнула цепь, что-то с шумом рассекло воздух меньше чем в пяди от груди. Зажмурился Тишка, съежился в ужасе. Заплясала, брызгая слюной, молитва на дрожащих губах, смешалась с лязгом железа и горячим звериным духом. И в ответ на молитву во мрак опустилась костлявая рука, цепко ухватила за ворот.

– Быстро! Вылазь! – прорычал отец.

Тишка не заставил себя уговаривать и ужом взлетел по лестнице, всем телом прижимаясь к трухлявым перекладам, – наверх, к отцу, скорчившемуся у входа в подпол с дедовой саблей наготове, к последним остаткам света, сочащимся меж перекрывших окна досок, к свежему воздуху и жизни. А следом, обгоняя беглеца, из тьмы взметнулся тоскливый, обреченный волчий вой.

Вырвавшись за пределы дома, этот вой потек к луне, висящей над кронами дубов на восточной стороне небосвода. Человек в черном, не дрогнув, остался стоять на тропе. Некоторое время он напряженно вслушивался, потом встряхнул собачью голову, спросил шепотом:

– Что думаешь? Волчица?

Собачья голова в его руке вздрогнула, хрипло взрыкнула и, с трудом преодолевая сопротивление мертвой, не предназначенной для речи пасти, прошелестела:

– Да... Сука... Зовет стаю...

Подтверждение не заставило себя ждать: спустя всего несколько минут откуда-то из черноты леса раздался ответный вой, протяжный и горький, будто погребальный плач. И следом – совсем рядом, почти за спиной – еще один. Волки явились на зов.

А по другую сторону забора Тишка с отцом, убедившись, что цепи надежно держат чудовище в погребе, вышли на крыльцо – оттуда было лучше видно. Отец сразу сообразил, что к чему. Стиснув сыновье плечо, зашептал радостно:

– Собирается зверье-то. Ох, несладко придется нашему гостю...

Сумерки уже окончательно уступили ночи, и в непроницаемой темноте, стиснувшей тропу с обеих сторон, бесшумно плыли парами злые желтые огоньки. То были волчьи глаза, пристально следящие за человеком, который стоял перед воротами. Он повернулся спиной к забору, расставил пошире ноги, вытащил из ножен саблю. Лунный свет лег на лезвие белым инеем.

– Нападут? – спросил человек. – Что им на брошенных коз не охотилось?

– Нападут... – еле слышно проскрипела в ответ собачья голова. – Старшая приказала... Не посмеют... ослушаться...

Вот от сплошной стены мрака отделилось темное пятно, плавно скользнуло на тропу, оказалось волком, матерым и могучим, с вздыбленным рваным хвостом. За вожаком последовали еще трое – поджарые, но мускулистые, отъевшиеся за щедрое лето. На крыльце за воротами старик торжествуяше потрянул кулаком, наклонился к сыну:

– Глянь, какие красавцы-то! Без огня с такими не справиться. – Он аж притопнул от едкой радости и, не сдержавшись, прокричал ломающимся голосом: – Вот тебе, волчья сыть! Получай, за чем пришел!

Человек на тропе только ухмыльнулся мрачно да отступил еще на шаг, почти упершись спиной в забор. Волки охватили его полукругом и медленно приближались, припадая к земле, скаля клыкастые пасти и низко, гортанно рыча сквозь клыки. Десятки желтых глаз жадно следили за происходящим из темноты.

Вой в доме смолк. Но тишина не продержалась и двух мгновений. Вожак напал первым – резко сорвался с места и, подбежав на пару шагов, прыгнул, целя в горло. В воздухе его встретил сверкнувший серебром клинок. Удар был силен и точен – вожак упал к ногам своего убийцы, разрубленный почти напополам. Но в тот же миг другой волк, кинувшийся в бой сразу

за предводителем, ухватил человека за левое бедро, а когда тот, вскрикнув от боли, покачнулся и стал оседать набок, третий зверь бросился ему на грудь и впился клыками в лицо.

Хрипящий извивающийся клубок тел рухнул в траву. Волки трепали и рвали жертву, та билась под ними, изо всех сил сражаясь за жизнь. Наконец человеку удалось просунуть клинок между собой и навалившимся сверху зверем и одним сильным, протяжным движением перерезать ему горло. Сбросив захлебывающегося кровью хищника, человек приподнялся на локтях и с размаха рубанул по спине того, что вгрызлся в левую ногу, а затем, едва не опоздав, отмахнулся от четвертого нападавшего, уже подбирившегося с правой стороны. Острые сабли мазнуло волка по носу, и тот отскочил, трясая мордой. Зверь с перерубленным хребтом судорожно отползал в сторону, истошно скуля. Человек одержал верх.

Он попытался подняться в полный рост, но после пары безуспешных попыток остался стоять на коленях. Лица у него больше не было. Одна щека отсутствовала полностью, и среди багрового месива влажно блестели в лунном свете оголенные зубы. Лохмотья разорванного лба сползали на левый глаз. Правый вытек, скула под ним уже вздулась и почернела от собравшейся под кожей крови.

Ночь, не желая признавать поражение, одного за другим выпускала на тропу новых волков. Они приближались неспешно, косясь на погибших и раненых собратьев, нюхали воздух, скалились возбужденно. Человек не обращал на них внимания. Едва не упав, он дотянулся до собачьей головы, отлетевшей в сторону во время боя, положил ее перед собой. Потом поднял саблю и обеими руками приложил клинок режущим краем к собственной шее. Шумно выдохнул и надавил, потянул вперед и вниз, разрезая кожу, мышцы и жилы. Кровь хлынула потоком. Волки замерли.

Лезвие врезалось в кость, человек надавил сильнее. Его шатало, остатки лица стали молочно-белыми, почти серебряными, как луна в небесах, но он не останавливался. Когда сталь перепилила хребет, дело пошло легче. Голова покосилась набок. Еще несколько быстрых движений – и она сначала свесилась на грудь, удерживаемая лишь лоскутом кожи, а затем свалилась в траву тяжелым комом.

Волки попятиться, неуверенно переглядываясь.

Человек – то, что осталось от него, то, что казалось, но не могло быть человеком, – отложился в сторону саблю и, нащупав окровавленными руками собачью голову, поднял ее к плечам. Усадил на обрубок шеи, осторожно поправил, пристраивая. Шевельнулись острые уши. Вздрогнули тонкие черные губы, растянулись в клыкастом оскале. Собачьи глаза, отразив сияние луны, вспыхнули бледно-желтым светом. Существо в монашеском подряснике, насквозь пропитанное кровью, медленно поднялось на ноги и, шагнув вперед, зарычало на волков. Те бросились врассыпную, скуля и поджимая хвосты.

Тишке с отцом с крыльца не видать было, что происходит под забором с другой стороны, но теперь, когда гость вернулся на тропу, ярко освещенную луной, они сумели разглядеть его новое обличье во всех подробностях.

Старик выругался, принялся истово креститься. Тишка остолбенел, придавленный тьмой, посреди которой светились жуткой запретной правдой круглые собачьи глаза. Он так и пялился бы в них, не отрываясь, если б отец не уволок его в сени.

– Нелюдь это! – яростно запричитал старик, едва закрылась дверь. – Адово порождение! По наши души прибыл, воздать за все грехи, вольные и...

В глубине дома раздался гневный лязг цепей. Пелагея по-прежнему старалась вырваться на волю. Отец замолчал, задумался крепко, стиснув виски кулаками. Губы его беззвучно шевелились. Тишка, словно очнувшись от долгого мутного сна, в растерянности мялся рядом, отчаянно прислушиваясь и одновременно пытаясь вспомнить самые серьезные свои прегрешения. По всему выходило, что придется гореть в Геенне Огненной.

– Вот чего, – снова скороговоркой зашептал старик, зажмурившись и прижавшись лбом к Тишкиному виску. – Ты тикай в деревню, сынок. Сейчас через клеть по-тихому выйдешь на зады, там через забор перелезай – и со всех ног в деревню. Стучи везде, крик подымай. Говори правду: нас, мол, псоглавец окаянный порешить хочет! Мол, стаю волчью с собой привел! Прежде всего к Алексахке Репью сунься – он в прошлом году на Пелагею глаз положил, да к Сытиным на двор – родичи все-таки. Кобели брехать на тебя начнут, ну да и хорошо, лаем-то перебудят всех.

Тишка кивал, холодея от ужаса, не в силах представить, что вот-вот вновь окажется снаружи, в голодной ночи, пахнувшей близкой осенью и кровью. Но тятка опять прав: одним им супротив государева нелюдя не выстоять.

– Мы на него все беды свалим, – продолжал отец. – И христиан погубленных, и Пелагеин недуг, и даже коз разбежавшихся. Не тягаться уроду с целой-то деревней, какой бы могучий ни был! Давай, Тимофей, беги, а я тут пока отвлеку его, отведу глаза. Бог в помощь!

Тишка промчался по сеням мимо двери в горницу, выскочил в холодную клеть – темнота хоть глаз коли, – преодолел ее на ощупь, выскользнул через кривую дверцу наружу. Стало слышно, как с другой стороны дома, на крыльце, отец снова и снова читает дрожащим голосом Иисусову молитву – ту самую, что надлежит произносить у порога чужого жилища, приходя в гости. Должно быть, псоглавому нелюдю молитва оказалась не по силам, оттого он и не вломился в дом, а остался ждать снаружи. Выходит, все-таки можно его одолеть!

Приободренный этой мыслью, подкрался Тишка к забору, привстал на трухлявый боченок, осторожно глянул за край. Ничего, кроме высоченной, вымахавшей за лето крапивы. Дело неприятное, но привычное. В два счета перебравшись на другую сторону, он побрел сквозь заросли к оврагу. Крапива жглась, невидимые острия сломанных стеблей кололи и царапали босые ноги, но Тишка сдерживал себя, не спешил, старался не шуметь зря.

Скрипя зубами, в конце концов вышел он на овражный склон и пополз вниз меж репья и крушины. Далеко за спиной по-прежнему звучали молитвы отца и ответный гулкий лай. Или смех.

Когда Тишка спустился на дно оврага, все стихло. Здесь не было ни света, ни звуков, ни ветра, лишь густо пахло прелым деревом. Он постоял немного – сперва переводил дух, потом прислушивался, – но, так ничего и не услышав, двинулся дальше, тщательно выщупывая каждый шаг. Очень уж не хотелось вывернуть ступню или пропороть веткой брюхо. До противоположного склона рукой подать. Сейчас доберется, вскарабкается наверх, минует дубовую рощу и окажется у поросших малиной остатков старого тына, развалившегося и растащенного по окрестным хозяйствам еще в дедовы времена. Сразу за тыном – первый деревенский двор. Там уже можно шуметь. Нужно шуметь. Осталось немного, самое трудное позади...

Позади зашелестели вдруг тихие неспешные шаги по траве, по сырым палым веткам. Зашуршали полы подрясника. На короткое мгновение Тишка обмер, застыл на месте, но тут же рванул вперед, больше не пытаясь таиться или беречься. Выставив перед собой руки, как слепец, помчался через овраг, сразу растеряв все мысли.

Внутри не осталось ничего, кроме детского крика, который никак не мог выйти наружу сквозь стиснутое ужасом горло. Подгоняемый этим криком, он влетел в куст репейника, завяз в нем ногами и неуклюже повалился лицом вниз. Поспешно поднялся, закружился на месте, не умея понять, в какую сторону надо двигаться. Мрак был одинаково непрогляден повсюду, одинаково полон липкой медной вонью. Меж сжатых зубов прорвался все-таки вопль, но вышел жалким, будто козлиное бляение, – и тут же, не успев он затихнуть, где-то наверху, должно быть на краю оврага, взвыли волки.

Тишка метнулся прочь от их издевательского воя, и почти сразу земля под ногами стала вздыматься кверху. Что-то похожее на надежду шевельнулось в опустевшей груди, придало

сил. Цепляясь вслепую за пучки травы, он поднимался по склону и за шумом собственного дыхания, за топотом собственного сердца не слышал ничего вокруг.

Он почти добрался до вершины, чувствовал уже, что осталось всего несколько шагов, различал уже звезды в просветах дубовых крон, когда нахлынула снизу волна кровавого запаха и могучая рука, ухватив Тишку за рубаху, опрокинула его назад, во тьму.

– Ничему жизнь не учит, пастух, – прошипела на ухо собачья пасть, которую еще совсем недавно видел он мертвой и окоченевшей. – Тебя выследить – милое дело. Хоть откуда...

Тишка обмяк, словно сцапанный за шкурку котенок. Страх погас вместе с надеждой. Видать, не избежать все-таки Геенны Огненной.

– Думаешь, батя твой долго молитвочки читал? – спросила неразличимая во мраке собачья пасть, и в могильном, тусклом ее голосе явно слышалась насмешка. – Не-е-ет, он дождался, пока ты отойдешь чуть-чуть, и в избе заперся. Должно быть, хочет оборотня с цепи спустить – но так, чтобы самому в клыки не попасть.

Тишка ничего не ответил. И не думал отвечать. Вообще не думал, не понимал, не чувствовал. Он не знал даже, открыты его глаза или нет – настолько здесь было темно и пусто. Впрочем, собачья пасть не нуждалась в ответах.

– Сестрица твоя, так ведь? – сказала она чуть погодя. – Оборотень? Сперва думал, может, мать, старикова жена то бишь. Но мать бы от горя давно уже себя сожрала...

Псоглавец повалил пленника наземь, ухватил за правое запястье и поволок куда-то, ровно и почти бесшумно шагая сквозь тьму. Ветки впивались Тишке в кожу, трава секла лицо, кочки больно мяли ребра. Он не сопротивлялся, не пытался вырваться. Хватка была железной, точно оковы, державшие Пелагею в подполе. Чтобы высвободиться из таких, нужно самому стать дьявольским зверем, исчадием Ада Всеядца.

Не замедляя шага, псоглавец начал подниматься по склону. Пленника он тащил вверх без всякого труда, как набитый травой мешок. Тишкино плечо стремительно наливалось жгучей болью, но из губ не выходило ни звука. Вокруг тоже царила тишина: волки умолкли, ветер унялся, и только где-то далеко пронзительно и обреченно вскрикивал сыч. Должно быть, молил Господа, чтобы все закончилось поскорее.

Наконец псоглавец выволок Тишку из оврага, из-под густых дубовых крон. Небо было полно звезд. Костяная луна висела низко, и пятна на ней складывались в звериный след.

Прямо под луной, почти упираясь в нее коньком, чернела крыша Тишкиного дома. Ненавистного, насквозь пропитанного горем дома, из которого он трижды сегодня уходил и к которому сейчас в третий раз возвращался.

Псоглавец поднял Тишку и встряхнул за плечи, приводя в чувство. Желтые собачьи глаза смотрели ехидно, посмеивались. Не было в них ни капли жалости – ни к несчастному пастуху, ни к несчастной сестре его, ни к миру, полному зла, ни к себе самому, – и Тишка не мог отвести взгляд, уверенный, что, стоит только отвернуться или моргнуть, в глотку непременно вопьются клыки.

Вокруг, в темноте, топтались волки. Он слышал их мягкие шаги и частое дыхание, чувствовал, как движутся мимо ног большие поджарые тела. Стая собиралась возле нового вожака и ждала приказаний.

– Ну что, пастух... – прохрипела собачья пасть. – Сейчас решим, куда тебе дальше. Жить хочешь?

От этого вопроса Тишка вздрогнул, попытался что-то сказать, но слова вязли во рту, как в болоте, и тогда он принялся кивать, усердно и торопливо, будто боясь недостаточно точно выразить мысль.

– Хорошо... – Псоглавец облизнул клыки длинным языком. – Значит, зови сестру.

– Что?.. – едва выдавил из себя Тишка.

– Зови сестру. Крикнешь ее, она явится, я ее убью. Все просто.

– Она не придет, – замотал головой Тишка. – Она не узнаёт меня, когда... когда обращена.

– Чушь! – фыркнул псоглавец. – Будь это так, вы бы с бате́й уже давно покоились в могилах, кое-как сложенные из кусков. Она любит вас и потому не трогает, позволяет запирать себя, сажать на цепь, как дворовую псину. Несмотря ни на что.

Тишка вспомнил, как совсем недавно ждал, но не дождался смертельного удара в непроницаемой темноте погреба. Могла ли Пелагея расправиться с ним, достать лапой до сердца или горла, как достала до прижатой к груди деревяшки? Наверняка.

– Давай, пастух, – раздраженно проворчал псоглавец. – Не тяни. Зови сестру, и все кончится. Тебя я не трону, ты ни в чем не виноват. Даже батьку оставлю в покое, хотя по нему плаха плачет. Мое дело – только оборотень. Покончим с оборотнем – и попрощаемся. Зови.

– Не стану, – сказал Тишка, сам себе не веря. – Не заставишь.

– Брось! Сестра твоя – чудовище, которое по всей округе людей, баб, детей малых на части рвет. Потроха выгрызает.

– Это не она! Это погань какая-то в ней с весны завелась. Надо в церкву ее, пусть поп молитвы особые почитает или еще чего – чай, в книгах найдется средство, чтобы помочь, чтобы вылечить...

– Нет такого средства, уж поверь. Тут только саблей. Убить, потом разрубить на части и похоронить в разных местах. Или вон – волкам оставить, они растащат.

– Не стану, – повторил Тишка, едва выговорив эти слова из-за охватившей все тело крупной дрожи. – Что хочешь делай. Не стану.

Ощерилась собачья пасть, щелкнула клыками прямо у него перед носом.

– Не глупи! – рявкнул псоглавец. – Сестре все равно до утра не дожить, как ни геройствуй! А ты можешь. Зови.

Тишка молчал, только дрожал, будто на морозе, и, не отрываясь, смотрел на клыки, сыро блестящие в верхке от его лица. Псоглавец спрятал их, стиснул черные губы в уродливом подобии улыбки, шумно выдохнул через нос.

– Ладно, пастух, – сказал он глухо. – Быть по сему. *Damnatio ad bestias*. Возносись.

Еще раз встряхнув, он с силой швырнул Тишку прочь от себя. Тот рухнул навзничь в траву, ударился затылком. Все перевернулось, и небо на короткое мгновение стало бездонной пропастью, полной светлячков. Пропастью, над которой висел он, крохотный беспомощный человек, висел, отчаянно цепляясь за землю, но вот-вот должен был сорваться.

Псоглавец повернулся к волкам, прорычал:

– Рвите! – и, отвернувшись, вышел на тропу.

Стая повиновалась. Волки мгновенно окружили упавшего, набросились на горячую трепещущую от ужаса плоть, на бестолково взбрыкивающие ноги, на руки, вскинутые то ли для защиты, то ли для мольбы, на костлявую спину, за которой ошеломленно колотилось сердце. И когда жадные пасти начали раздирать его тело, Тишка закричал. Закричал во весь голос.

Псоглавец, остановившийся в десяти шагах от ворот, удовлетворенно кивнул и потянул из ножен саблю. Он не спускал глаз с крыльца. Он знал, что долго ждать не придется.

Всего семь ровных, спокойных вдохов спустя крик позади захлебнулся, утонул в злом урчании пирующих зверей. И почти в тот же самый миг что-то загромыхало в доме, за заколоченными окнами. Раздался протяжный треск, затем – короткий вопль, прокатились по дощатому полу стремительные шаги, и дверь распахнулась, чуть не слетев с петель.

Огромная едва различимая фигура на мгновение застыла на крыльце и сразу скользнула вперед, к воротам. Луна плеснула серебром на серую шерсть. Совершенно бесшумно, без каких-либо усилий чудовище перемахнуло через забор. Было оно куда выше и крупнее обычного человека, но передвигалось согнувшись, прижавшись по-звериному к земле. Вытянутая морда лишь отдаленно напоминала волчью, а передние лапы куда больше походили на руки, хоть и оканчивались острыми загнутыми когтями.

Псоглавец метнулся наперерез, взмахнул саблей, но чудовище легко поднырнуло под клинок, всем своим весом врезалось в противника, опрокинув его наземь, и в два длинных прыжка достигло стаи, сгрудившейся над уже переставшим сопротивляться пастухом. Заработали могучие лапы, разбрасывая в стороны визжащих волков, распарывая им бока, раскалывая черепа, ломая хребты. Уцелевшие прыснули в стороны, и лишь один попробовал огрызнуться, однако был повален и смят в кровавое месиво всего парой сокрушительных ударов.

Тишка еще дышал. Путаясь в собственных внутренностях, он загребал руками, словно пытаясь уползти куда-то. Растерзанные в клочья ноги не двигались. Чудовище склонилось к нему, принохиваясь, и тут псоглавец, поднявшийся и выжидавший подходящего времени для нападения, подскочил сбоку, заноса саблю. Сверкнул клинок, рассек воздух там, где всего мгновение назад была шея чудовища – оно успело отшатнуться и, выпрямившись во весь свой исполинский рост, взмахнуло правой лапой. Этот удар должен был снести добрую половину собачьего черепа, но пришелся в пустоту – псоглавец вовремя пригнулся и рубанул наискось по ноге твари.

Лезвие пробило шкуру, ушло глубоко в бедро. Брызнула кровь. Оглушительно взревев, чудовище схватило клинок левой лапой и рвануло его в сторону, выдрав саблю и из раны, и из руки врага.

Обезоруженный псоглавец попятился и, еще сильнее ссутулившись, сипло зарычал. Оборотень рыкнул в ответ, отбросил саблю и, припадая на раненую ногу, принялся боком обходить противника посолонь, не сводя с него взгляда, принохиваясь, примериваясь, готовясь к броску. Псоглавец повел себя так же.

Два окровавленных нелюдя, рыча и скалясь, кружили возле Тишки, который, совсем обессилев, перевернулся на спину и безучастно наблюдал за происходящим. Он не чувствовал больше ни боли, ни страха, его оставили наконец в покое, и Тишка смотрел вокруг, тихо радуясь тому, как ладно слеппен Божий мир. Темнота не мешала, ее не было, темноты, потому что небо переполняли звезды. Никогда прежде не видал он столько звезд и подумать не мог, что их на самом деле так много. Может, для каждого человека, живущего на земле, там, наверху, горела свеча. Или каждый из тех, кто уже ушел, зажигал одну в вышине, освещая путь идущим следом. Скоро все станет ясно.

Тишка смотрел на небо, а потому увидел – но ничуть увиденному не удивился, – как псоглавец вдруг поднял кверху левую руку с хищно расставленными пальцами и одним движением сгреб целую горсть звезд. Там, где он дотянулся до неба, осталась черная проплешина, пустая и холодная. Тишка засмеялся, радуясь чуду, но этого смеха никто уже не услышал.

Размахнувшись, псоглавец бросил собранные звезды в оборотня. Рой огромных раскаленных, ослепительно-белых искр осыпал растерявшееся чудовище, прожег шкуру, пронизал насквозь плоть под ней, запалил шерсть. Оно отшатнулось, тонко и протяжно взвизгнуло, опрокинулось в траву и принялось яростно кататься по ней, пытаясь погасить пламя и унять боль.

Псоглавец не спеша отыскал на другой стороне тропы свою саблю, подошел к извивающемуся, истошно подвывающему чудовищу и, тщательно примерившись, нанес два удара. Два точных, смертельных удара. Оборотень ткнулся мордой в разрытую в агонии землю и замер.

Почти сразу подпаленная шкура пошла волнами и морщинами, стала съеживаться и разъезжаться, обнажая чистую, белую кожу. Не прошло и минуты, как у ног псоглавца, среди истлевших ошметков чудовища, лежала нагая девушка с тяжелой железной оковиной на левой щиколотке. Из страшных ран, разделивших тело, не выступило ни капли крови.

Псоглавец осенил убитую крестным знамением, потом, слегка пошатываясь, вернулся к Тишке. Тот лежал, выгнувшись дугой и запрокинув голову, вперив остекленевшие глаза в небо. Псоглавец опустил мертвому пастуху веки, тоже перекрестил его и некоторое время сидел рядом, тяжело дыша, собираясь с силами, разглядывая свою левую ладонь, обожженную до черноты. Снова ждал. Но на сей раз не дождался.

Когда на тропу стали возвращаться уцелевшие в бойне волки, он поднялся, процедил сквозь клыки:

– Ладно, старик... Глянем, за что ты так цепляешься... – И направился к воротам. Подошел вплотную, приложил обугленную ладонь к потемневшим от времени, но еще крепким доскам, произнес, взрыкивая и брызгая слюной, Иисову молитву:

– Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй их, грешных. Аминь.

Едва было сказано последнее слово, с другой стороны стукнулся оземь тяжелый засов. Ворота распахнулись от легкого толчка. Псоглавец пересек двор, поднялся по ступеням крыльца, на пороге остановился, принохиваясь.

– Прощения прошу, хозяин, – сказал он во мглу сеней, – что без приглашения.

Ответа не было. Псоглавец пожал плечами и переступил порог. Для любого человека внутри дома царила бы совершенная, непроницаемая тьма. Но собачьи глаза различали куда больше, а собачий нос дополнял картину запахами – злыми запахами, говорящими о заточении и мучениях, о слезах, ранах и железе. Держа оружие наготове, псоглавец миновал сени и заглянул в горницу.

Разбросанная утварь, опрокинутый стол, следы громадных когтей на стенах. На полу, среди черепков и обломков, тут и там лежали звенья разорванных цепей. Старик сидел в красном углу в луже крови, привалившись спиной к перевернутой лавке. Правая рука его ниже середины плеча была измята, изжевана так, что, казалось, вот-вот распадется на части. В левой он сжимал саблю.

Псоглавец шагнул в горницу, и половица скрипнула у него под ногой. Старик тотчас встрепенулся, слепо махнул саблей перед собой, вытаращился во мрак, будто и вправду мог в нем что-нибудь разглядеть.

– Не подходи! – прошипел он. – Не по...

Псоглавец подошел. Одним ударом выбил саблю из трясущихся пальцев, и та отлетела, звеня, в дальний угол. Старик сразу сжался, закрыл плешивую макушку рукой, забормотал что-то, неразборчивое даже для чутких собачьих ушей.

– Твой сын мертв, – сказал псоглавец. – В райских куцах одним мучеником больше.

Не поднимая лица, не меняя позы, старик принялся раскачиваться из стороны в сторону. Бормотания его стали громче – теперь среди них можно было ухватить части разных молитв, перемешанные в нелепую богохульную кашу.

– Твоя дочь мертва, – сказал псоглавец. – Что с ней случится дальше, мне неизвестно. Ее душа погибла еще весной.

Старик ожесточенно замотал головой, заныл, заверещал, выпрашивая у невидимого отсюда неба прощения и милости. Все его тело ходило ходуном. Стучали зубы, дробя слова в мелкую крошку, лишая их мало-мальски вразумительного смысла.

– Это ведь твоя вина, – сказал псоглавец. – Ты сгубил ее душу. Поддался искушению, подстерег в лесу, насильничал, а потом, испугавшись, попытался убить. Так?

Старик затих. Всхлипнув, поднял влажные глаза на неразличимого в темноте всезнающего судию.

– Я не понимал, что со мной... – простонал он. – Будто впервые увидел Пелагею. И потерял покой... Ошалел, совсем ошалел. Там... на поляне... я обратился в зверя. Не ведал, что творю...

– Ты сгубил ее душу, – сказал псоглавец. – Но не сумел сгубить тело. И вместо мертвой души оно приняло в себя что-то иное, что-то нечеловеческое, порожденное чащей. То, что откликается на зов полной луны.

Старик кивнул. По морщинистым щекам ползли слезы.

– Твое место в аду, – сказал псоглавец. – До скончания времен и после.

По-прежнему баюкая изувеченную руку, старик неуклюже переменял положение, опустился на колени и нагнулся вперед, вытянув как можно дальше тощую шею.

– Руби... – тихо прошептал он.

Минуту спустя существо в окровавленном подряснике покинуло дом, держа за волосы голову хозяина. Волки, оставшиеся от некогда многочисленной стаи, пировали на тропе за воротами. Опасливо косясь, они расступились перед псоглавцем, но тот даже не взглянул в их сторону. Прихрамывая и то и дело встряхивая обгоревшей кистью, он пошел по тропе в сторону поля.

В воздухе чувствовалась свежесть близкого утра. Выползал из оврага туман, шарил по траве косматыми белыми лапами, оставляя на стеблях и листьях прозрачные капли. Звезды поблекли, подернулись дымкой, и уже не отыскать было среди них той самой темной проплешины. Прошелся по кронам ветер, разбудил птиц. В подлеске заворочалось зверье, засуетилось, готовясь к испытаниям и бедам нового дня.

Но люди, верные рабы Божьи, еще спали, и потому никто не видел, да и не мог увидеть, как псоглавец в монашьем подряснике и с саблей на боку брел по краю созревшего поля, как срывал обожженными пальцами колосья, и разгрызал их, и вкладывал зерна в рот отрубленной голове, а все остальное сплевывал под ноги. Никто не видел стройного каракового аргамака, что дожидался хозяина за полем, на перекрестке. Подойдя к коню, псоглавец первым делом протянул ему горсть пшеничных зерен.

– Не серчай, – сказал он жеребцу, беспокойно прядящему ушами. – От старой ничего не осталось, потрепали ее. Ты привыкнешь. А если Господь смилуется, то и я однажды тоже.

Привязав отрубленную голову к седлу рядом с метлой, государев псоглавец проверил подпругу, взобрался на коня, тряхнул поводьями и поехал прочь. Стук копыт стих в тающей ночи. Всадник растворился в сером сумраке, не оставив на дороге никаких следов.

Елена Щетинина

Вы поедете на бал?

– Что это? Откуда? – Света крутила машинку в руках, не зная, как поступить.

Шестилетний Витюша угрюмо смотрел на нее, засунув руки в карманы.

– Откуда она? – Света спрашивала это в десятый раз, так и не получая ответа. Она уже напоминала себе мать-ехидну из мультфильмов и сериалов – ну, такую, которая стоит и пытается добиться от малыша какой-то ерунды, о которой тот и понятия не имеет.

Но вопрос был не ерундовый, и Витюша, несомненно, знал на него ответ.

Будь Витюша ее сыном, а не племянником, она, наверное, поступила бы по-другому. Наверное, взяла бы его за шиворот и хорошенько встряхнула – чтобы выбить дурь и правду. Или же, наоборот, стала умильно заискивать – чтобы эту самую правду вытянуть из него потихоньку, осторожно, как вытягивают нитку из старого шва. Но Витюша был Ленкиным сыном, которого та подкинула сестре на пару недель – пока сама укатила в командировку, – и, как вести себя с чужими детьми, Света категорически не знала. Да и по поводу якобы своих она была все-таки теоретиком, а не практиком. И вообще не очень-то любила детей – о чем Ленка прекрасно знала и все равно подкидывала племянника: вероятно, думала, что Света рано или поздно поменяет свою точку зрения.

Ей не хотелось думать, что Витюша вор. Это слово как клеймо – до седьмого или какого там колена. Вор – значит, все. Значит, нет больше доверия. Значит, она больше не сможет удержаться от того, чтобы нет-нет да и пересчитать конфеты в вазочке – просто так, потому что захочет узнать. Значит, теперь она будет прятать кошелек, копилки – и даже шкатулку с украшениями – подальше, как можно дальше, чтобы вор не нашел. И теперь ей всегда будет мерещиться маленькая ручка, которая трогает ее вещи, шупает, перебирает, что-то ищет – и, возможно, находит...

Свету передернуло.

Кажется, Витюша заметил ее гримасу – потому что вздохнул и признался:

– Я ее купил.

– Купил? – Света еще раз посмотрела на машинку.

Витюша кивнул.

Так. Значит, все оказывается еще хуже, чем она предполагала. Она-то надеялась – хотя как тут можно вообще говорить «надеялась»! – что Витюша отобрал машинку у какого-то пацана в соседнем дворе или просто прихватил, пока никто не видел. Но «купил» означает только одно – он украл деньги. И, скорее всего, у нее.

Света сжала зубы.

– Хорошо, – медленно процедила она, стараясь не закипать. – А где ты взял деньги?

– Там, – махнул рукой Витюша. – Во дворе.

Нашел, что ли? Ну, предположим, пару рублей всегда можно откопать в песочнице. Но...

– И сколько она стоила?

– Сто рублей.

– Сто рублей? – Света еще раз покрутила машинку в руках. – Сто? Не тысячу? Точно?

– Сто, – твердо сказал Витюша.

Так, картина, кажется, начала вырисовываться. Видимо, игрушку продал какой-то наркоман, который в поисках денег на дозу украл ее у своего сына – или ограбил чужого ребенка во дворе. Но почему все-таки сто?

Это была машинка на радиоуправлении, с мигалкой, пищалкой, трынделкой, светодиодными фарами и поворачивающими во все стороны колесами. Черт, если она и стоит сотню – то никак не рублей, а долларов!

– Хорошо... – вздохнула Света. – А ты можешь показать, где ты ее взял?

– Купил, – поправил Витюша.

– Купил, – согласилась Света.

Мальчик кивнул и спокойно отправился в коридор. Света с недоверием последовала за ним – неужели действительно сейчас все расскажет?

– Только ее вернуть нельзя будет, – предупредил Витюша, натягивая кедики.

– Хорошо, хорошо, разберемся. Только покажи где.

* * *

Витюша не любил лифт – как и любые тесные закрытые помещения, – так что с восьмого этажа они спускались пешком. Шли медленно, отдыхая на каждой второй площадке. Света пропустила племянника вперед и буровила взглядом нарисованного на спине синей курточки тигра. Тигр подмигивал ей при каждом шаге Витюши. Света морщилась и прикидывала, что скажет Ленке. Ведь, как пить дать, сестра обвинит ее: недосмотрела, не заметила, не пресекла! Черт!

Тигр продолжал подмигивать, его пунктирные усы топорщились и изламывались – и Свете казалось, что в тишине подъезда она слышит не два дыхания, Витюши и свое, а три.

На всякий случай она свернула из пальцев фигу и украдкой показала ее тигру.

* * *

– Вот там. – Витюша ткнул пальцем в маленький покосившийся домик в самом углу двора.

– Там? – удивилась Света.

Это были остатки старой, еще девяностых годов, детской площадки. Причудливая конструкция из когда-то сине-зелено-красно-желтых, а теперь облупившихся черных автомобильных покрышек – в ней так классно было ползать и прыгать в детстве. П-образная труба – по задумке авторов, турник, а по мнению жителей – место для выбивания ковров. И, конечно же, тесный домик – даже чтобы заглянуть в него, нужно было согнуться в три погибели – из прогнивших досок. Для местных они были памятью о детстве, так что каким-то образом при благоустройстве двора их не снесли. Насадил цветы, поставили новый игровой комплекс с прорезиненным покрытием – и ушли, оставив огрызок прошлого тихо разлагаться в дальнем укромном углу. Детей эта рухлядь не интересовала.

Никогда. Никого.

Кроме, получается, Витюши.

– Точно там? – переспросила Света. – Купил там?

– Ага, там, – повторил он.

Света помотала головой. Глупость какая-то... Она была готова увидеть цыгана-коробейника из тех же девяностых, алкаша с мешком барахла, наркомана с бегающими глазами – но не старый гнилой домик.

– Так... Хорошо. Предположим. А... – И тут Свету охватило ужасное предчувствие. – А кто тебе продал ее?

– Э-э-э... Продавщица.

– Продавщица? Тетя? Не дядя?

Она присела на корточки, схватила Витюшу за плечи, заглянула ему в голубые глаза и встряхнула.

– Не дядя? Если он сказал тебе не говорить, угрожал – так это он врал, ничего он не сможет сделать, ничего. Дядя?

– Нет, не дядя, – упрямо повторил Витюша.

– Тетя? – Господи, а тетке-то что может быть нужно от шестилетки?!

– Наверное, – пожал плечами Витюша. – Я ее не видел.

Света посмотрела в сторону домика. В гнилой сизой стене зияла черная глазница окошка. Ну да, ну да, если там сидеть, то тебя и не видно... Во всех прятках водящие прежде всего бежали проверять туда...

– Ладно, – кивнула она. – Я сейчас проверю.

Она встала и направилась к домику, крепко держа Витюшу за руку.

– Подожди. – Племянник остановился и начал искать что-то на земле. – Так просто нельзя...

– Что нельзя? – не поняла Света.

– Это сто рублей, – сказал Витюша, протягивая ей лист дуба.

– Что?

– Это сто рублей.

– А другие не подойдут? – попробовала пошутить Света. Она не понимала смысла игры, не знала, кто в ней участвует, и тем более не имела представления, игра ли это вообще. И ей это все очень не нравилось. Настолько, что она готова была истерично шутить – надеясь, что все не так страшно, как она уже успела напредставлять себе.

– Смотря какие, – серьезно ответил Витюша. – Если вон те, – указал он на березу, – то их надо два. А если вон те, – рука повернулась в сторону тополя, – то десять.

– А цветочки? – снова пошутила Света.

– Цветочки разменивать надо. А у нее размена нет.

– У нее?

– У продавщицы.

Светлана мотнула головой, отгоняя смутные, мрачно жужжащие предчувствия, – и поплелась за Витюшей к домику.

Перед окошком тот присел на корточки и тихонько постучал в стенку.

Тук-тук-тук.

И тут в домике что-то ожило. Заворчало, заворчалось, захрипело и заскрипело. Пахнуло мокрыми тряпками и почему-то старой краской, олифой и припоем. Света схватила племянника за плечо, чтобы оттащить подальше, но тот лишь отмахнулся.

И в домике заговорили.

Тихий, чуть надтреснутый голос, растягивая слова и делая какие-то неуловимо неправильные ударения, пропел:

Барыня прислала сто рублей

И коробочку соплей.

«Да» и «нет» не говорить,

В черном-белом не ходить,

«Р» не выговаривать.

Вы поедете на бал?

– Поеду, – сказал Витюша.

– Ой-ля-ля! – развеселились в окошке. – Что хотим купить? У меня тут новые товары – новые, блестящие, глаз радуют, душу греют, аж самой жалко отдавать.

– Самолетик.

– Да-да-да... – забормотали в окошке. – Самолетик-самолетик, видела-видела. Где же где же... да вот это он!

И в окошке появился самолетик.

– Что? – Света протянула было руку к игрушке, но то, что держало самолетик, быстро отдернуло его назад, в темноту.

– Не ты, не ты, не ты покупатель... – забормотал голос. – Уйди, уйди, уйди... Один покупатель – один товар. Один товар – один покупатель. Уйди, уйди, уйди...

– Тетя Света, уйди, пожалуйста! – нервно попросил Витюша. Кажется, он понял, что сейчас может лишиться самолета.

– Н-нет... – Света медлила. Ей очень хотелось понять, кто же там, в темноте, среди тряпок, старой краски и припоя ведет эту странную игру, но она не решалась заползти в домик. Чистые джинсы, любимая куртка – а там грязь, паутина, мокрицы...

– Уйди, уйди, уйди, нет товара, нет товара, товара нет... – Бормотание становилось все тише, словно его уносил ветер.

– Тетя Света! – со слезами вскричал Витюша. – Ну тетя Света!

– Хорошо! – Света махнула рукой и отошла на десять шагов. – Все, так нормально?

Витюша не ответил ей, а повернулся к окошку и яростно зажестиколожил. Она не слышала, о чем он разговаривал с тем, кто сидел в домике, но из окошка снова высунулся самолетик.

– Спасибо! – Витюша сунул в домик листок, прижал игрушку к груди и побежал к Свете.

– Вот, тетя Света, – сунул ей. – Купил.

Она внимательно рассмотрела «покупку». Совершенно новенький, ни царапины, блестящий самолетик-биплан. Кабина откидывается, в ней миниатюрный пилот, разрисованный до малейших деталей. Так же скрупулезно детализирована и приборная доска. Винты крутятся и даже чуть-чуть жужжат, если их раскрутить посильнее. Десять тысяч, не меньше.

– А как ее зовут? – спросила Света.

– Кого? – не понял Витюша.

– Ну, девочку, с которой ты играешь.

– Не знаю, – пожал он плечами. – И это не девочка.

– А кто?

– Продавщица.

– Да-да, я поняла, что она продавщица, а ты – покупатель. Но кто там, в домике? Где она живет? – Почему-то Света была абсолютно уверена, что слышала женский голос.

– Не знаю. – Витюша пожал плечами, жужжа самолетиком.

– Ладно... – Света потеряла переносицу. На мгновение у нее мелькнула мысль не ввязываться во все это. Через неделю придет Ленка, заберет Витюшу с его машинкой и самолетиком – и все, можно будет забыть. Зачем сейчас играть в детектива? Но мысль мелькнула – и, словно устыдившись своего малодушия, тут же исчезла.

И Света неожиданно для себя спросила:

– А мне там могут что-нибудь продать?

– Да.

– А что там обычно продают? Машинки, самолетики... солдатиков?

– Все, что захочешь.

– Все? Вот так прям и все? – Света рассмеялась.

И Витюша неожиданно серьезно кивнул:

– Да.

* * *

Запах мокрых тряпок, старой краски и припоя будил детские воспоминания. Старая дедовская двушка, деревянные полы, модные по тем временам обои в цветочек. Кот на форточке – второй этаж, что ему будет-то. Творог со сметаной и вбитым сырым яйцом...

Света медленно подняла руку и постучала.

Тук-тук-тук.

Барыня прислала сто рублей
И коробочку соплей.

«Да» и «нет» не говорить,
В черном-белом не ходить,
«Р» не выговаривать.
Вы поедете на бал? —

протараторили в окошке.

– Возможно... – медленно пробормотала Света.

– Новый покупатель, новый покупатель! – захихикали в окошке. – Чаго хочем? Чаго душеньке угодно-ть?

«Продавец» коверкал слова, сюсюкая и пришепетывая, – и внутри Светы начала подниматься глухая волна раздражения.

– Палетку! – резко ответила она. – Для глаз, Дио... – И проглотила «р». – Бэкстейдж Ай, ноль-ноль-один.

И откинулась, прищурившись: ну-ка выкуси! И попробуй переспросить!

Но тот, кто сидел в домике, не переспросил.

А просто протянул в окошко палетку.

Света охнула, поперхнулась воздухом и зашлась в кашле. Палетку терпеливо продолжали держать.

– Я... – Света протянула к ней руку, но осеклась, когда из окошка зашипели:

– Денеш-ш-шки, денеш-ш-шки вперед... Бес-с-сплатненько не даем. Денеш-ш-шки!..

– Да-да... – Света, отчего-то мучительно покраснев, словно перед ней был настоящий продавец и она действительно забыла про деньги, сунула мятый дубовый листок.

Она специально держала его достаточно далеко от окошка, чтобы успеть разглядеть того, кто потянется за ним, – но так и не уловила тот момент, когда к ее пальцам скользнула быстрая тень и выхватила «сто рублей».

Палеткой нетерпеливо тряхнули.

– Да-да, – снова заторопилась Света и взяла «покупку».

Это действительно была Dior Backstage Eye Palette 001. Или невероятно качественная реплика.

Но как, каким образом – и неважно уже, настоящий это Диор или копия, – это оказалось в вонючем домике в заброшенном углу старого двора? Что за невероятное, один на миллиард, совпадение, что Свете в ту секунду пришло в голову «заказать» именно это? Именно то, что было у «продавца»?

Света сидела на лавочке под деревом и крутила в руках палетку. Витюша самозабвенно жужжал новым самолетиком. Мысли бродили в голове, сталкивались, перемешивались – единственное, в чем Света была точно уверена, так это в том, что Витюша не вор. Все остальное тонуло в зыбком сером тумане невозможности и невероятности.

– Как... как ты это делаешь? – дрогнувшим голосом спросила она.

– Не знаю, – в который раз пожал плечами Витюша, продолжая жужжать.

– А кто тебя этому научил? Кто рассказал?

– Оно само.

– Что?

– Оно само меня позвало.

– Как? Как это было?

– Не помню. Я просто играл... а потом... Тетя Света, я правда не помню!

– Витюш, а сколько раз в день можно... покупать?

– Не знаю.

– Ну ты сколько раз?

Он опустил самолет и задумался, глядя на свои пальцы и загибая их.

– Шоколадка, кола, банан, поп-ит... Три?

– Четыре, – автоматически поправила Света. – А потом что было? Ну, когда они закончились?

– Не закончились. Мама до тебя дозвонилась, и мы пошли к тебе в квартиру.

Ах вот когда Витюша познакомился с этой... игрой! Неделю назад, когда Ленка привезла его к Свете. Но что было до этого? Кто-то играл в нее?

– А другие ребята знают о ней?

Витюша снова пожал плечами. Ну да, что это она... Он же не знает других ребят. Он и гуляет-то только с ней, возится во дворе, пока она копается в телефоне. Вот и проглядела...

– Хорошо, то есть я могу еще что-то купить?

Или дело не в количестве единиц, а в лимите на общую стоимость? Но самолетик Витюши явно дороже ее палетки.

Витюша опять пожал плечами. Ну, логично, если ему можно покупать несколько раз, не факт, что это же позволяется делать другим. И узнать это получится лишь на практике...

Света решительно подобрала дубовый листок и зашагала к домику. Витюша подумал и посеменил за ней.

Барыня прислала сто рублей

И коробочку соплей.

«Да» и «нет» не говорить,

В черном-белом не ходить,

«Р» не выговаривать.

Вы поедете на бал? —

пропели в окошке.

– Само собой, – нервно усмехнувшись, ответила Света.

– Да-да-да, помню-помню! – задребезжало в темноте. – Покупали-кошки-драли-оплатили-приносили-с радостью потом носили... Что душеньке угодно, что тельце возжелало?

– Кольцо, – сказала Света. – С б'иллиантом. Т'и ка'ата... – Число она лягнула наугад. – 'азме...

Она не успела договорить, как о потертые подгнившие доски окна глухо брякнуло кольцо.

Света сглотнула внезапно ставшую вязкой слюну и молча сунула в окно листочек. Его выдернули из ее пальцев – резко, с раздражением, грубо. Но она даже не обратила на это внимания. Она крутила кольцо.

Видимо, так и выглядит бриллиант в три карата. Диаметром в сантиметр, он сверкал на тусклом солнце так, что резало глаза. Каким-то даже не седьмым, а семидесятым чувством, женским чутьем, выдрессированным цирконами и фианитами, Света поняла: да, это настоящий бриллиант. Без дураков. И чуть не выронила кольцо.

– Ты кто? – спросила она.

В домике молчали.

– Что тебе надо? Зачем ты это делаешь?

– Покупатель-покупатель! – мерзенько пропели из окошка. – Кто-то деньго-мне-даватель. Глазки завидующие, ручки загребущие, что еще желать изволим? Что на сердце притаилось, что на языке тут скрылось?

И тут в голове Светы возникла абсолютно дикая в своем безумии мысль. Безумная – если дело выгорит.

Она пошарила глазами в поисках листочка – кругом лишь пожухлая трава и пыль вперемешку с песком.

– На, тетя Света. – Витюша стоял рядом, протягивая ей листок. – Купи, что хочешь.

– Конечно, что хочу, – криво улыбнулась она. – Конечно. Спасибо.

Света набрала в легкие воздуха.

– Двухку! – выпалила громко, даже не стыдясь, что ее кто-то может услышать. – В Ца'и-цыно! С отделкой под ключ и теплый пол! Окна на па'к!

Замолчала, затаив дыхание. Накосая выкуси. Что, за дубовый листик сейчас протянешь мне ключи? Или уже подписанные в МФЦ документы? Как выкрутишься, Продавец Всего?

В домике тоже повисла тишина. На секунду Свете показалось, что тот, кто там сидел, исчез. Ну или умер.

– Ну? – ядовито спросила она. – Не можешь? Или продешевишь?

Тишина стала густой, как масло, и какой-то холодной. Да, именно так – Свете показалось, что из черного провала потянуло морозцем – хрустящим, хрупким, крепким.

– Не продает, – с удивлением прокомментировал Витюша.

– Дорого, наверное, слишком, – разочарованно ответила Света. Волшебство исчезло. Магия оказалась какой-то дурацкой игрой. И в кольце, совершенно точно, просто граненая стекляшка.

– Да нет, не может быть... – Витюша подошел к окошку. – Всегда продавали.

– Может быть, обеденный перерыв, – пошутила Света.

– Обеденный?

– Ну да, продавцам же тоже кушать надо. – Она встала, отряхивая джинсы. Кольцо все так же сверкало – но, как ей теперь казалось, издевательски. – Пойдем и мы, Витюша, пообедаем.

На игровой площадке по-прежнему было пустынно: никто не бегал, не прыгал, не качался, не орал. Света обвела глазами окна домов – это только сейчас так, или она раньше не обращала внимания, что они все зашторены? Как огромные мутные бельма, были натянuty на них тюлевые занавески – словно жители квартир сами решили себя ослепить...

Света потрясла головой – в мысли лезла какая-то пафосная муть. Помахала пальцами опущенной руки – подзывая Витюшу, чтобы тот взялся за нее. Потом еще раз помахала – теперь уже ладонью – в ожидании, когда же схватится цепкая ручка.

Но ничего не произошло.

Света оглянулась. Она обернулась быстро, резко, в эту же самую секунду ощутив, будто на нее холодной лавиной обрушилось что-то неладное, – но успела лишь краем глаза заметить, как подмигнул от окна домика нарисованный на синей курточке тигр. Подмигнул – и исчез.

* * *

– Витюша? – спросила Света, заглядывая в домик. – Ты тут?

Там было тихо.

– Витюша? – повторила она. – Не надо. Пожалуйста. Мне страшно.

Тишина. Только теперь уже не морозная. Стылая. Неподвижная. Словно там, внутри, в этой темноте никто не появлялся вот уже миллиарды лет. Никогда, никогда, никогда.

– Витюша, – повторила Света, корябая ногтями деревянную раму окна.

Она понимала – умом, конечно, – что нужно залезть туда. Что, скорее всего, мальчик просто играет с ней в прятки, затаился сейчас, чтобы испугать неожиданным «бу» из темного угла. И все, что от нее требуется, – это просто залезть. А потом испугаться в нужный момент. И они с Витюшей пойдут домой пить чай.

А еще она понимала – шестым чувством, разумеется, – что лезть ни в коем случае нельзя. Просто нельзя. Потому что.

Вдруг совершенно дикая – и на этот раз уж точно безумная – мысль пришла в голову. А вдруг?..

– Я хочу купить, – просипела Света. – Купить. Его. Витюшу.

Барыня прислала сто рублей
И коробочку соплей... —

снова пропели из окна.

– Поеду! – закричала Света. – Поеду, поеду, поеду!

– Хорошо-хорошо-хорошо, – затараторили из окна. – Хорошо-хорошо-хорошо.

Больше они – она? – ничего не говорили. Лишь «хорошо-хорошо-хорошо» стучало в висках, вгрызалось в мозг, тарабанило и укачивало.

Света дрожащей рукой протянула пожелтый и измятый листок – тот, что когда-то дал ей Витюша для квартиры. Она закрыла глаза, чтобы не видеть, кто забирает его, – и открыла лишь тогда, когда из пальцев вытянули липкую хрупкость.

Ничего не происходило. В окне все так же висела глубокая, плотная, стылая темнота.

– Эй?.. – хрипло спросила Света. – Я же заплатила. Где Витюша?

И тут на нее ринулась ухмыляющаяся тигриная рожа.

Витюшу вытолкнули, вышвырнули из окна спиной вперед, мальчик налетел на Свету, они вдвоем упали на землю, вымазываясь в пыли и набирая на себя ошметки травы.

Света вскочила первой, схватила племянника, дернула его вверх, поднимая на ноги и оттаскивая подальше от этого проклятого домика. Он запинаясь, брыкался, спотыкался и скорее волочился за ней, чем шел, – но она тащила его как можно дальше, к лавочке, чтобы никто из этой стылой темноты не дотянулся до них.

– Тетя Света... – плаксиво заныл он, когда она усадила его. – Тетя Света, ну что ты...

Света вертела мальчика, вглядываясь, пытаясь понять: изменилось ли что-то в нем, стало ли что-то другим, *тот ли Витюша вернулся к ней?*

Да, исчезли заеды на губах. Да, уши, кажется, стали чище. Да, ногти вроде не обгрызены и куда-то подевались лохмы заусениц. Но это такие мелочи, на которые она, возможно, раньше и не обращала внимания. Может быть, она просто считала, будучи во власти стереотипов, что у всех шестилеток заеды на губах, грязные уши и обгрызенные пальцы с заусеницами? И даже не замечала, что у ее племянника все не так?

– Витюш, – осторожно спросила она, – с тобой все в порядке?

– Ну да, – ответил он. – А что ты меня так тащила? Мне же больно! И я испугался.

– А что случилось там, в домике?

– В домике?.. – недоумевающе переспросил он.

– Ну, ты был в домике, помнишь? Только что. Что там было?

Витюша бросил озадаченный взгляд на домик:

– Там? Разве? Я не помню, тетя Света. Только то, что ты меня тащила, – и все.

– Точно-точно?

Витюша подумал и кивнул:

– Точно-точно.

– Ну если не помнишь, значит, и не было?

Свету окатило чувством облегчения. Если племянник не врет и это действительно выпало из его памяти, то и к лучшему. Ленке знать не обязательно.

– Ага, – снова кивнул мальчик. – Пошли пить чай.

По дороге к подъезду Света держалась позади Витюши, приглядываясь к его походке, манерам, жестам. Все было как и всегда. Лишь тигр уже не ухмылялся, а скалился, обнажив острые кипенно-белые клыки. Особенно злобно зыркнул он на Свету, когда мальчик подошел к лифту и нажал на кнопку вызова.

* * *

После обеда Витюша сам пошел мыть посуду. Подтянул табуретку, деловито вскарабкался на нее, включил воду. Потом долго-долго аккуратно вытирал тарелку полотенцем. Света смотрела на него исподтишка, настороженно, словно видела в первый раз. Собственно, она и видела его в первый раз таким – тихим, правильным, идеальным.

Все последующую неделю Света с ужасом следила за каждым движением Витюши. И спала с закрытой дверью. Она достаточно читала и смотрела хорроров, чтобы знать, к чему это все может привести. Ребенок, украденный у смерти, ребенок-зомби... В таких всегда в конце концов пробуждается зло. И Света ждала этого пробуждения. Лишь молилась: пусть оно произойдет не здесь, не у нее дома, а где-то там, далеко, у Ленки.

Но все было нормально. Если не помнить, как было до этого, – то нормально.

До последнего дня.

Тогда Витюша попросился гулять: «Вотпрямцас, тетя Света!» Один. Немного странно по нынешним временам отпускать шестилетку одного – но и Света, и Ленка помнили свое детство и считали, что детям нужно учиться самостоятельности. Поэтому она егопустила. Прислушалась к громкому гудению лифта, дождалась, когда оглушительно, на все десять этажей, хлопнет дверь подъезда, и вернулась в квартиру. Едва удержавшись от жгучего желания запереться и никого не пускать. Никогда.

Света резала овощи, то и дело поглядывая в окно, как там Витюша. Тот стоял около горки, что-то внимательно разглядывая на ней – наверное, какого-то жучка. Ночью моросил дождь, с утра было сыро и холодно, поэтому она заставила племянника надеть курточку. Витюша морщился, ныл – но Света была упорной: ей не хотелось отчитываться перед сестрой, почему ребенок простыл, – и ему пришлось смириться с неизбежным. Так что тигр опять скалился на нее, внимательно выглядывая Свету через узоры тюля. Да, она тоже задернула занавески.

Вероятно, это был такой акт молчаливого протеста: Витюша уже полчаса стоял перед горкой и никуда не шел. На радость Свете: можно было возиться на кухне, а потом приотдвигать занавеску – и видеть, что ничего не изменилось: мальчик, горка, тигр, тигр, горка, мальчик.

Иногда ей казалось, что она нет-нет да и видит краем глаза, как в других окнах так же осторожно приотдвигаются занавески. И какие-то силуэты, скрываясь за кружевным тюлем, смотрят на двор.

Где перед горкой стоит одинокий Витюша.

Странное дело, но домик с таинственной продавщицей больше не интересовал мальчика. Витюша не подходил к нему и даже не смотрел в его сторону – словно тот и не существовал

вообще, а был лишь миражом, мороком, полустертым граффити на детской площадке. Иногда так казалось и Свете. Но она бросала взгляд на машинку, самолетик, палетку Dior Backstage Eye Palette 001 – кольцо она обронила где-то в тот день и отмела и мысль о возможных поисках – и понимала: нет, реальность.

Вот и в этот раз она снова глянула на палетку – и слишком поздно перевела взгляд на Витюшу. А когда перевела, то нож, занесенный для кромсания морковки, завис в воздухе.

Морда тигра на спине куртки была искривлена в гримасе ужаса. А больше ничего не было видно. Ни Витюши, ни горки, ни даже площадки.

Темные фигуры, точно сотканые из дыма и тумана, толпились, извиваясь в каком-то странном танце. Они обволакивали Витюшу и снова выпускали его – словно облизывали всем телом и тут же выплевывали. Они меняли свои формы и размеры, то увеличиваясь, то уменьшаясь, то истончаясь, то уплотняясь, то вытягиваясь, то раздуваясь, – и было в этом что-то ритмичное, что-то логическое и завершенное, будто тени плясали под свою, слышимую только ими, музыку.

Света молчала, не двигаясь и следя за этим танцем как замороженная. Белобрысая макушка племянника мелькала в туманно-дымной пелене, то выныривая, то исчезая. Тигр немо орал в агонии ужаса.

И тут зашевелились занавески в окнах по всему дому. Словно одновременно услышав что-то – или почуяв, – жители всех квартир разом подошли к окнам и стали наблюдать. Занавески колыхнулись, открылись, и черные силуэты – одинакового роста, одинаковой комплекции, *одинаковой плотности* – замерли за стеклами.

Нож опустился. Кончик указательного пальца пронзила острая боль. Света смотрела, как капли крови собираются на разрубленной подушечке, как они пропитывают оранжевые кружочки моркови, вырисовывая на них причудливые алые пятна Роршаха.

Смотрела – и не могла заставить себя поднять глаза и взглянуть в окно.

Витюша пришел через десять минут. Позвонил в дверь – условным звонком «длинный – два коротких – длинный» – аккуратно снял обувь, отряхнул и повесил курточку, степенно прошествовал мыть руки. Света втянула носом: пахло гарью, польнью и мокрой бумагой. Она провела рукой по курточке: на пальцах остался серый – пыль или пепел? – след.

Тигриная морда слепо пялилась на нее – глаза были выжжены.

* * *

Когда сестра приехала за сыном, Света дрожала от страха. Ей вдруг пришло в голову – да, то существо в домике могло заморочить, могло выдать за Витюшу что-то нечеловеческое, что-то чужое и чужое, – а Ленка, Ленка материнским сердцем почует это! И Света пила вальс-рянку, и кусала губы, и прятала трясущиеся руки под футболкой.

Но Ленка ничего не заметила.

– Ну как, – строго спросила она, – не хулиганил?

– Не-а, – помотал головой Витюша. – Ну только если немного.

– Немного? – Ленка посмотрела на сестру. – Ну что, сколько я тебе должна? Обои раз-рисовал? Тарелки разбил? В унитаз, надеюсь, ничего не затолкал?

– Все в порядке. – Света старалась, чтобы голос не дрожал. – Ничего такого не было.

– Ничего такого? – Ленка нахмурилась. – Тогда точно что-то натворил. Ты не смотрела за диваном? Под шкафом? Он мог и дохлого голубя с прогулки припрятать.

Света выдавила из себя кривую улыбку:

– Нет, все в порядке. Ну, пролил пару раз что-то. Неважно, правда, какие-то мелочи.

Ленка пожала плечами:

– Ну, мелочи так мелочи. Но если все-таки найдешь дохлого голубя, звони.

– Пока, тетя Света! – помахал ей с порога Витюша, прижимая к груди машинку на радиоуправлении.

Света соврала, что это она ее подарила. Она еще что-то врала Ленке. Про то, почему порвана куртка: взяла вину на себя, сказав, что та обо что-то зацепилась в стиралке, и в этом была доля правды, ведь она вырезала, выдрала прожженную ткань на месте тигриных глаз. Про то, откуда у Витюши новые игрушки: мол, что-то сама купила, что-то отдала подруга. Про «сто рублей», о которых то и дело говорил Витюша: да играли в магазин, вот и все, а он у тебя, кстати, уже сам начал считать!

Ленка то ли верила, то ли нет – но кивала головой, поддакивала и твердила, что не туда пошла Света, что ей не в журналисты-копирайтеры надо было идти, а в педагогику, такой воспитатель пропадает.

Выйдя из квартиры, Витюша потащил мать к лестнице и деловито стал спускаться. Света смотрела ему вслед. Тигр кривился в сарказме.

Ленка ничего не заметила. А возможно, и нечего было замечать.

Закрыв дверь, Света села на пол и беззвучно зарыдала.

* * *

– Что ты сделала с ним? – позвонила тем же вечером сестра.

Света вздрогнула и почувствовала, как по спине холодными когтями поскреб холодок.

– В смысле? – осторожно уточнила она.

– Ну, он поел, съел все, даже нелюбимую гречку, а потом лег спать вовремя. И не ныл, не просил планшет – тихонько рисовал в альбоме. Как ты этого добилась?

– Н-не знаю... Я ничего не делала...

– Тебе в пед надо было идти, ты знаешь это? А не в свой гуманитарный, – рассмеялась сестра.

Ленка потом еще что-то говорила ей, но Света не слушала. Она сидела, зажав телефон во вспотевшей руке, и смотрела на стенку. Узоры обоев уже путались и плыли перед ее взором, превращаясь в аляповатые пятна, из которых вырастали ветки, чьи колючки терзали и рвали ее голову.

Потом она поняла, что голову рвут хриплые истошные гудки, – и выключила телефон.

Еще месяц она вздрагивала от каждого звонка сестры. Долго-долго смотрела на экран телефона – и лишь спустя полминуты все-таки снимала трубку. Или не успевала – если Ленка была менее терпелива.

Она боялась. Боялась, что услышит предсмертный хрип и бульканье крови, выплескивающейся из пробитых ножом легких. Или треск горящего пластика – и вопли ужаса в охваченной пламенем квартире. Или... или холодный равнодушный голос следователя: «Елена Мартынова вам кем приходится?»

Но Ленка бодро справлялась, как дела, и хвасталась, каким классным, «подарочным» стал Витюша, и в который раз восхищалась педагогическим талантом Светы. Света криво улыбалась, кокетливо отнекивалась и молилась только об одном: чтобы Ленка скорее положила трубку и не звонила еще как можно дольше.

Вскоре ее мольбы сбылись – Витюша пошел в садик, на Ленку навалили новые проекты и времени болтать с сестрой у нее не стало.

И Света постепенно успокоилась. Наверное, хорроры наврали. В конце концов, бывает же иногда, что за подарки не нужно платить?

Она всеми силами гнала от себя воспоминание о том, как в вопросе «Не можешь? Или продешевишь?» р-р-раскатисто произнесла «р». И что все сломалось после этого звука, р-р-растворившегося в темноте и тишине домика.

Но все было нормально – ну, можно считать, что нормально. Света просто не знала, было ли раньше так. Может, и было, просто она не обращала на это внимания.

Всегда ли за трубой мусоропровода стояла длинная черная тень, которая мелко клацает, когда выкидываешь рыбные головы.

Всегда ли что-то холодное облизывало ее затылок, когда она говорила по телефону больше чем полчаса.

Всегда ли за ее спиной, где бы она ни была, с кем бы она ни была, маячило что-то, замечаемое лишь краем глаза в зеркале.

И всегда ли что-то стояло у задернутых тюлевыми занавесками окон, когда Света выходила из дома. Окна *ее* квартиры.

Однажды на улице она увидела, как ей показалось, Витюшу. Точнее, курточку с навеки ослепшей мордой тигра. Ленки нигде не было – но, зная привычку сестры отходить от спутника во время телефонных разговоров, Света не удивилась.

– Витюша! – закричала она, идя к нему с распростертыми руками. – Витюша, это тетя Света!

Мальчик обернулся. Точнее – начал оборачиваться. Точнее – стоя неподвижно, проворачивать голову.

Его лоб, глаза, отчасти нос – повернулись к Свете, в то время как другая часть носа и верхняя губа остались где-то на полпути, а нижняя челюсть – невозможно длинная – так и уходила куда-то под грудь, а может и тянулась даже до живота.

Выпученные глаза мальчика – в этой искаженной, исковерканной роже Света уже никак не могла признать Витюшу – и слепые глаза тигра уставились на нее.

А потом нижняя челюсть стала догонять остальное лицо. Огромный багровый зев, в котором зияла дыра, без языка и даже нёба, посмотрел на Свету пятым глазом.

Она попятилась.

Она пятилась и терла глаза руками – потому что это однозначно было галлюцинацией, бредом, мороком. От переутомления, усталости – чего угодно. Она запнулась за что-то ногой и, покачнувшись, ухватила левой рукой за ограду.

И кто-то любезно, протянув сзади, из-за ее спины, свою руку, потерял ей левый глаз.

* * *

Однажды поздно вечером ей позвонили в домофон.

– Да?.. – спросила она.

Сначала ей показалось, что там тишина. «Случайно сработал», – подумала она и собиралась повесить трубку.

Но потом в этой мертвой, давящей, пустой, безжизненной тишине она вдруг расслышала тихий-тихий звук. Едва уловимый. Треск, и скрип, и шуршание, и скрежет – словно кто-то катал по песку старый металлический грузовичок.

Света тихонько всхлипнула.

– «Да» и «нет» не говорить... – захихикали в трубке.

– Нет! Нет! Я не... Черт! Что?..

– «Да» и «нет» не говорить! «Да» и «нет» не говорить! «Да» и «нет» не говорить!

– Простите... – пробормотала Света и швырнула трубку о базу. Промахнулась, долбанула о стену, пластик треснул, и электронные потроха вывалились наружу.

В подъезде оглушительно громко загудел лифт. Остановился на Светиной площадке.

Она замерла, вцепившись руками в дверной косяк, прильнув к глазку. Там, на лестничной площадке, царила густая, непроглядная темнота. Даже когда, судя по звуку, открылись двери лифта, темнота не рассеялась ни на мгновение.

«Перегорели лампочки, – попробовала уговорить себя Света. – Просто лампочки. В лифте. И на площадке. Так бывает».

Лифт открылся. Закрылся. По площадке прошаркали шаги – вкрадчивые, длинные, размашистые, словно кто-то аккуратно шел на лыжах. Они шаркали и шаркали, будто кто-то ходил от двери к двери, равномерно, аккуратно, бесстрастно, ни одной не выбирая, ни к одной не подходя.

Света вцепилась в ручку, не в силах оторваться от нее. Она не знала, что делать. Так и стоять, ожидая, когда таинственный лыжник определится с дверью, или бежать прочь из коридора, в комнату, пока тот не выбрал ее?

А потом в щель двери просунулся листочек.

«Вы поедете на бал».

Именно так, без вопросительного знака.

Света истерично рассмеялась.

* * *

Окно разбилось ровно в полночь. Как только скакнули цифры на электронных часах и появилось четыре ноля. Будто две пары зеленых глаз с огромным зрачком, на черной, сливающейся с темнотой морде.

И был удар, и звон, и хруст стекла под чьей-то тяжелой поступью.

Света натянула одеяло на голову – как когда-то в детстве, словно пытаясь спрятаться от того, что было неизбежно, от того, что стало неумолимо в тот самый момент, когда она так опрометчиво ответила: «Поеду», когда протянула дубовый листочек – и когда взяла ту проклятую Dior Backstage Eye Palette 001...

– Вы поедете на бал... – хрипло и жарко прошептали ей в ухо.

И одеяло рассыпалось в прах.

Света зажмурилась, свернувшись в комочек.

– Вы поедете на бал, – повторили все так же спокойно и размеренно.

И что-то стало разворачивать Свету, разгибать ее, как разгибают засохшие, затвердевшие вещи, – пока она не прекратила бороться, не сдалась, вытянувшись на кровати, глядя в холодную черноту над собой.

– Вам барыня прислала коробочку соплей... – так же размеренно стала напевать чернота.

– Н-нет... – пробормотала Света. – Н-нет...

И коробочка раскрылась. И что-то стало втираться в тело Светы – густое, жирное, пахнущее болотной тиной, травами и лесом. Оно легко мазалось и так же легко испарялось, и Света – откуда, из каких глубин какой древней памяти? – извлекала названия трав – цикорий, лунник, вербена, пролесник, молодило, венерин волос, – даже не зная половины из них. И была птичья кровь, и жир животных, и все смешивалось в одно, и проникало сквозь кожу, и выжигало нутро, делая из Светы пустую оболочку, легче воздуха.

И тот же черный голос пропел ей, чтобы не носила черное и белое, – но этот совет не требовался, потому что гола была Света, гола как внутри, так и снаружи.

И указание не выговаривать «р» тоже было лишь формальным – ведь в тот момент, как она поднялась в воздух, взлетев, словно легкий, наполненный гелием шарик, ее язык выскользнул изо рта и лег на кровати, как маленький розовый слизень.

А Света уже летела по ночному небу над спящей землей – в окружении теней, диких, причудливых, вычурных. Они гоготали и кривлялись, передразнивали и издевались, и не были они ни злы, ни добры, потому что они сами решали, что есть добро, а что зло.

И был среди них был разорванный напополам Витюша – как товар и как покупатель. Он хлопал глазами, раззевал в беззвучном крике рот, и его сизые кишки полоскал ветер, и капли крови падали на землю, и их слизывали бугорчатые жабы, надуваясь и лопааясь.

Они летели в облаках – и видели, как над городами встает зарево, и как вихри гуляют между домами, и как лопаются стекла, и как сшибаются машины, и как утробно воют сходящиеся стенка на стенку люди.

Все те, кто согласился поехать на бал, все те, кто купили себе пропуск туда – пропуск вместе с товаром, припечатанный ошибкой в старом ритуале, – все они были там. Молодые и старые, красивые и уродливые – всех их гнали сизые тени, которые сами когда-то попали на бал, и протанцевали там от рождения мира и до его заката, и теперь хохотали и ликовали, что их смена заканчивается и покой примет их в свои объятия. Хохотали, не зная, что товар возврату не подлежит.

И они летели, и терзали, и терзались сами, и Дикая Охота продолжала свое шествие на запад, растягивая во времени, делая Ночь Бала вечной.

* * *

Когда бал закончился и она вернулась домой, ее уже никто не ждал.

Дверь в квартиру была другой, новая краска на стенах подъезда уже облупилась, и, судя по тихому шороху, лифт тоже поменяли.

Она постучала, но ей никто не ответил. А когда она нажала на кнопку звонка, то звука не было. И она ушла.

Она шла, покачиваясь, едва перебирая ногами, шаркая, как уставший лыжник. Шла, ведомая инстинктом – единственным, что осталось у нее, когда она забыла свое имя, забыла, кто она, зачем она, почему она здесь и что вообще такое «здесь».

И опустилась темнота, и было жарко, а потом ее облизал холод, и влага проступила сквозь поры ее кожи. Шуршал пергамент, скрипела старая дверца – и приходило понимание и знание того, что нужно делать.

Она разлепила спекшиеся губы.

– Барыня... прислала... сто рублей... – пробормотала она.

И дубовый листочек лег перед ней.

Сергей Возный

Ab ovo

Шагину снова снилось плохое. Снился немецкий парашютист с нацеленным «вальтером» – в упор, не отскочишь. Бабка-покойница снилась, в платье из домотканины, побелевшем от бесчисленных стирок, зато с серебряным монистом, будто у молодухи. Хмурилась, скалила беззубый рот, грозила длинным сухим пальцем. Предупреждала о чем-то в наползающем мареве.

Проснулся, словно вынырнул из трясины. Пару секунд даже продышаться не мог. Отвернул старый ватник, выданный вместо одеяла, поежился от промозглой октябрьской сырости, уселся среди ворохов травы. Вокруг был все тот же сеновал, изрезанный лунным светом, ни малейшей угрозы пока что. Где-то под сеном прошебуршала мышь, затихла. Василий вытащил мятую пачку «Казбека», выбил папиросину, а спички по карманам все никак не находились. Прошел до самой стенки, закурил наконец. Приложился глазом к щели меж досками, оценил обстановку: двор, бревенчатая стена дома, ограда. Близкий лес вздымается темной массой, где-то рядом чирикает ночная птаха. «Виллис» лейтенанта Хорошилова у забора никуда не делся, разумеется.

С чего вдруг это ощущение, будто горсть снега за шиворот бросили?

Затянулся, выдул дымок сквозь щель. Демаскировка, конечно, – так и прятаться вроде не от кого. Дверь сарая подперта изнутри, а все ценное у Шагина при себе, как привык за пару военных лет. Разве что сапоги с наброшенными портянками чуть в стороне стоят. До исподнего перед сном раздеваться не стал – не то здесь место, да и холодно.

К чему же все-таки баба Злата приснилась?

Затянулся еще раз, глянул на алый папиросный огонек. Почти такой же, как сутки назад в сотне километров отсюда.

– Ты проходи, Василий, присаживайся. Не с твоей ногой, понимаешь, тут стойку смирно держать.

Папирота «Герцеговина Флор» мигнула искрой, подполковник Дятлов выдохнул дым, причмокнул, лицо вдруг сделалось обманчиво-добродушным. Почти как у Верховного на портрете парой метров выше.

Шагин команду выполнил. Поморщился про себя. Неспроста сегодня Дятлов такой заботливый – начальникам отдела дивизионной контрразведки заботливость по рангу не положена.

– Папироску бери, закуривай! Успеешь, капитан, свежим воздухом надышаться, самым что ни на есть лесным. Заскучал, небось, по такому в госпиталях?

– Самую малость, – ответил Шагин сдержанно, и начальник убрал наконец улыбку, прищурился. Так оно лучше, пожалуй. Натуральнее.

– Ладно, Василий, не буду ходить вокруг да около. Обратились ко мне товарищи из Брянской госбезопасности, у них трое суток назад в районе пропал сотрудник. Уехал на мероприятие в одну деревню, с тех пор на связь не выходит. Людей там, сам понимаешь, мало, работы с избытком, а в лесах сам черт ногу сломит. Попросили содействовать по старой дружбе, прислать «волкодава», из матерых. Тебе ведь отпуск положен, по ранению.

Шагин кивнул. Давно уже все понял, и начальственные реверансы не скроют сути. Битва за Брянщину завершилась пару недель назад, освобожденные территории до сих пор в безвластии практически. Особенно там, где нет частей. Фронт смещается на запад, дивизия Шагина вот-вот покатит в том же направлении, а самому Василию действительно положен отпуск. Только ехать некуда.

– У нас теперь все матерые, – сказал для приличия, но без ложной скромности. – Я так понял, что надо сработать по-тихому? Под калеку?

– Верно мыслишь. – Папироса Дятлова снова мигнула, прищурился от дыма, но глядел теперь неотрывно. Тот самый взгляд, от которого даже комдив, по слухам, в лице меняется. – Сотрудник, что потерялся у «соседей», был молодой, но тоже не промах. Потому и доверили дальние районы. Есть такая деревня, Гнилой Лог, вот туда этот парень и зачастил. Может, там потерялся, а может, и по дороге – места ведь, сам понимаешь...

Шагин и это понимал. В Брянском лесу теперь каждой твари по паре: агентура «абвера», дезертиры, бывшие полицаи, просто бандиты. Не угадаешь, откуда прилетит. Областная столица далеко, в Орле, да и там УНКГБ только-только восстановлено, а на Брянщину вообще людей не хватает. Новорожденной местной госбезопасности город бы осилить и пулю не поймать.

– Маскироваться тебе не надо, хромота сама за себя говорит. Как нога, кстати?

– Зажила, – пожал плечами Шагин. – Слегка хромаю, могу сильнее.

– Ну, это сам решишь, по обстановке. Выписку и отпускной тебе оформят к завтрашнему утру, а подробности расскажут в местной «конторе». Да, еще... – Взгляд Дятлова снова потеплел, сделался лукаво-мудрым. Отеческим. Как у товарища Сталина с портрета, опять же. – Береги себя, Василий, зря не рискуй. Если что не так, взвод автоматчиков быстрее тебя управится.

Документы и впрямь оформили быстро. Утром нового дня уже разглядывал в Брянском отделе НКГБ фотокарточку парня с широким, основательным лицом и ранними залысинами – лейтенантские погоны пропавшему не особо шли. Посерьезней бы надо звание к такому лицу. Сам Шагин, напротив, выглядел моложе своего тридцатника, а четвертую звездочку получил всего полгода назад, как раз в апреле. После очередных реформ и переподчинений. Из старлея госбезопасности стал просто капитаном, зато в структуре с новым, шипяще-опасным именем СМЕРШ.

– Он из охотников был, сибиряк, – пояснили Василию. – Сам попросился в глухие районы, а мы ему даже «виллис» выделили, чтоб концы отмахивать. Вы тоже спец по лесам?

– Да я все больше на печке погреться, – ответил Шагин простодушной улыбкой. – Крестьянин в семи поколениях...

После обеда уже катил попутной полуторкой, а разбитые пригороды Брянска сменялись суровой чащей по обе стороны.

– Такая дорожка, идрит ее мутер! Бебехи все растрясет! – крикнул ему усатый старшина-водитель, будто не рядом сидел, а в сотне метров. – Я-то мимо проеду, звиняйте уж! До самого Лога придется вам пешкодрапчиком!

Грузовик утарахтел в неведомые дали, а Шагин поправил ремни, кобуру, вещмешок и пошел себе через лес. По дороге, похожей на тропу. Хромал чуть-чуть, но старательно опирался на самодельную березовую трость – неизвестно, чьи глаза сейчас могут подглядывать из чащи. Если кто и смотрел, то увидел лишь офицера-артиллериста, невысокого, мосластого, угловатого даже. Полевая форма точно с чужого плеча, движения дерганые. Не шибко опасен, в общем. С пулей можно повременить.

Мерещились взгляды или нет, а спина у Василия чесалась. Как раз под левой лопаткой. Тянуло оглянуться, но шел себе дальше, отключивая ногу. Месяц назад в колено ударила пуля из «вальтера» – чуть выше сустава, потому и не стал калекой пожизненно. На войне загадывать нельзя, но Шагин в свою удачу верил, даже бояться и прятаться так до конца и не научился. Чего хотел вчера вечером, так это дойти быстрее и отыскать в Гнилом Логу какого-то Ковтуна. Последнего, с кем общался лейтенант Хорошилов и от кого получал информацию неизвестно о чем. Все расскажет, пустит на постой, а уж с утра...

...Папироса сгорела почти до пальцев, вторую Шагин прикуривать не стал. Тьма за стеной сарая светлеет, надо бы подремать еще хоть часик, но сна ни в одном глазу. Дед Ковтун наверняка уже поднялся – деревня рано встает. Глядишь, на рассвете будет такой же разговорчивый, как вчера.

Умылся Василий ведром ледяной воды из колодца, сразу по пояс. Растерся запасными кальсонами, кинул их сохнуть на забор, а там уже и вокруг пробудилась жизнь. Заквохтали куры, храпнул в стойле конь – дед Ковтун по любым меркам «кулак», лошадный даже.

– У меня скотина в артели была, но при немцах позволили забрать, – сказал он вчерашним вечером, когда гость прошел уже в дом, подальше от непрошенных взглядов. – Как тебя, говоришь? Василий? Удивлен, небось, что чекист ваш с таким единоличником связался?

– Самую малость, – ответил Шагин и уселся, куда предложили. Глянул на красный угол с образами, на самого Ковтуна, седого, бородатого, сгорбленного в крючок. – Он ведь вам доверял, а значит, я тоже могу. Примете под кров?

– Да куда тебя денешь! – улыбнулся дед немногими оставшимися зубами, а руки сновали уже по столу, собирали угощение. – От меня-то, старого, толку мало, но чем смогу. Удивлен, что чекист ваш ко мне пришел, а не к председателю сельсовета?

– Самую малость, – повторил капитан, разглядывая крашенные фотокарточки на стене. Мужчин и женщин с суровыми лицами, застывших для чинного семейного портрета. – Разве к вам уже назначен председатель?

– А он и не девался никуда. Затолокин, Николай Борисыч, из местных. До войны Советам служил, а потом его фрицы старостой сделали, потому как человек уважаемый. Не гадил, не лютовал, по справедливости старался. Упросили мы его и после немца вожжи держать, потому как больше некому тут. Бабы, малые да старики навроде меня. Может, ваши его и шлепнут, но пока при власти Николай Борисыч. Считаю, председатель.

– Чудны дела твои, господи, – отозвался Шагин безыдейно, зато от души. Удивляться давно отвык – на войне любые правильные вещи выгорают до самой основы, на многое начинаешь смотреть гораздо шире. – Наш лейтенант, значит, с этим... Затолокиным не общался?

– А кто ж их знает? Мне он лишнего не рассказывал, все к лесам интерес имел. Прикатит, автомобилю поставит, Гнедыша моего возьмет и поедет кататься. Так и в этот раз было. Прискакал Гнедыш опосля, весь в пене, будто черти на нем гоняли, а чекиста и след пропал.

– Черты – это антинаучно, – усмехнулся Шагин, взял со стола лафитник с мутным дедовским самогоном. – Вы вот, Семен Иваныч, мужчина солидный, поживший, мне ваши мысли на вес золота. Что интересного в этих лесах? Может, от немцев чего осталось?

– Какое там! – Рюмка Ковтуна стукнулась о шагинскую, старик проглотил ядреную жидкость одним глотком, не поморщился. – Фрицы тут набегами бывали, брать-то нечего с нас, да и место глухое. Не имеет стратегического значения, во! В первый раз Затолокина старостой назначили, да в помощь ему пятерых местных, вроде как полициями. Там серьезный гад приезжал, эсэсовец. Про партизан выспрашивал, только откуда у нас партизаны? Кто не старый и за Советы, тот в сорок первом ушел, а остались как раз эти пятеро. Гришка Козликин и друзья его. Гришка-то из зажиточных, он от немцев большого добра себе ждал, но иначе все вышло. По дури. Заехали фрицы в другой раз, солдатня тупая, перепились, ну и это... Ганну насильничали, невесту Гришкину. Он полез заступаться, так морду ему набили, смеялись.

– Своему, стало быть?

– Да какой он им свой?! – хмыкнул Ковтун, потянулся к тяжелой четверти с мутной влагой. – Прислужник из местных, такой же «швайне» для них! Морду набили, а Гришка им той же ночью дверь подпер и огня пустил. Любил, знать, Ганну. Она, бедолага, топиться потом хотела в Дунькиной твани, да не позволил Господь!

– А с Гришкой что?

– Чего ему станется? Убег! В лесу теперь, с друзьями своими. Не полицаи, но и не партизаны. Ваши их не простят, за немцем идти нельзя, кругом капут!

Много слов, много самогона – информации тоже много. Шагин ее, по давней привычке, раскладывал в ячейки памяти, будто в папки из картона, не хотел забивать анализом пьяный мозг. Потому и проснулся, наверное, среди ночи. Голова отработала самостоятельно, вызвала на помощь покойницу-бабку – предупредить о чем-то.

Может, про Дунькину твань? Белорусское слово, означает трясиину, гиблое место. Где, скажите, крепьш Хорошилов с серьезным лицом и где эти топи? Не фрицев же там отыскал, в самом деле, а если охотился за Козликиным со товарищи, то почему один? Руководству не доложил, следов не оставил. Наркомат – не шарашкина контора, здесь герои-романтики не приветствуются.

Дед Ковтун с утра переменялся, угрюмым стал, молчаливым. Словно жалел о вчерашнем разговоре и дальше откровенничать не планировал. Только у Василия и не такие язык распускали. Самые лютые враги становились соловушками, а уж друзья и союзники – тем более.

– А напомните-ка, Семен Иваныч, куда вся ваша семья подевалась? – спросил, когда сели утренничать. – Вчера говорили, но я запамятовал по хмельному делу. Гляжу, на карточках много кто, да и вы боевой, с орденами. Царь-батюшка наградил?

– А то кто же! – усмехнулся Ковтун, глянул на крашенные портреты. – Ежели ты, капитан, на Гражданскую намекаешь, так я и там был на правильной стороне. Партизанил, германца гонял, даже у Щорса повоевать успел, в Богунском полку. Жинка с дочей от лихоманки прибрались, давно уже, а Степка, сын мой... Нету его, так думаю. Тоже в Дунькиной твани сгинул.

– Прости, Семен Иваныч, не знал... – Тон у Шагина вышел каким надо, сочувственно-покаянным. На мгновение стало стыдно – что ж ты за скот такой, без сердца, – но выдернул эту иголку и кинул подальше. – Взрослый хоть был? Степан-то?

– Шишнадцатый год. – Лицо Ковтуна в тусклом свете вдруг показалось не просто старым – древним, как у ликов на иконостасе. – Гришка немцев спалил, потом уж зондеркоманда приехала. Хотели всю деревню в один сарай и тоже... Затолокин спас, через него малой кровью отделались. У Козликиных всю семью в расход, Ганнину тоже, еще у кой-кого, но не поголовно хоть. Сама-то Ганька не видела, раньше пропала. Потом узнали, что топилась, да Гришка как раз и вытащил. Вернулась вовсе малахольная, только песни теперь поет. А парней молоденьких, кто остался, тянет с тех пор на Дунькину твань. Вот и Степка мой...

Крякнул, махнул рукой, потянулся к миске за картофелиной. Шагин откусил сырого, тяжелого хлеба, запил кислоющим квасом. Папки в мозгу шуршали, бумаги с машинописным шрифтом раскладывались по местам: «Ганна», «Козликин», «Затолокин», «Ковтун». Что-то потом сгорит, что-то в дело – но достать и перечитать придется каждую.

– Коня подседлаешь, Семен Иваныч? Если пойдет под моей рукой, то проедушь, гляну всякое разное.

– Тоже будешь «вундерваффе» искать? – глянул Ковтун с иронией. – Лейтенант ваш разок оговорился, а я расспрашивать не стал, к чему оно мне? И тебе не хотел говорить, а то ведь тоже... Фрицев на Дунькиной твани нет, зато уж Гришка с бандой никуда из леса не делся. И эта... с песнями своими. Ехал бы ты отсюда.

– Песен я не боюсь, а с бандитами постараюсь не встретиться. Волков бояться... сам знаешь.

Посидели, помолчали. Рассвет за окном разгорелся алым, у икон теплилась лампадка, на стене отбивали время ходики с гирьками. Пахло горячим маслом и старостью. Пора было действовать!

Конь Гнедыш оказался и впрямь тускло-рыжим, будто хной его выкрасили.

– Ты вот что, капитан, – сказал хозяин, когда Василий уже забрался в седло. – Байку свою, насчет сослуживца проведать, кому другому расскажешь, а тут не дураки. Много глаз и ушей, за каждым деревом, в каждом окошке. Оглядывайся!

* * *

Ехать на Гнедыше было приятно, даром что Шагин коней не видел с самого детства. Трость свою сунул за поясной ремень, свисала теперь, точно шашка, ну да в нелепых стреляют реже. Пускай свисает. Проехал деревню насквозь, осмотрел из седла пепелища с торчащими печными трубами. Одно из них принадлежало тем самым Козликиным. Некуда Гришке вернуться, а затравленный волк, он самый лютый. В схроне теперь укрывается или по чужим домам? Все равно ведь вылезет – не для того сюда Шагин приехал, чтобы осталось тихо и потаенно. Растребушим это гнездо!

А начать придется с Дунькиной твани. Хоть и мистикой отдает. При чем тут «вундерваффе», то бишь «чудо-оружие», и зачем его искать в болоте? По прямой здесь, со слов Ковтуна, километра три, на месте посмотрим.

Песню услышал за околицей, перед самым лесом. Что-то тягучее, печальное, по-белорусски, кажется, – за полгода в этих краях Василий наслушался разного, но местные разговоры еще путал меж собой.

Купалинка-купалинка, це-емная ночка,
Це-емная ночка, а дзе ж твоя дочка?
Моя дочка у садочку ружу, ружу по-олиць,
Ружу, ружу по-олиць, белы ручки ко-олиць...

Перевел Гнедыша на бодрую рысь, уже вскоре различил впереди далекую светлую фигурку. В стороне от тропы, в разнотравье, изрядно тронутым осенью. Волосы распущены, лица не разглядеть.

– Малахольная, говоришь? – усмехнулся Шагин и свернул с тропы. – Песенки я люблю, заодно познакомимся.

Гнедыш остутился вдруг, но крестьянский навык выручил: спрыгнул Василий с кошачьей ловкостью. Позволил коню вытянуть ногу из ямы – чьей-то старой норы, похоже. Кость цела, а вот девушка скрылась. И песню уже не слышно.

– Может, ты и не Ганна, а мало ли кто, – сказал себе в утешение, снова забрался в седло. Скоро солнце начнет припекать, хоть и осень.

* * *

Болото почуял издали. Лес тут сделался реже, на смену соснам и елям пришли осины, белесые, тощие. Остатки зелени вперемежку с красным и желтым, проблеск воды в траве.

– Вот ты какая, Дунькина твань? Ну-ну.

Поводья закинул на сук ближайшего дерева, дальше пошел пешком, бесшумно и мягко. Как учили. Землю перед собой прощупывал все той же палочкой, доверился больше ушам и носу. Заметил, впрочем, пару старых окурков среди багульника, частые следы сапог и босых ступней. Нахоженное место. Табаком не тянет, сторонних шумов не слышно, птахи щебечут, не прячутся.

На кочке, среди травы, лежит фуражка.

Шагин даже глазам не поверил – минуту назад ничего еще не было. Моргнул, отвернулся, снова глянул. Лежит! Не полевая-защитная, как у него самого, а энкавэдэшная, с васильковым

верхом. Козырек потертый, тулья в одном месте запачкана темным, а дальше торчит из травы полевой офицерский планшет. Пара метров до них, палкой достанешь!

Шагин попробовал. Ухватился за чахлый осиновый ствол, потянулся над блеском воды и зеленью – чуть-чуть не хватает! Осина вдруг вылетела с корнем, шатнуло, провалился. Хотел опереться на твердое, но ушел по пояс. Замер, переводя дыхание. Стук крови в висках, дурацкая мысль: если глубже, то кобура нырнет, пистолет потом придется чистить от грязи. Спокойно, спокойно, споко-ойно! Трясина резких движений не любит. Положить крест-накрест осиновый ствол и тросточку, опереться, попробовать лечь на живот...

– Вам нужна помощь, если не ошибаюсь? – Мужской голос сквозь шум в ушах показался иллюзией, но его обладатель выглядел очень даже живо. Стоял себе у самой кромки, разглядывал Василия с доброжелательным любопытством. Откуда он взялся вообще? – Военные люди часто брезгают помощью, опасаются выглядеть слабыми, поэтому пришлось спросить. Держите-ка вот.

Протянул длинный шест-слегу, какими прощупывают дно, дернул резко и умело.

– Вот и все! Угваздались, гражданин капитан, но это ерунда.

– Согласен! – Шагина вдруг охватил восторг, как бывает после смертельной опасности, захотелось плясать и смеяться. С трудом себя взял в руки. Отметил непривычное обращение, разглядел наконец спасителя целиком: высокий, серьезный, одет по-деревенски, но добротнo и чисто. Тонкие губы, короткая борода, внимательный взгляд. – Благодарю от души, товарищ...

– Да тоже, скорее, гражданин. Ваш предшественник меня чуть было не арестовал, потому привыкаю заранее. Ну, не смотрите так удивленно. Вы в деревне со вчерашнего вечера, а земля ведь слухами полнится.

– Затолокин?

– Совершенно верно. – Спаситель улыбнулся, приподнял старорежимный картуз. Он и сам немолод, пожалуй. Светлые волосы скрывают седину. – Бывший председатель сельсовета, бывший староста деревни, нынешний не понять кто. Скажу, предвидя вопросы: не из дворян.

– Да я, может, и не собирался расспрашивать, э-э... Николай Борисыч. Хотя манеры у вас и впрямь господские.

– Гнилая интеллигенция, что ж поделать. Родители воспитали в духовных излишествах, да и сам я, грешен, люблю все эдакое. Зачем вы туда полезли, скажите на милость? Решили дно поискать?

– Достать кое-что хотел, – ответил Шагин сухо, глянул в нужную сторону и осекся. Ни фуражки там, ни планшета! Голая кочка! Внезапно накатило озноб – то ли от мокрых штанин и обуви, то ли еще от чего.

– Что-то не так? Поблазнилось да исчезло? Не берите в голову, это же Дунькина твань. По легенде, лет триста назад здесь утопилась местная красавица, от несчастной любви, как водится. Утопилась, воскресла, да и стала женой Ужиного царя. В ночи полной луны катается на его спине, а все, кто их встретит, или падают замертво, или делаются упырями. Такое вот место, гражданин капитан.

– Глупости это все, предрассудки! – ответил Василий резче, чем нужно. – Интеллигентный человек, а разводите всякое!

Матюкнул себя мысленно, но чего уж там. Фуражка все стояла перед глазами, мир ощущался неправильным, кривым, улыбка на тонких губах Затолокина начала раздражать. Озноб усиливался.

– Я всего лишь человек с воображением, хоть и атеист. Да и последнее с некоторых пор дало трещину. Скажите, вы уже видели *ее*?

– Кого?

– Значит, не видели... – Взгляд Затолокина вдруг затуманился, но не так, как бывает от сладких воспоминаний. Скорее, как у больных или пагубно-зависимых. Как у морфинистов. –

У меня ведь семья, гражданин капитан. Дети, внуки уже, не думал, что бес в ребро клонет. Хожу сюда, как мальчишка, день с ночью путаю. Она ведь такая... чистая, жертвенная, притягательная... Кстати, с нашими местами не только народные побасенки связаны. Существуют иные предания, гораздо мрачнее. Про Морового Змея слышали?

– Откуда бы?

– Я не помню деталей, но в райцентре есть такой Беккеров, Андрей Карлович, из обрусевших немцев. Мой шапочный знакомый. Насколько знаю, счастливо избежал внимания как ваших коллег, так и оккупационного режима, по-прежнему тачает сапоги, а в свободное время увлекается историей. Талантливый любитель, самообразованец. Если потратите время и отыщите его в поселке, узнаете много интересного об этих болотах.

– Благодарю за совет, Николай Борисыч, – ответил Шагин и принялся стягивать сапоги. Сухих портянок с собой нет, но хоть эти выжать. Искривленный мир возвращался помалу в привычные рамки. – Поменьше бы вы на болота ходили, а то ведь место своеобразное, сами знаете. Люди гибнут. Степан, сын Ковтуна тоже, говорят...

– И Степан, и до него. – Снова эта улыбка, слегка безумная. – Мне бы думать о том, что в цугундер скоро посадят, а я вот, сами видите. Топиться не буду, ночью дома, но уж днем, когда время есть... не обесцудьте, гражданин капитан.

Закурил Шагин позже, в седле. Не хотелось это делать рядом с Затолокиным – и сидеть-то не хотелось рядом, чтобы не заразиться дурковатой странностью. Выехал из леса, осмотрел еще раз штанины и сапоги. Непорядок полнейший, придется застирывать. Осеннее солнце взялось наконец припекать, даже в мокрой одежде стало не холодно. Тронул пятками конские бока, но Гнедыш вдруг уперся, захрапел, аж попятился.

– Мирной дороги тебе, путник! – услышал Василий девичий голос, от которого внутри зажглось непонятное. Теплое, как огонь в печи, и пугающее, как лесной пожар. Приструнил коня, взглянул на ту, что вышла из осеннего разнотравья. Невысокая, ладная, волосы распущены по плечам – не русые, как показалось издали, а черные, вьющиеся. Простое крестьянское платье, без вышивки даже, суконный жилет с меховой оторочкой.

– Молодой еще, капитань, – сказала, умягчив его звание, то ли ласково, то ли насмешливо. Разбирается в звездочках, хоть и деревенская. – Не ходи, капитань, на Дуняшкину твань. Кого забирает – назад не пускает!

– Ух ты, какие мы! – ответил Шагин с хрипотцой и сам на себя разозлился. Мальчуган смущенный, глядите-ка! Спрыгнул с коня, оказавшись на полголовы выше девушки. – Ганна, если не ошибаюсь?

– Не ошибаешься, востроглазый. Ведьмино семя, волчок в овечьей шкуре. Хочешь знать, куда лейтенант ваш подевался?

Василий шагнул вперед текучим движением, оказался вплотную, но Ганна не отступила. Стояла, почти прижимаясь горячей грудью сквозь платье, глаза смеялись – прохладные, светлые, будто с другого лица совсем. Провела по его гимнастерке пальцем, острым перламутровым ноготком, ткань еле слышно скрипнула.

– Ну! Говори!

– Не пугай, капитань, меня испугом не взять, а силою брали уже. Знаешь дом у околицы, за старым дубом? Приходи, как стемнеет, завтра. Там и узнаешь все.

Отстранилась гибко, не хуже его самого, пошла. Можно догнать и «выпотрошить» – у Шагина матерые диверсанты, бывало, за пять минут ломались. Имел к ним подход. Потому и понял чутьем, что здесь не получится. Запрыгнул в седло, понохал рукав гимнастерки. Показалось, или терпкий травяной дух прилип к нему намертво?

Ее запах.

* * *

Нужный дом оглядел сразу же, как вернулся в деревню. Старый, просевший по самые окна, здесь бы не девушке жить, а убогому бобылю. Дверь подперта веником, по деревенской традиции, но Шагин входит и не собирался – лишнее пока. Отметил, что на подворье ни птицы, ни даже кошек с собаками, пригляделся к пыли на крыльце и к земле у калитки. Дождей уже с неделю не было, лужа засохла, но успела принять и сохранить след подошвы. Знакомый след: набойка на носке, как у немецких офицерских сапог, справа вдавлен заметно сильнее, гвоздя в подметке не хватает. На тропе возле Дунькиной твани остался такой же.

Деревня глядела из окон и темных дверных проемов, наружу не лезла, будто боялась. Будто не свой командир-освободитель приехал, а кто-то из тех, в мышино-сером «фельдграу», с непонятной гавкающей речью. Возле колодца замер мальчишка лет пяти – так испугался, что бежать не смог. Шагин поискал в кармане, вынул осколок сахара, поморщился – грязь сплошная после давешнего купания.

– Гляжу, народ здесь совсем одичал при оккупации, – сказал он уже на ковтуновском подворье. – Сами, или запугивает кто?

– По-всякому, – буркнул дед, раскуривая дареную папиросину. Глядел, как гость отмывает сапоги, хмурился чему-то. – Вы вон ушли, а немец два года лютовал, и сейчас вас толком не видно. Ты, да тот лейтенант, да еще милиционер навевывался. А ну как опять бросите?

– Глупости говоришь, Семен Иваныч! – дернул Шагин щекой. – Я бы тебя за такие разговоры... Ладно уж. Что за дом на окраине, возле старого дуба?

– Ты и там уже побывал, капитан. Стало быть, встретил эту... Ви-ижу, взгляд изменился. У ней-то хату немцы сожгли, теперь в пустой обретається, ничейной, а мужиков туда тянет точно магнитом. Точно к Дунькиной твани. Степка тоже вон... и председатель наш, Николай Борисыч. Был мужчина справный, с головой, а теперь словно бражки опился.

– Интересный дядька, – усмехнулся Шагин и перешел от сапог к штанам. Проклятая тина присохла намертво. – Интересный, говорю, про царицу ужиную рассказывал. Сказки любит?

– Интеллигент. Это ж от белорусов байка пошла, их тут много. Есть над змеями, дескать, Ужинный король, или царь, кому как ближе, может клады подарить, удачу всякую, когда к нему уважительно. А кого невзлюбит, со свету сживет. Лейтенант ваш, на что солидный, но тоже ведь с интересом отнесся. В райцентр гонял по этим делам. Есть там какой-то фриц, из давнишних еще...

– Беккеров?

– Во-во! Любитель старины, от которой толку нету. Может, сам и выдумал это «вундерваффе» да башку лейтенанту забил бессмысленно. Германцы – они ж такие! Философы, чтоб их...

– Ну, ты даешь, Семен Иваныч! Чего же раньше-то молчал про Беккерова и райцентр?!

– А ты не спрашивал. Дунькина твань без того поганое место, только людям ведь мало, чертовщину всякую приплетают. Степка, Степка...

* * *

Опять не спалось. Слишком много луны за стенами сеновала, слишком много белесого, рваного света сквозь щели. Маловато конкретки. Такой, чтобы доложить, выдать значимый результат, не рассмешить ни сослуживцев, ни начальство. Сплошной туман, которого Василий терпеть не мог. Чертовщина! Хотел закурить у стенки, но глянул на сено и вышел «до ветру». Запахнул плотнее хозяйскую телогрею, в дощатом сортире чиркнул спичкой, сделал пару затяжек, ухо поймало вдруг лишние звуки снаружи. Калитка там скрипнула. Среди ночи. Шагин

выругался тихонько, завозился с пуговками, толкнул сортирную дверцу – можно бы кувыркнуть наружу, но неохота людей смешить.

– Ти-ихо, тихо, военный, не бузи, – посоветовал голос из тени за сараем, мужской, уверенный. – Мы ж пока погутарить, без крови. Если дальше не станешь с Ганной шуры-муры водить.

– Далась вам всем эта Ганна! – хохотнул Василий очень натурально, сам шагнул, наконец, наружу – и сразу в сторону. Тоже теперь в тени, хоть и слабенькой. Хлястик кобуры уже расстегнут, можно плясать «цыганочку» с выходом.

– Видел ее по дороге, так что с того? Красивая девка. Понравилась. Полюбилась даже!

– С огнем, военный, играешь. Спалим, как того чекиста, не обессудь потом.

В тени что-то звякнуло, зашуршало, ответные звуки донеслись сразу с трех сторон. С «цыганочкой» лучше не спешить, пожалуй.

– Бывай, военный, размысли еще. Два раза не упреждаем.

Калитку отсюда видно, но гости в нее не пошли – исчезли ночными тенями через ограду. Шагин выждал пару минут, потянул опять из кармана «Казбек». Теперь уж можно. Почиркал спичкой о коробок, затянулся глубоко, чтобы сразу мозги прочистились.

Дерзкие парни, чего уж там! Врасплох застали, будто зеленого новобранца! Стыд-позорище! Или не поняли, что советская власть сюда насовсем вернулась, или терять им вовсе нечего. И давать укорот этим наглým чертям должен именно он. Дело чести теперь, довесок к заданию. Найти их чертячье логово, самому завалиться в гости, а там уж...

Земля под ногами вдруг дернулась, словно от взрыва, Василий даже присел. Уперся ладонью в жухлую траву, ощутил сквозь нее далекий беззвучный гул. Землетрясение, что ли? В здешних болотистых местах? Чудны дела твои, господи! Опять безыдейно, но что тут скажешь еще?!

* * *

Уснул как убитый, сам от себя такого не ожидал. Снились болотная жижа, мельтешение змеиных тел, лейтенант Хорошилов, обугленный в головешку, с оскаленными зубами. Пробуждение вышло резким – от конского ржания. Не Гнедыш, другой кто-то. Снова скрипнула калитка, зашуршали шаги. Парень в синей милицейской форме с погонами старшины прошел до крыльца, взглянул на дверь, подпертую метлой, – Ковтуна дома нет. Оглянулся сторожко и двинулся к сараю. Постучал, а сам, молодец, встал от дверного проема в стороне. Дощатую стенку пуля прошьет как бумагу, но привычка верная.

– Есть кто живой?!

– Чичас! – отозвался Шагин простецки, взъерошил волосы, а пистолет из кобуры переложил в карман. Отвалил, наконец, подпорку, прищурился на гостя. – Ого, вот и власть навелась! Я тут это... приснул-придремал.

– Документы предъявите! – велел старшина сурово и зашел наконец в сарай. Высокий, чернявый, плечистый, но молодой совсем. Потому и усики отрастил, и голос занижает, солидности себе придает. – Кто таков, на каком основании пребываете в тылу?!

– Так это ж... ранен, болею, заехал вот... – Бормотание Василия сделалось неразборчивым, движения – суетливыми, милиционер скривился, шагнул чуть ближе. Охнул, когда железные руки вдруг развернули и сжали захватом горло, а в голову уперся ствол ТТ.

– Колись, краснопузый, чего тут нюхаешь? – спросил Шагин тихо, недобро, с блатной гнусавинкой. – До трех считаю, потом мочить тебя буду! Ну!

– Пшувлхрвл! – прохрипел старшина стиснутым горлом, пришлось чуть ослабить. – Ххрен тебе, стр-х-рляй... все знают, куда я пх-хехал... давай!

– Ух ты, какие мы, – хмыкнул Василий и пистолет убрал, а потом и горло выпустил. Старшина упал на карачки, зашарил ладонью по кобуре, взгляд из бешеного сделался бешено-тоскливым, но испуга в нем не было.

– Успоко-ойся, свои. Смотри сюда и держи вот это, больше не теряй.

Милиционер шумно выдохнул, закашлялся. Взглянул еще раз на свой наган, протянутый рукояткой вперед, и на штуку повесомее нагана – алую корочку с тисненными черными буквами «СМЕРШ».

– В руки не дам, читай отсюда. Вопросы есть?

– Т-ты... вы чего же так?! Я ж представитель власти!

– Проверил тебя, старшина. Время нынче такое, но ты молодец, не сдрейфил. Как зовут?

– Иван... ну, то есть старшина Дыбайло, уполномоченный.

– Не надо, Ваня, козырять, мы не в штабе. Меня можешь звать Василием. Стреляешь хорошо?

– Из винтовки на «Ворошиловского» сдавал, а из нагана... управлюсь как-нибудь!

– Вот и ладненько. Ты из райцентра приехал? Сегодня в деревне заночуй, такая просьба моя к тебе. Думаю, пригодишься.

* * *

До вечера Василий успел не много, хоть и очень старался. Сгонял на «виллисе» в райцентр, навестил милицию, прозвонил оттуда в Брянский отдел НКГБ. Узнал, что довоенные архивы частично пропали, частично еще не доставлены из эвакуации. Сведений по конкретным лицам не найти. Ни по кому из тех, кто разместился в картонных папках шагинской памяти.

Сапожника Беккерова нашел, где тому и полагалось быть. В сапожной будке. На немца тот походил мало, как и на исследователя фольклора: круглолицый, угрюмый, с растрепанными рыжими усами и папироской за ухом. Шагинское удостоверение разглядывал долго и обстоятельно, затем вздохнул и начал подниматься с табурета. Отложил недочиненную туфлю, ссутулился покатыми плечами:

– Вещи собрать позволите?

– Зачем это? А-а! – Шагин махнул рукой и расплылся в самой простецкой из своих улыбок. – Вещи пускай остаются по шкафам, а вот если чаем напоите, то буду благодарен. Разговор у нас любопытный сложится.

В доме у Беккерова тоже ничто не напоминало о национальных корнях. Скорее уж, о спокойном, довоенном русско-советском мещанстве: сервант с фарфоровой посудой и семеркой мраморных слоников, настенный ковер, горшки с геранью на подоконнике. Высокая грудастая супруга взглянула на гостя недовольно, но принесла без напоминаний чайник, колотый сахар и вазочку с сушками. Неплохо живет сапожник Беккеров, по нынешним-то временам.

– Так о чем вы хотели беседовать? Я товарищу вашему уже рассказывал. Не понимал, правда, к чему эти древние легенды такому ведомству. Но он ничего, внимательно слушал.

– Я тоже послушаю, если не возражаете, – ответил Василий, выбирая из вазы сушку покруглее. Глотнул травяного чая – определенно мята и что-то еще, пахучее, терпкое. – Наше ведомство с некоторых пор интересуется всем подряд, так что поведайте, не стесняйтесь, Андрей Карлович.

Не раз приходилось видеть, как люди меняются, коснувшись любимого дела, но все равно удивился. Через комнату к комоду прошел пузатый сутулый работяга, а за стол вернулся ученый. С вдохновенным выражением лица и в пенсне даже. Водрузил поверх скатерти картонную папку – точь-в-точь такие Шагин себе воображал, сортируя сведения, – вытащил стопку бумаг, исписанных крупным почерком.

– Вот, извольте-ка, тут оно все и есть. Записки некоего Иоганна Шпомера, фольклориста и путешественника, датированные серединой восемнадцатого века. Эпохой императрицы Елизаветы Петровны... простите уж за упоминание монаршей особы.

– Ничего-ничего, продолжайте. Старайтесь представить, что я не сотрудник, а просто пришел к вам за консультацией.

– Уже стараюсь, – кивнул Беккеров без улыбки. – Что касается Шпомера, то он был германцем чистокровным, писал, соответственно, по-своему, но я его перевел. Очень любопытная легенда, связанная с одной конкретной местностью.

– С Дунькиной тванью?

– Не только. Каждые триста лет, плюс-минус, в тех местах случалось нечто... Давайте-ка расскажу предметнее, если вы не против. Как писал сам Шпомер в тогдашнем витиеватом стиле: поведаю вам, потомки мои, сию таинственную историю «ab ovo usque ad mala», то есть «от яйца до яблок». Это римское выражение, означает...

– Я понял, не дурак, – поспешил перебить Василий. – Люблю послушать на досуге таинственные легенды, но с досугом сейчас туговато. Давайте ближе к вопросу.

– Что ж, буду краток. Век четырнадцатый, первая половина. Русские князья на Брянщине враждовали друг с другом, нередко просили помощи у ордынцев, что приводило к большой резне. В ту самую пору здесь обитал некий Антип, крестьянин, изгнанный сельчанами на высылку за строптивый характер и за то, что жена его считалась ведьмой. Так или нет, но овдовел он рано. Продолжил жить бирюком и воспитывать дочь Евдокею, то есть Дуню. Чувствуете, откуда ветер?

– Подозреваю, – кивнул Шагин терпеливо. – Она и была той самой красавицей, женой Ужиного царя?

– Увы, в изложении Шпомера все гораздо печальней. Ордынцы не любили глухих лесов, но в ходе очередной усобицы зашли далеко и наткнулись на жилище Антипа. Дочь его от рождения была слепа, зато переняла колдовские умения от матери и слыла в окрестностях ясновидящей. Похоже, на вопросы басурман ответила не так, как им бы хотелось, потому была подвергнута разнузданному насилию и обезглавлена. Сами ордынцы столкнулись с людьми кого-то из усобников и тоже погибли, кровь напитала землю, а Дуня перед смертью прокляла врагов, и потусторонние силы явились отомстить за нее. Болото породило Морового Змея. В немецкой грамматике все существительные пишутся с прописной, но тут определенно имя собственное. Какое-то мифическое создание, наложившее свой образ на сказки про Ужиного царя, а может, ставшее их источником.

– Вундерваффе?

– Скорее, владыка стихий, никому не подвластный. По легенде, сей «монстр магнус» направился в закатную сторону, неся Европе войны, голод и величайшую эпидемию чумы. Ту самую, что называли потом Черной смертью, это вы знаете без меня.

– Ну... кхм!

– История на сем не закончилась, – продолжил Беккеров, будто и не заметил шагинской заминки. – В конце шестнадцатого столетия злодейски казнили некоего «агнца», о котором мало что известно, потому как был он чьим-то холопом, а вдобавок – блаженным. Почитался местными крестьянами за святого, но оказался в центре очередного бунта и разделил печальную участь его организаторов, коих было тринадцать, ни больше ни меньше.

– Чертова дюжина, – констатировал Шагин понимающе. Устал уже от всей этой антикварщины, никак не влияющей на сегодняшнюю работу. – В тот раз опять родился Змей?

– Прямого указания на это нет, но дальнейшие исторические события подталкивают к такому выводу. Голод и Смута на Руси, очередная вспышка чумы в Европе, непрерывные войны, бунты, казни. Змей собрал богатый урожай до того, как заснуть еще на триста лет.

– Так вот вы о чем, Андрей Карлович. Сейчас, стало быть, по новой видите этого вашего... монструса? Он и Гитлера породил, и города наши бомбит? Не фашисты – монструс?!

– Вам смешно, понимаю, – кивнул сапожник. Отхлебнул из чашки, сильнее запахло мятой. – Я всего лишь собиратель фольклора, но устойчивость легенды наводит на размышления, согласитесь. Всегда три столетия и всегда присутствует невинный «агнец», чья кровь завершает жертвоприношение и пробуждает к жизни чудовище. Без всяких там алтарей и жрецов, просто так. Возможно, само это место таит в себе Зло, как думаете? Тоже с заглавной буквы?

* * *

Обратно ехать не хотелось. Без разумных и видимых причин. Василий, как правило, интуиции доверял, но сегодня лишь хмыкнул в собственный адрес: шалишь, разленился совсем! Нервишки сдают, мерещится всякое. Может, Дятлову рассказать? Товарищ подполковник однозначно проникнется и посочувствует!

Мысли о руководстве, как всегда, взбодрили. И не только о нем. В деревню Шагин вернулся посветлу, натаскал из колодца в баню воды, помылся холодной, зато на несколько раз. Оделся в чистое, как перед боем – или перед любовным свиданием. К старому дубу подошел уже в сумерках, понаблюдал за домом: дверь не подперта, из трубы курится дымок, чужих не видно. Прокрался во двор, крыльцо под ногами не скрипнуло, сени встретили запахом старого дерева и волглых половиков. Полумраком двери, распахнутой из хаты. Поднял руку, чтобы постучаться, но не успел – чужие ладони легли на плечи, перед глазами оказались чужие глаза, прохладно-дерзкие.

– Явился, капитань, – шепнула Ганна, потянула за собой, в темноту, к широкой застеленной лежанке. – Пришел, каханы, доля моя начертанная!

Платье съехало с плеч, скользнуло на пол змеиной шкуркой, под ним ничего уже не было, кроме тела. Белого, жаркого, пахнущего травами. Бездонная тряпина, в которой так сладко тонуть...

* * *

...Бездонная тряпина булькает пузырями, в ней что-то движется, ближе и ближе. Непостижимо древнее, громадное. Частица самих болот, пробудившаяся от векового сна.

– Не смотри туда. – Голос Ганны звучит печально, платье до самого подола усеяно бурьми пятнами. – На меня погляди, да ко мне прижмись, пока еще можем. В недобрый час ты пришел, каханы, теперь повенчает нас мертвая луна перед взором его...

* * *

Проснулся рывком. Будто тогда, на сеновале. Как вообще мог заснуть между жаркими изошренными ласками, сколько лежал вот так, обнимая девичье тело? Еще и храпел, небось! Чуть стыдно, слегка неудобно... и очень хорошо – даже сквозь липкий дымок наползающей тревоги.

– Кто-то кричал, по-моему?

– То у старосты, – ответила Ганна безмятежно. – Я про вашего лейтенанта сказать обещалась, так нет его больше. Гриня Козликин в лесу спалил. Все жалеет меня, бережет, да только постыла мне его жалость, капитань. От доли начертанной не уйти. За старой просекой он ховаётся, где дом егеря.

– Откуда знаешь?!

Она не ответила, глаза в лунном свете блестели холодными озерами. С улицы снова донесся истошный женский крик, Шагин выругался тихо, принялся одеваться. Выбежал из дому, ощущая, что безнадежно опаздывает.

Затолокина увидел издали, в окружении воющих баб и малочисленных деревенских стариков. Узнал не сразу. Обезглавленное, по пояс нагое тело раскинуло руки на черной от крови земле двора, живот сверху донизу вспорот, клубки кишок перемешались с пучками травы. Шагин к трупу бросаться не стал, постоял в сторонке, прикуривая. Дождался, пока подошел какой-то дед, привлеченный дымком.

– Кто его так?

– Дык известно кто! Гриня со своими! – Папиросу дедок ухватил поспешно, точно боялся, что отберут, но от предложенного огонька не отказался. – Баят, давно грозились Николаю Борисычу, а тут вон оно! На глазах у жены, у малых, чтоб другие боялись, значитца! Изверги!

К голосащей расхристанной вдове Василий не подошел. Склонился над трупом, осветил карманным фонариком ровный срез шеи с торчащими позвонками. Топором рубили, определенно, уже мертвого. Не дергался. Голова пристроена между ног, лицом вниз, пришлось ее без церемоний перевернуть. Толпа загудела и тут же затихла. Шагин взгляделся в стеклянные глаза председателя-старосты, сунул пальцы в раззявленный рот, вытащил туго вбитый пучок травы. Понюхал. Глянул задумчиво на подбежавшего старшину Дыбайло:

– Чабрец, похоже. Что за фокусы такие?

– Оберег от нечисти, мне бабушка рассказывала!

– Мне моя – тоже. Она цыганка была, соображала. В старину вот так хоронили, чтобы мертвец назад не вернулся. – Осветил подошвы затолокинских сапог, кивнул сам себе. Все складно! – Пошли-ка, старшина. Покойник уже никуда не денется, пора нам живыми заняться...

* * *

Гнедыш ночных поездок не любил – храпел и фыркал, пока Ковтун затягивал подпругу седла.

– Может, мне с тобой поехать, капитан? Куда ты один-то?!

– Как-нибудь, Семен Иваныч. Если через сутки не вернусь, езжай в райцентр да сообщи в милицию. Только я ведь вернусь!

Выехал с места в карьер. Скакал в лунном свете, словно призрак из былых и страшных времен, где нужно, свернул, а там и вовсе спешил. Конский топот в ночном лесу разносится далеко, не хватало еще, чтобы «сняли» из винтовки, без всяких разговоров. Привязывать Гнедыша не стал – пусть вернется домой при самом плохом раскладе. Одернул дедовский ватник поверх гимнастерки, постоял, прислушиваясь. Если Дыбайло не сглупит, то времени хватит как раз. Глянул на стрелки «кировских» часов, зашагал по тропе тяжело и шумно. Старая просека заросла ежевикой, но Василий решил не продираться через колючки, отыскал тропу. Вышел на поляну к вросшей в землю егерской заимке, ощутил обостренным нюхом буйство запахов: деготь, пот, табак, оружейное масло, дым. Все, что витает вокруг мужчин, живущих подолгу в лесу, без бани и свежего белья. Остановился, чувствуя взгляды со всех сторон – через прищелы.

– Явился, значит, военный?! Не хватило тебе тогда?!

Знакомый наглый голос, крупная тень в серебряных отсветах. Сапоги, галифе, пиджак поверх рубахи, польская «конфедератка», немецкий «шмайссер». Форсистый парень этот Козликин. Прочие четверо тоже показались, но из тени не выходили, приглядывались.

– Язык проглотил?!

– Соображаю, с чего бы начать, – отозвался Шагин, сунул руку за пазуху. – Споко-ойно, парни, я ж за папироской. Председателя зачем убили?

– А на кой нам тут упыри, военный? Как связался с Ганкой, так и сделался конченным, хоть упреждали мы его. И чекиста вашего упреждали, и до него еще. Ни один не внял! А с упырями разговор короткий – или кол, или пламя, или башку отсечь!

– Удивляюсь я вам, – сказал Василий доброжелательно, прикусывая картонный мундштук. – Будто древние деды, в самом деле. Не знаете сами, чего бы еще пугнуться! Девчонка без того от фашистов пострадала, а вы из нее какую-то ведьму лепите всей деревней. Вурдалаков приплели, убиваете вообще без повода.

– Не твоего ума дело, военный! Спасаем по-своему и караем, а ежели ты...

Сбоку треснула ветка, автомат на плече Козликина качнулся в сторону фигуры, явившейся из кустов.

– Всем стоять, руки вверх, милиция! Бросай оружие!

Шагин на это лишь вздохнул – до того как кинуться наземь и дернуть ГТ из-за пазухи. Пальнул не глядя, перекатился за дерево, начал садить прицельно, сквозь трескотню очередей и шелканье милицейского нагана. Двое бандитов-полицаяев рухнули сразу же, Козликин метнулся в сторону, пропал из виду. Василий дергаться следом не стал – самоубийство получится при таком освещении. Застонал, захрипел погромче, дождался, пока из тени появится очередная фигура на полусогнутых напряженных ногах. По ногам и пальнул. Бандит завалился с воплем, а главная боль накатила чуть позже, заставила в голос орать. Четвертый пополз к нему по-пластунски, забавно отключивая зад, – туда ему и пуля прилетела. Две последних пришлось по головам, без промаха. Не до арестов сейчас, при таком-то раскладе. Шагин вставил новый магазин, приложил ладони рупором ко рту:

– Гриня-я, ты где?! Не бузи, я ж так, погутарить! Без крови пока!

Из темноты ответил «шмайссер», длинной бешеной очередью, на голову Василию посыпалась кора. Сдают нервишки у Козликина, сдают! Это не впятером на одного форсить!

– Не бузи, говорю тебе! Сдавайся по-хорошему!

Снова яростные вспышки пламени, снова чмокание пуль по дереву. Два ответных выстрела потерялись в автоматном грохоте, но сумели его оборвать. В наступившей вдруг ватной тишине Шагин переполз до ближайших кустов, лишь тогда поднялся на ноги. Подошел осторожно к лежащему Козликину – две дырки в груди, уже не встанет, – проверил прочих, спрятал оружие, наконец. Тронул пробитый лоб милиционера, закрыл покойному веки.

– Эх, Ваня-Ваня. Говорил же, не лезь на дурину!

Ответом стал девичий смех, хрустально-чистый и сладкий, но у Василия вдруг заледенела спина. Оглянулся резко, увидел тонкую светлую фигурку в тени деревьев.

– Лихой капитань, лихо-ой! Юшку соленую знатно льешь! Шестеро тут, да семеро допреж, вот и сладилось все, каханы, вот и жизни быть. Яичко набухло, скоро треснет.

– Ты как это здесь?.. – спросил Шагин хрипло. Вдруг почудилась вонь застарелой мертвечины и еще чего-то – забытого, страшного. Из глубин детской памяти, занесенной илом. – Зачем пришла, опасно же?!

Снова смех, а тонкая фигурка вдруг очутилась рядом, будто морок: прохладные глаза, высокие скулы, светлая кожа... белее мертвого рыбьего брюха.

– Мне после Дунькиной твани бояться нечего, –дохнула Ганна в лицо болотной тиной. – Гриня, дурак, все душу мою спасал, только нет ее больше, души. Вся там осталась. Пошли-ка.

Вопросы застряли в горле, так и шагал молчком до края поляны, до бурелома. Трупный запах тут сделался вовсе тяжелым – как это Козликин с бандой его не чуяли?! Тоже мороку поддались?

– Вот тут оно все и есть, – сказала Ганна, отвалила с недевической силой пару стволов, под ними открылась яма, наполненная бледно-серым. Даже при лунном свете видно: голые слипшиеся тела, раззявленные рты, мельтешение червей в глазницах.

– Это... кто это?

– Всякие разные. Воздыхатели, полюбовнички. Кто ко мне тянулся, кто на твань, а собрались все тут, костями и плотью. Я ж от фрицев поганых дите понесла, да решила, что ни к чему. Скинула бремя. Сюда он и лег, ублюбочек мой, первую силу дал Моровому Змею.

Под белесой разлезшейся мертвечиной что-то дернулось, вдруг, начало вздymаться горбом... боковиной громадного яйца. Словно во сне, когда не убежать и пальцем не шевельнуть.

– Гришка же свой тебе был. Жених.

– Забавный ты, капитань. – Она приблизила к Василию лицо, обтянутый кожей череп, улыбнулась мертво и широко. – Кто *оттуда* вернулся, тому здесь своих уж нет. Тебя, капитань, не хватало. Ведьминой крови, живой да горячей!

Острый ноготь чиркнул Шагина под челюстью, будто приласкал, горячая струя хлестнула вниз, оросила трупы и яйцо. Ни боли, ни страха – даже руки не поднять.

– Он рождается, каханы. Великие беды несет он людишкам, да и ладно. Пусть загинут! Пусть пожрут их чума и война, пусть горят города их и плавятся, как воск! Мы с тобой его породили, отныне и править нам!

Нарастающий звон в ушах, звон монеток в бабкином монисте, слова сплетаются и вязнут, не разобрать. Не умереть. Не упасть даже. Глядеть распахнутыми глазами, как трескается скорлупа, а наружу сочится буро-зеленое, мерзкое.

Вылупляется новая жизнь, неотличимая от смерти.

Яна Демидович Сказки старой шишиги

...Голую девку, подвешенную за связанные руки, Шишига заметила не сразу. Внимание приковала песочница, где, поднимая волны уже не песка, а пепла, резвилось трио перерожденных лиходеек: бескровные упыриные тела, едва прикрытые лоскутьями когда-то брендовых шмоток; длинные кадыкастые шеи, на которых трепещут узкие черногубые рты... И широченные рты – нет, пасти! – на лицах, что обратились в морды, полные трехрядных, острых, как шила, зубов.

Сейчас эти зубы темнели, покрытые кровью, точно старое железо ржавчиной. Почти как милый мухоморный грибок, под которым не так давно играли дети. Те самые, что прыгали по шинам, украшавшим детскую площадку, съезжали с невысокой горки, лупили друг дружку лопатками и обильно прудили в памперсы, пока их мамы залипали в гаджетах.

Та ребятня давно исчезла. Пропали модные мамочки. Благовоспитанные собаки, которые каждый вечер носились в соседних скверах, и курьеры, что споро несли свои квадратные, похожие на кус кирпичной кладки сумки.

Сдохли радио, телевидение и, напоследок, Интернет.

А вместо этого...

Шишига мотнула головой, словно кошка, стряхивающая паутину. Прищурилась, разглядывая лиходеек из-за прикрытия – автомобильного остова.

И скрипнула зубами, наконец рассмотрев все.

Она подоспела к ужину, и от мысли от этом содрогнулся желудок – глупое нутро, в которое часа четыре назад плюхнулась поджаренная с корочкой крыса. Судя по всему, троица пировала над убитым мужиком: точно грозди сосисок, тянула из его брюха сероватые кишки, делила хрустящие закуски-пальцы и тонкие, как коржи в слоях наполеона, шматки окровавленной кожи. Глотала, урчала и наслаждалась, кормя все свои ужасные рты.

– Три девицы под окном... – тихонько пропела Шишига, – ели парня вечерком...

Глаза ее чуть расширились, когда заметили пленную – ладненькую, но бледную фигурку, что удушенником качалась под веткой вяза.

Дело рук лиходеек? Или кто другой постарался?

А хоть бы и другой – девке все равно не жить. Пускай пока дышит – скоро станет просто мясом.

Словно услышав эту мысль, мерзавки захохотали, издавая тошнотворные клокочущие звуки клыкастыми шейными ртами.

– Сучки... – процедила Шишига, приняв решение.

Сплюнула через левое плечо, сложила фигу в дырявом кармане. И, крякнув, привычно вскинула верное ружье.

Первая пуля продырявила череп лиходейке, что грызла уши у оторванной головы. Вторая – на сантиметр разминулась с сердцем той, что вскинулась на взвизг сестры, зато третья – третья угодила точно в цель, развеяв Чернобогову тварь прахом по ветру.

Ледяную тишину разорвал двойной вопль: лиходейки, оставшиеся в живых, мстительно кинулись вперед, разглядев Шишигу. Прищур, выстрел, прямое попадание – одна из врагинь пала, но последняя, самая хитрая, отскочила, чтобы напасть вновь.

– А вот тебе соль, красавица. Прости, что без хлеба, – ухмыльнулась Шишига, бросая навстречу ей белую щепотку из кармана.

Ветер, дувший в спину, облегчил задачу: взмах костлявой Шишигиной руки – и мелкие кристаллики вонзились в оскаленную рожу, что мигом пошла пузырями. Тварь заголосила,

зацарапала когтями морду, пытаясь спасти от поражения глаза – тщетно. Шансов у нее не было, и мгновение спустя пуля нашла и так мертвое сердце.

«Теперь за дело!» – приказала себе Шишига.

Розовые пластиковые часики, что красовались на ее запястье, давно не тикали, но ходу времени это не мешало. Шуму она и так наделала достаточно. Очень скоро на горизонте могли появиться другие подобные твари.

Если не кто пострашней.

Присев, Шишига скинула потрепанный, в бурых пятнах рюкзак и достала из него пакет с пакетами. Вытянула один, похожий на дохлую медузу, и насыпала в него граммов сто праха, что остался от последней лиходейки. И, кто знает, быть может, в этот раз...

Она встряхнулась. У нее еще оставалось дело. Не время думать о главной цели.

Шишига встала и быстро зашагала к детской площадке. На мертвяка она не смотрела: взгляд шарил по девке, что так и висела на крепкой ветке, не приходя в сознание.

Никаких знаков на лебяжьем теле пленницы не было. Шишига дважды обошла ее кругом, чтоб убедиться в этом, чуть ли не обнюхала. Потрогала железным ключом, бросила на кожу чуток соляных крупинок – нет ли реакции?

Затем, довольно кивнув, полезла отвязывать.

Пара минут, и тело сломанной куклой рухнуло на землю, чтобы впервые издать звук – мучительный короткий стон, долетевший из еще не отступившего кошмара.

– Просыпайся. Очнись. Слышь, ты, спящая царевна? Целоваться нам некогда.

Девкины ресницы не затрепетали, глаза не открылись. Только живчик на шее заколотился чуточку сильнее.

Шишига закусила губу. Одевать девку было не во что, да и некогда. Поэтому, поразмыслив, она сняла с шеи одно из трех чесночных ожерелий, чтобы дать болезной хоть какую-то защиту. Нагнулась, поднатужилась, поднимая дополнительный вес на закорки...

И потащила свою найденку в Логово.

* * *

Туман, заполнявший гудящую голову, отступал медленно, с боем. И столь же медленно пробуждалось тело: сперва она ощутила подмерзшие пальцы рук, затем – ног. Щеку, что прижималась к плохо просохшей, отдававшей плесенью подушке, и немилосердно стянутую чем-то грудь.

В какой-то миг нос ощутил запахи пота, чеснока, а еще – отчетливый душок мочи, так похожий на тот, что царит в подъездах, где обитают кошки. Затекаящая нога дрогнула, породив неожиданный металлический звук, и глаза наконец открылись.

Света было немного. Сумрак скрадывал очертания предметов, запутывал и пугал. Первым, что она кое-как разглядела, был тазик в полуметре от нее. Обыкновенный пластиковый тазик, на бортике которого висела грязная тряпка. Возле него аккуратным рядом стояли баночки с детским питанием, а дальше...

Она пискнула, заметив неподалеку чьи-то ноги в черных измочаленных кроссовках. А потом резко села – и чуть не задохнулась, увидев цепь, что тянулась от кожаного ободка, обвившего ее правую ногу. Вокруг, на полу, щедро украшенном трещинами, поблескивала мелкая соль.

– На золотом крыльце сидели... – хриловато пропел некто, стоявший к ней спиной.

Сердце подскочило, чтобы застрять и заколотиться в самом горле.

– Царь, царевич...

Кричать не было сил. Казалось, страх заморозил все звуки, что рвались у нее изнутри. Грудь вздымалась все сильнее, грозя порвать тесную, не по размеру, маечку.

– Король, королевич...

Темная фигура медленно плыла в полумраке, трогая длиннопальными руками облезлые обои, на которых желтели распечатки с крупными заголовками: о зеленых огнях, пролетевших над рекой, о метростроевцах, что все глубже, алчнее вгрызались в землю, о новом торговом центре, что зря построили на древнем кладбище.

– Сапожник, портной...

Некто шел в сумраке, мимоходом цепляя когтями листья мертвых фикусов, которые оккупировали скелеты стеллажей. Тревожил пламя, танцевавшее в пустых жестянках из-под тушенки.

– А ты кто такой? – каркнули совсем близко, и она шарахнулась назад, к стенке, увидев нависшую над ней тень.

Тень, что присела на корточки на границе соляного круга, по-птичьи завертела лохматой седой головой, разглядывая ее то одним, то другим прищуренным глазом. Тень, что походила на бомжеватую тетку, одетую не пойми как, украшенную ржавыми браслетами и чесноком, но разве у бродяги бывает столь хищный, цепкий, оценивающий взгляд?

А еще – винтовка, что виднеется над плечом.

– Ну? – цокнула языком тетка.

– Я... не помню... – жалко выдавила она.

Теткин рот разочарованно приоткрылся, показав два недостающих зуба.

– Лады, – бросила тетка, поднявшись. Потерла лицо, скуляще зевнула, точно старый усталый пес. Поправила оружие за спиной...

Снова посмотрела на пленницу.

– Значит, будешь Найденкой, – объявила тетка, внезапно подмигнув.

И захохотала неведомо почему.

* * *

...Казалось, прошло тридцать лет и три года. Прямо как в настоящей сказке. Уйма времени, заполненного непрерывным выживанием, экспериментами и грубоватой заботой о по-прежнему безымянной девке.

Шишига уже не помнила, сколько дней и ночей она держала ее на цепи, пока та не пришла в сознание. Обтирала мокрой тряпкой, кормила мясной пюрешкой, которую так кстати отыскала при очередной вылазке. Колола, как и себе, витаминную смесь в тонюсенькие вены. Ждала, не пробудится ли Нечто.

Но железо и соль хорошо делали свое дело. Девка явно была чиста, нетронута тварями. А значит, годилась, чтобы водиться с ней и впредь.

Конечно, сперва Найденка дичилась. Тряслась, точно крыска, загнанная в угол, скалила белые, не чета ее гнилушкам, зубы. Но потихоньку, понемножку начала доверять. Понимать, что Шишига вовсе не желает ей зла. А уж когда она вывела ее в коридор и подвела к окну заброшки...

Шишига мрачно усмехнулась, вспомнив, как Найденка мигом спала с лица. Еще бы. И это – их Город?

Да. Теперь от него мало что осталось.

Желто-зеленая, гнойного цвета мгла на веки вечные скрыла небо. Свечки гордых небо-скребов оплыли, одевшись в ядовитую зелень неведомых растений; отрастили курьи ножки, от которых ночами тряслась и так измученная земля. Мир, в котором когда-то царствовали люди, стал непоправимо грязным. Грозным, как древняя страшная сказка, еще не адаптированная для детей.

Теперь им владели другие. И тот, кто привел этих других.

Куда делись армия, все слуги закона? Кто-то явно погиб, кто-то сломался и переродился. Где прячутся остатки нормальных, не перерожденных людей? И что же творится вне зоны ее обитания? Шишига не знала. Лишь однажды, потратив полдня, она вышла к границам своего района и попятилась, увидев впереди клубящийся туман, похожий на бесконечную грязную вату. Судя по виду, который позднее открылся ей с крыши, такой туман танцевал на границах района со всех сторон.

Пройти сквозь него Шишига не осмелилась.

Что ж. Похоже, теперь она отрезана от мира.

Снова глядя в окно, Шишига закусила обветренную губу. Воспоминания вновь поднялись из темных глубин памяти, возрождая День Тенет, когда с неба опустилась первая черная паутинка. А за ней еще одна. И еще...

Это потом асфальт раскололся, выпуская в стерильный, оцифрованный мир чуждую и голодную хтонь, а Тенета начали сплетаться, виться и наступать.

Позднее они настигли и ее, Шишигу. И до чего сладко, до чего приятно шептал в голове новый, сказочный бог! Обещал силу и веселье, мед-пиво по устами и пляски на костях врагов! Он обещал золото-серебро, пир на весь мир, все и навсегда, и, конечно, были те, кто прогнулся под него сразу. Кто-то – очумевший от страха, кто-то – всю жизнь алчущий вседозволенности.

А кое-кто отказался.

И тогда веселый и злой бог стал наказывать.

Шишига прикрыла глаза. По губе, прикушенной сильнее прежнего, потекла кровь, а мозолистые руки задрожали.

Она помнила, как кричала. Помнила, как плакала. И клятву... о, свою клятву она тоже помнила крепко.

– Ничего, Чернобог... – прошептала Шишига, открыв глаза в Логове. Поправила охран- ный веник полыни, лежавший на замусоренном подоконнике. Пронзила ненавидящим взгля- дом желтушную мглу – предвестницу ночи. – Еще повоюем!

Спасибо тятке-охотнику, мир его костям, за то, что научил обращаться с оружием еще в зеленом отрочестве. Спасибо и мамке-лекарке, земля ей пухом, за то, что когда-то спасала людей в больницах, – благодаря ей теперь умеет ставить уколы. Спасибо всем бабкам-дедкам, давно ушедшим во тьму, – тем, кто привил ей любовь к чтению сказок и легенд, из которых она почерпнула знания о защите от нечисти.

Благодаря им она выживет. Они с Найденкой выживут.

И отыщут мертвую и живую воду, чтобы...

* * *

Память о прошлом упрямо отказывалась возвращаться, а слабость из тела – уходить. Странное прозвище покалывало подсознание, однако дальше, до полного понимания, это пока- лывание не шло: совсем как его носительница, что теперь обитала в заброшенном здании.

Стоя в дверном проеме, Найденка пугливо присматривалась к темноватому грязному коридору второго этажа. В голове, где по-прежнему не было абсолютной ясности, эхом отдава- лись насмешливые слова: «Налево без меня пойдешь – голяшку потеряешь, направо – сиську, а прямо – голову...»

Шишига, которая в очередной раз отправилась на вылазку, любила сыпать переделан- ными цитатами из русских народных сказок. Порой замирала посреди разговора и начинала бормотать что-то о тридцати трех богатырях и богатыршах, о том, что найдет средство и ото- мстит, после чего, встрепенувшись, мрачнела и засыпала Найденку уже привычными вопро- сами: не вспомнила ли, как выживала после Дня Тенет, с кем была, кем была, кто привязал ее к злосчастному дереву? И кого она потеряла?..

В ответ на это Найденка лишь морщилась и вздыхала. Иногда она думала, что это, наоборот, хорошо – не помнить. Мало ли каких ужасов натерпелась в прошлом.

А иногда – до чертиков хотела вспомнить.

Катастрофа, что обрушилась на мир, каждый день давила своей непомерной тяжестью. Шишига не знала, с чего все началось и чем закончится, гипотез было много – вон они, висят на стенах: вырезки, странички, распечатки самых первых дней, когда еще работала Сеть... А вот и заметки с вариантами самой тетки, нацарапанные острым убористым почерком.

Найденку страшил этот новый дивный мир. Наверное, она всегда была трусихой, иначе бы упростила хоть разок взять ее наружу. А так – сиднем сидела в комнатенке, где и очнулась первый раз, пусть теперь и без цепи. Плавала в собственных туманных мыслях, ела все, что давала старшая подруга, и покорно сносила болезненные уколы витаминов, призванные подпитать ее и помочь выживанию.

Где бы она была, если б не Шишига? При одной мысли об этом Найденку била крупная дрожь. Конечно, ей рассказали, как ее нашли. Но что было до – нет, не вспомнить, хоть вой.

Впрочем, это убежище тоже таило в себе опасности. Сколько ни украшай его берегами от нечистой силы, она все равно тихонько наступает, оставляя чудные грибы на внешней стороне кирпичных стен, светящуюся плесень и черные язвы на полуразрушенных лестницах.

Шишига ворчала. Шишига все бормотала странное про какую-то воду и про то, что скоро им придется отсюда бежать. Да только куда?

А однажды вечером Найденка услышала мужской крик.

Он донесся откуда-то снизу, звенящий такой нестерпимой болью, что она, казалось, отдавалась в ней самой. Затрепетала в каждой частице тела и схлынула, когда несколько минут спустя в коридоре послышались знакомые шаги.

Открыв дверь, Шишига буркнула приветствие и, как обычно, деловито пошла в свой угол.

– Что это было?! – выпалила Найденка, глядя на нее во все глаза.

– Ась? Ты про что?

– Крик же...

– Крик? Ах, это... – Шишига почесала спутанную копну сизых, как соль с перцем, волос, и буднично ответила: – Да Кошей плененный.

– К-кошей?..

– Угу. – Шишига неприятно усмехнулась углом рта. – Кошеюшка наш... Ниже пула два яйца, в каждом – игла. Так что в подвал ни ногой. Усекла, девчулька?

Побледневшая Найденка запоздало кивнула.

– Вот и славница. А теперь давай ручку. Давай-давай, не жмись. Позолотить не могу, зато витаминками порадую... А потом и себя.

Краткая боль – и по венам медленно растеклось тепло. Страх незаметно исчез, обратившись в ленивую сонливость. И Найденка ускользнула в хмарь очередного сна без сновидений.

* * *

...В то утро Шишигу разбудил холод: лютый крещенский мороз, что вдруг заполнил прежде душноватое, согретое дыханием двух людей пространство.

Дрогнув, она распахнула глаза в полутьме – и тут же ощутила кровавой запах.

«Нет...» – выдохнула в мыслях иная, прежняя Шишига.

«Не может быть!» – в панике вскричала она, когда руки, лихорадочно ощупав матрас, не нашли рядом ни пуль, ни ружья.

А там, в уголке, облюбованном ее Найденкой, уже смеялось, ворочалось Нечто. То, от чего больше не спасут ни железо, ни соль, ни полынь. Ни бегущая вода, ни серебро, ни кресты, что когда-то блестели на шпилях городских церквей и храмов.

Нечто извивалось, опрокидывая свечи, рисуя и размазывая по истоптанному паркету кровавые пентаграммы. Моргало тысячами гноящихся глаз, клацало зубами тысяч голодных ртов, и сладчайше манило, завлекало, звало ее по имени-отчеству тридцатью тремя звонкими головами тех, кто...

– Сволочь! – взревела Шишига, сморгнув кипяток слез. – Сдохни!..

И, обезумев от горя, схватив первое, что попало под руку, самоубийственно бросилась вперед.

Тьма приняла ее в свои объятия...

А потом тонко, очень по-женски, завизжала.

Шишига не обратила на это внимания. Заноса руку, которой стискивала тонкий и острый предмет, она била по темным щупальцам, так похожим на клятые бесконечные Тенета, и визжала в ответ, пока ее не отбросили в сторону.

– Пожалуйста, не бейте меня! – прокричал кто-то знакомый.

И пелена, что мутила глаза, резко спала.

Шишига моргнула, увидев перед собой исцарапанную и белую от ужаса Найденку. Затем очень медленно, страшась, перевела взгляд на свою руку, в которой был зажат запачканный кровью металлический циркуль.

Секунда – и он стукнулся об пол.

Шишига сглотнула горькую слюну. Попыталась было улыбнуться – не вышло.

– Дура старая... – наконец выдавила она. – Вот же дрянь какая, приглязилось...

Девка всхлипнула, съежилась в комочек. А потом и зарыдала в голос.

«Вот же ж ешкин кот», – со стыдом подумала Шишига.

– Девчулька... Девонька... Ты прости меня, а? Простишь? Давай я ранки тебе обрабатую...

Но Найденка увернулась от ее протянутой руки и завывала сильнее.

– Все, все. Не трогаю тебя, ладушки... – вздохнула Шишига.

Поднялась, еще чувствуя внутри легкую дрожь, рассеянно оглядела кабинет, а после приняла решение.

Надо проветриться.

Взяв рюкзак и заряженное, никуда не пропавшее ружье, Шишига помедлила, опять взглянув на свою подопечную.

– Скоро приду. Где вода и аптечка, знаешь, – бросила она перед уходом.

Девка не ответила.

«Ладушки-оладушки... – еще больше помрачнела Шишига. – Ничего. Надо какой-нибудь гостинец принести. Мигом повеселеет».

Стараясь больше не думать о кошмаре, она привычно обошла здание, кое-где обновив обереги и посчитав их остатки. Затем пронеслась по лестнице, ловко миновав опасные места, и вскоре оказалась снаружи. День только начинался, но медлить не стоило. Дел у нее по горло.

«Вперед!» – приказала себе Шишига и тихонько двинулась по искореженной дороге.

Было тихо. Так тихо, что даже собственный пульс мнился слишком громким. Шишига кралась по улицам, пряталась при малейшем подозрении на опасность и упрямо продвигалась к цели. Проходила мимо разрушенных домов и церквей, в которые когда-то в тщетных поисках спасения ломались очумевшие от ужаса люди. Иногда приседала и наклонялась, разглядев на земле или в разбитой витрине то, что могло пригодиться в новом быту: потерянный кем-то молоток, обрывок проволоки, кольцо почти использованного скотча... ржавую железную банку, пучок пахучей полыни, растущей на обочине...

Но вот на горизонте вырос их ТРК – торгово-развлекательный центр, единственный крупный на весь район. Свой прежний лоск он потерял давно и сейчас выглядел, как после бом-

бежки. Однако Шишига, приходившая сюда не впервые, знала, что и в разрушенном, разграбленном храме потребления еще можно отыскать полезное.

Да, приходилось рисковать. А куда деваться?

И крысы уже надоели до тошноты...

Вскоре под ногами хрустнуло стекло. Шишига проникла в ТРК и на несколько минут, приглядываясь, прижалась к стеночке. Мерзкий свет, что проходил сквозь окна и пробоины в стенах с потолком, был не в силах побороть всю тьму, что теперь обитала здесь без электричества. Пришлось включить тусклый фонарик.

«Потихоньку... Полегоньку... – успокаивала себя Шишига. – Тише едешь – дальше будешь...»

Сквозняк, скользнувший по волосам, принес запах тухлятины. Остатки еды, что оставались в продуктовом гипермаркете, давно испортились, когда сдохли холодильники, да и людские трупы, настигнутые смертью на шопинге, добавляли свое амбре.

Впрочем, кое-что из пищи долгого хранения отыскать здесь было еще возможно: банки тушенки, лапшу быстрого приготовления и, главное, бутилированную воду, которая теперь стала на вес золота.

Но сегодня Шишига хотела найти не только пропитание. Из ее памяти не желала уходить девка – перепуганная худышка в чужих и явно тесных ей обносках. Приодеть бы ее. Да и самой Шишиге новая обувка не помешает...

Сердце колотилось, каждый нерв был натянут до предела. Шишига продвигалась медленно, нога за ногу, пока фонарик не высветил первый отдел со шмотьем. На витрине, застыв в манерных позах, стояли четыре манекена в платьях и когда-то модных мини-кокошниках из славянской коллекции.

Она мысленно потеряла руки и шагнула вперед. Кружок света от фонарика бодрым солнечным зайчиком запрыгал по прилавкам и вешалкам, по изгвазданному полу и кассе, за которой больше не стояли улыбчивые молоденькие продавцы.

Нет ли кого? Полуживого мародера? Перерожденной твари?

«Ни души. Кроме тебя, старуха», – усмехнулась Шишига и смело пошла дальше. Чуйка, не раз спасавшая ее жизнь, спокойно молчала.

Поднять одно, осмотреть другое – минут через пять она цапнула пару подходящих, на ее взгляд, вещей и стала упаковываться. Квакающий смех, что прозвучал у входа, она услышала, когда уже застегнула рюкзак.

Страх скрутил желудок в морской узел. Хрипло вякнув, Шишига вскинула ружье. Она еще успела понять, что на витрине осталось лишь три манекена, когда в нескольких метрах от нее выросла тонкая, почти двумерная фигура, светящаяся собственным болотно-зеленым светом.

Казалось, пальцы примерзли к спусковому крючку, не в силах его нажать. Приоткрыв рот, Шишига смотрела, как пластиковый лик манекена зарастает сплошной сероватой кожей. Как пестрый кокошник облезает, обращаясь в острый костяной нарост той же формы, а зеленоватое платье удлиняется, ползет по сторонам ядовитым выюнком.

Но вот среди серости прорезалась щель жабьей пасти. Открылась, издав новый квакающий звук. Фигура качнулась, мотнулась, сделав нелепое танцующее движение. Воздела руки в широких рукавах, измазанных черной грязью.

«Царевна-лягушка, – вспыхнуло и погасло в Шишигином сознании. – Моя лягушонка... в своей коробчонке едет...»

А потом тварь резко опустила руки, выпуская из рукавов сотню острых, как стрелы, осколков костей.

Вскричав, Шишига бросилась в сторону и упала среди кучи тряпок. Свистящий осколок вонзился в ее щеку, второй – скользнул, не поранив, по предплечью, но мгновение спустя она

уже была на ногах. Ярость победила страх, и ливень пуль, исторгнутых ружьем, жестоко изрешетил танцующую мерзавку...

Чтобы обратиться ласковым весенним дождиком.

Шишига отступила, глядя, как отверстия от пуль затягиваются. Сглотнула, когда невредимая жуткая царевна скользнула к ней. И, не выдержав, побежала, петляя, как заяц.

Костяной вихрь подло ударил ей в спину, пронзая толстое пальтишко и рюкзак. Задел мигом закровившее ухо и срезал седую прядь.

Шишига споткнулась, выкатилась наружу, поднялась, все еще слыша за собой мерзкий смех, и что было сил припустила к выходу.

Ей нельзя было умирать. Не так. И не сегодня!

Она не помнила, как добралась до Логова. Пролетела на адреналине, как на крыльях. Девка встретила ее по-совиному огромными глазами и, ахнув, бросилась помогать.

Раны не загноились, зажили быстро. Совсем как тогда, когда Шишига, еще одинокая, первый раз схлестнулась с нечистью и заполучила царяпину. Видимо, сработал иммунитет.

Да только то, что пули не причинили новой гадине вреда... Вот это напрягало. Шишига все думала об этом, не решаясь на дальнейшие вылазки в ТРК. Трижды в день обходила Логово, проверяя и обновляя обереги, с тревогой осознавая, что они мало-помалу ослабевают и заканчиваются. Продолжала думать о мертвой и живой воде, проводить свои эксперименты и неустанно наказывать Кошея. Ждать и надеяться, пробовать и еще раз пробовать, размышлять, а не пора ли рассказать всю ее историю подопечной...

А потом у девки начал расти живот.

* * *

Никто из них не понял, что произошло, пока не стало поздно. Ни наивная Найденка, ни вроде бы матерая Шишига сперва не могли и подумать, что дикая тошнота может быть предвестником чьего-то появления на свет. Все-таки чем только теперь не питаются.

Но за тошнотой пришла мертвящая усталость, за усталостью – разбухание сосков, частые позывы в туалет, а потом...

Эта выпуклость на животе. Все ярче, очевидней.

И страшней.

Потому что как ни ругала себя, как ни пыталась вспомнить Найденку, а клятая пустота в ее памяти никак не желала заполняться. С кем она была, по своей ли воле?

А еще – может ли ребенок расти в утробе столь быстро? Или и она, и Шишига, измучившись выживать, потеряли ощущение времени? Сколько же дней, месяцев прошло?..

Найденка не знала. Сидела себе в уголке и плакала, особенно когда встревоженная и злая подруга вновь соскакивала со своего матраса и начинала бешено метаться по комнате.

Шишига бормотала. Шишига скрежетала зубами. Пыталась вспомнить: какое сейчас время года, сколько дней прошло с катастрофы и куда, куда, куда же делся блокнот, где она вела отчет, пока не забросила?

Шишига злилась. Задавала вопросы самой себе, словно не замечая Найденку.

Но хуже всего бывало, когда она ее замечала. Тогда Шишига разворачивалась – жутковатым движением облезлой тигрицы – и опять бросалась допрашивать:

– Вспоминай, девка. Вспоминай, так тебя и растак!

Найденка мотала головой. Давно не мытые, сальные патлы хлестали ее по мокрым от слез щекам.

– Ох, горе-горюшко... – стонала Шишига, сжав двумя пальцами переносицу. Пинала все, что попадалось ей под ногу, а затем вновь заводила свое, страшное, свирепея с каждой

секундой: – Я б для батюшки-царя... родила б нетопыря... Под кем валялась, девка? Под кем? Отвечай!

– Не помню!.. – выла Найденка, и тогда Шишига подходила ближе. Садилась рядом на корточки, склоняла голову набок... Вытягивала палец, увенчанный бурым обломанным когтем, и начинала простукивать на ее животе жуткую азбуку Морзе:

– Кто, кто в теремочке живет? Кто, кто в круглобоком живет? А-а-а?

– Хватит! – однажды, не выдержав, шлепнула ее по руке Найденка.

Шишига моргнула. В глазах ее, карих с ястребиной желтизной у зрачка, Найденка увидела свое крохотное, жалкое отражение.

– Значит, не помнишь, – очень спокойно промолвила Шишига.

– Нет!

– Ну, на нет – и суда нет, – ответила Шишига.

И в тот же день, несмотря на отчаянное сопротивление, опять посадила ее на цепь.

* * *

...Обереги стремительно теряли силу, а патроны из разграбленного оружейного – заканчивались. Обходя заброшку, когда-то столь любимое, красивое здание, Шишига чувствовала, как страх и ярость смерчем восстают у нее внутри. Смотрела на черный, как нефть, плющ, который полз по стенам снаружи, плевалась на кривые ухмылки трещин в кирпичах, что становились шире и зубастее с каждым днем, и слышала, как голоса нечисти раздаются все ближе.

А уж эти ее эксперименты...

Шишига кусала бордовые, и так покрытые свежими болячками губы и понимала, что совсем скоро сбрендит. То, что она продержалась в трезвом уме и твердой памяти столь долго, и так было невероятным подвигом. Но чем дальше – тем становилось хуже.

Мир стал сплошной страшной сказкой. И, хоть она и пыталась играть по его сказочным правилам, пыталась изо всех душевных и физических сил, ничего хорошего не выходило. Она не могла ни найти, ни воссоздать мертвую и живую воду, чтобы вернуть Их.

Любимых. Славных. Преданных...

А эта девка? Что теперь делать с ней?

При мысли о Найденке хотелось выть. То, что сейчас росло в ней, могло быть всего лишь невинным дитячком, нагулянным от кого-то из прошлого. Да хоть бы от того парня, которого съели.

Но что, если нет? Что, если тот кошмар не был кошмаром и проклятый Чернобог и правда посетил их душный кабинет?

Что, если он мог сразу, уже сто лет назад, проникнуть в Логово, наплевав на их тогдашние жалкие попытки защититься и самодельные обереги? Что, если он мог добраться до всех и без предательства Кощея?

А потом лишь делал вид, что не мог войти, чтобы просто подольше помучить ее, Шишигу?

Что, если все, абсолютно все с самого начала было напрасно?!

«Родила царица в ночь... – вновь и вновь крутилось в болящей, безвременно поседевшей голове. – Не то сына, не то дочь...»

Девка снова сидела в окружении соли, на цепи, словно собачонка. Снова дико ее боялась.

«Не мышонка, не лягушку...»

Как проверить, что этот ребенок чист? Как понять, что не угроза?

«А неведому зверушку...»

Шишига не знала. Рассудок ее ослабевал, мало-помалу затапливаемый липкой, как смола, паникой. Не помогали даже витамины, которые она продолжала усердно колоть и себе, и девке.

Но вскоре закончились и они.

* * *

Ребенок пинал ее в живот. Нестерпимо давил на желудок и легкие.

Найденка не понимала, за что ей все это. Плакала и плавала в тумане, проклиная Шишигу, которая, несмотря ни на что, продолжала за ней ухаживать. Дни переходили в ночи, ночи – в дни, кошмар следовал за кошмаром.

Что есть прошлое, а что – настоящее? Она не знала. Беспомощная, как невезучая муха в паутине, Найденка валялась на голом полу, все реже и реже приходя в себя.

А потом хмарь в голове стала исчезать.

В какой-то из мучительных дней Найденка проснулась и поняла, что осталась одна. Более того, у нее будто прибавилось силы: тошнота прошла, да и зрение, кажется, начало проясняться...

Она не спеша села, чуть морщась от тяжести в утробе, и, моргая, уставилась на свою руку.

Крохотные следы синяков от укусов исчезли. Свежих следов не было.

Найденка сглотнула. Заново огляделась в помещении, чувствуя, как мало-помалу ускользает пульс.

Трещины в стенах пропали. Да и плесени на обоях не видно.

Как и цепи, что прежде мучила ее лодыжку.

Осознав это, она истерично расхохоталась. Что это, прощальная милость от Шишиги? Какой-то злой розыгрыш?

В конце концов Найденка поднялась, не зная, сколько длилась ее истерика. И, дрожа, цепляясь за стенку, открыла дверь, чтобы выйти в коридор.

Она застыла через пять шагов, увидев, как из окна льется приятный, вовсе не желто-коричневый свет. Ощущая, как сердце стучит в ушах, несмело прошла к разбитому окну. Снова замерла.

Пейзаж изменился. Перестал быть пугающим. Небо поглубело, а близкие небоскребы, эти чертовы пальцы, что прежде грозили небесам, обрели лоск зеркальных шпилей.

Никакого ядовитого плюща на кирпиче стен. Никаких огромных, опасных трещин.

Найденка сглотнула. Медленно пошла по коридору. Налево пойдешь – коня потеряешь, направо пойдешь...

Страх еще гнезвился в ней, как второе дитя, но осознание, шестое чувство чего-то неправильного, росло все сильней.

Вот первая дверь. Открытая, а за ней – залитое светом, пыльное помещение. Исцарапанная доска на стене, рядок парт, а на полу – сломанный глобус, похожий на чью-то разбитую голову.

Вторая дверь. Россыпь листовок и брошюр на истоптанном линолеуме. Рваная азбука. Русские народные сказки и книги по славянской мифологии с засаленными от частого чтения страницами.

Третья дверь...

Указка. Портрет мужчины на стене. Кудри, бакенбарды... Как же его зовут?

«Пушкин», – вспомнила Найденка.

И тут же забыла, увидев на залапанном подоконнике раскрытый альбом с фотографиями.

Пальцы тронули первое фото, глаза расширились.

Школа №... города... Пятый «А», 202... год. Классный руководитель – Шишигина Л. К.

– Не может... быть! – выдохнула Найденка, глядя на миловидную, совсем не старую женщину с пышной копной красиво уложенных волос и знакомым цепким взглядом, в котором не было ни искры нынешней беспощадности.

Шишигина Л. К. Классный руководитель. И тридцать три свеженьких личика, тридцать три пары ясных глаз, что смотрят в камеру рядом с ней.

Найденка выронила фото. Голова резко разболелась, а ноги вновь понесли ее в коридор. А потом и дальше – вниз, по лестнице, что была не такой уж и ущербной и страшной, на первый этаж, и дальше, дальше...

Неизвестно, что бы она натворила, если бы не тот стон. Найденка запнулась, схватившись за живот, и замерла. Звук донесся слева, до поворота коридора.

«Кощей плененный... Усекла, девчулька?»

Найденка дрогнула от воспоминания.

А затем, постояв, приняла решение. Тише мыши двинулась на звук.

И вот очередная дверь, таящая за собой незнамо что. Сглотнув, Найденка сжала ручку и медленно, страшась, потянула ее на себя.

Мгновение – и в нос ударил смрад давно не мытого тела и крови. Сквозь заколоченное окно почти не проходил солнечный свет, но Найденка все равно смогла разглядеть его: измученного, скрюченного в три погибели человека, который был обвязан цепями.

Новый стон перешел в хрип, а после – в вой. Найденку заметили. К ней рванулись, и в свете, шедшем из коридора, она смогла разглядеть безумное, перекошенное лицо, голый истерзанный торс и кровавые махры ниже пояса.

– Воды! Умоляю!..

Заорав от ужаса, Найденка отпрянула и побежала куда глаза глядят. К горлу вновь подкапала тошнота, ребенок отчаянно запинался, словно до срока просясь наружу, а глаза захлестнул водопад слез.

Рыдая от ужаса, не понимая, куда несется, она ворвалась в первый попавшийся кабинет – и...

Мир съежился, почернел, оставив в освещенном центре лишь ряд исчерканных грязью парт. Парт, за которыми в изломанных кукольных позах сидели тридцать три явно мертвых, похожих на бурые мумии, ребенка.

Найденка зажала себе рот. Но вой все равно прорвался, как и новые слезы.

А затем за спиной раздался шорох. И безмерно усталый, но до жути знакомый голос спросил:

– Ты как освободилась, сука?

* * *

...С памятью опять творилось что-то неладное. Что-то нехорошее.

Могла ли она снять с пленницы ржавую цепь? Пожалеть ее? А забыть закрыть столь важные двери? Да все-таки или нет?

Шишига не помнила. Просто не могла вспомнить. Ну а девка – девка тупо глазела на нее, раззявив дрожащий рот, и пятилась, пятилась, пятилась, пока не забилась в угол. Несуразная, брюхатая. До смерти перепуганная.

Почти как ее тридцать три. Тогда, в проклятые черные дни после первого Дня Тенет.

– Его звали Славик, – внезапно сказала Шишига, шагнув к партам. Опустила руку на тощее, в изодранном пиджачке, плечо маленького мертвеца. – Отличник, спортсмен... А как стихи читал! Эх, ты бы слышала...

Найденка не ответила. Ее била столь крупная дрожь, что, казалось, от этого трясся пол.

– А вот ее имя – Анечка, – перешла Шишига к другой парте. Нежно провела пальцами по сморщенной холодной щеке своей ученицы. – Тройка за грамматику, но какая фантазия в сочинениях! Какой бы писатель вырос...

Найденка снова зарыдала.

– Это у нас Вовчик, двоечник. Но до чего милая мордашка... – грустно усмехнулась Шишига, идя дальше. – Коля, самый красивый почерк среди мальчиков... Иннуся, вечные пропущенные запятые... Тут Лариска с Иринкой, любители друг у друга списывать, а это – Филипп, наш староста...

Шишига перечислила всех. Каждого обласкала кратким прикосновением, от которого ее сердце всякий раз пронзала игла. А затем, остановившись в метре от Найденки, криво улыбнулась, услышав новый крик, что донесся с их этажа.

– Если бы не эта тварь, они могли бы быть еще живы... – сквозь зубы процедила Шишига. – Когда все случилось, мы прятались здесь, в школе. Мы боялись выйти наружу, дежурили по очереди, все мы: учителя, директор, охранники... Все мы слышали зов Чернобога. И лишь один из нас на него откликнулся.

Шишига зажмурилась перед тем, как продолжить. Сердце болело все сильнее, трепыхалось подбитой пташкой.

– Да. Наш бравый чоповец очень хотел жить... Однажды, взяв в заложники одного из учеников, он заставил нас всех выйти наружу. Тогда много людей полегло. А я выжила. Одна очнулась на улице, среди мертвецов. Меня оставили жить в наказание... – Шишига коротко хохотнула, подавив желание зарыдать. – А Ваньку Кощеева я потом отыскала. Побирался среди мусора, сучья крыса... Даже перерожденным не стал. Видать, и Чернобог не любит предателей.

Шишига хотела сказать еще многое. Рассказать, как теперь торчит здесь, как бродит, крадучись, по прежде родному городу, собирает обереги, ищет свою мертвую и живую воду. Как жаждет оживить ребят, словно древний алхимик – голема. Как создает зелья, замешивая их на своей и Кошеевой крови, добавляет в нее частицы убитых тварей, дождевую воду, стекающую по развалинам церквей, и собственные горючие слезы... Но Найденка вдруг перестала плакать. И выдала такое, что все эти мысли вмиг исчезли из лохматой Шишигиной головы:

– Ты все врешь.

Шишига враз окаменела.

– Я тебе не верю! Это ты их всех убила!

– Ты... ты что... – наконец сумела выдать Шишига, но договорить ей не дали.

– Это не твои ученики!.. – проорала Найденка и стала подниматься на ноги, будто ярость придала ей сил. – Ты просто чокнутая уродка! Вышла на пенсию и с ума сошла, да? Натаскала в заброшку школьных вещей, да? Похищала детей со всего города? И тоже колола им ту же дрянь, что и мне, чтоб мозги не соображали?!

У Шишиги уже перехватило дыхание, но толстопузая идиотка продолжила выплевывать слова:

– Я подходила к окнам! Видела нормальный город! Зачем ты держишь меня здесь? Зачем похитила? Нет никаких Тенет! Нет нечисти и Чернобога! Есть только ты, ты, ты! Чокнутая старая ведьма!..

Шишига оскалилась. И со всей дури отвесила девке пощечину.

Голова Найденки мотнулась, с губ сорвался вскрик. Увернуться она не смогла, как не смогла и вырваться, когда стальные пальцы Шишиги вонзились в ее предплечье.

– Сука ты... – прошипела она. – Тварь ты неблагодарная!

И, встряхнув, Шишига потащила девку за собой. Найденка орала. Вопила, пытаясь царапаться и отбиваться. Однако силы были не равны, и вскоре ее швырнули в первый открытый кабинетик, а затем провернули в замке ключи.

«Здесь посидит, – решила Шишига. – Пока не придумаю, что с такой дрянью делать».

Внутри полыхала злоба вперемешку с отчаянием. Хотелось драть стены когтями, колошматить их и выть. Ноги сами понесли Шишигу к темнице Кощея, а руки – вытащили из рюкзака нож.

Пленник встретил ее гортанным воплем. Понял, что на сей раз пришла смерть. Шишига не стала медлить: подлетела и резко вонзила нож ему в горло.

Теплый красный фонтан праздничным салютом ударил ввысь. Шишига продолжала бить – в глаза, в сердце, в и так истерзанный пах. Шишига мазала пальцы в Кошеевой крови, чтобы после, оставив остывающий труп, вернуться к богатырям и богатыркам, нарисовать на лицах каждого круговой солнечный узор. Смочить сухие коричневые губы свежей рудой. Сесть в томительном ожидании.

И снова не получить ничего.

Она не знала, сколько просидела с ними, раскачиваясь, словно китайский болванчик. Она вновь потерпела неудачу, и горькое осознание этого погнало прочь, заставило схватить ружье с последними патронами и выскочить наружу. В голове орали мысли.

Что она колола себе и Найденке? Какие-такие витамины? И откуда их взяла?

Кто их ей дал?

Шишига резко встала и оцепенело уставилась на свою руку. Задрала рукав, скользнула взглядом по детским часикам. Увидела россыпь фиолетовых, мелких, как семена льна, синяков на сгибе локтя.

Нет, не вспомнить.

Шишига встряхнулась и понеслась дальше.

Желтушное, как горчичник, небо давило. Где-то вдалеке слышались мерзкие вопли. Наверное, там пировали перерожденные.

«А может, это просто подростки, – вдруг подумалось Шишиге. – Просто стайка отмороженных малолеток, которые охотятся на бомжа».

А что? Когда-то она читала про такое в газетах.

Может, и она бродяга, живущая на городской окраине? Просто бомжиха, которая и правда сошла с ума? Училка русского и литры, сбрендившая на пенсии? Маньячка-убийца?..

– Нет, нет, нет! – взвыла Шишига и, не скрываясь, помчалась по улице.

Она видела искаженные дома. Она неслась по раздолбанной дороге. Она видела смерть. Она выживала в мире сказочного апокалипсиса, и это было, это есть, это все по-настоящему!..

«Эта девка врет», – поняла Шишига, когда, измотанная, прислонилась к останкам разрушенной аптеки.

То, что растет внутри нее, заставляет девку врать. Мутит разум, показывая неиспорченный мир. Это плохой, гадкий ребенок, нагоняющий иллюзии!

«...И вокруг него есть вода», – внезапно похолодела Шишига.

– Неужели?.. – сдавленно ахнула она, чуть не упав от озарения.

Вот тебе и живая вода, старуха.

«А вот тебе и мертвая», – начиная улыбаться все шире, поняла она, представив тощее тельце, полное красного, горячего и соленого.

Неужели она спасла Найденку лишь для этого?

Нечто, похожее на совесть, кольнуло и исчезло, сменившись холодной сосредоточенностью. Уверенностью, что влила новые силы в уставшие руки и ноги.

Помчаться туда, успеть... Сделать все быстро...

Сизый блеск ножа. Звук льющихся вод. И они, милые, славные, любимые... открывающие свои ясные глазки... прощающие ее, ту, что не смогла защитить...

Что-то метнулось на краешке зрения. Раздались смех и рык.

Шишига дрогнула, запоздало вскидывая ружье. Слишком поздно поняв, что стоит на открытом месте.

Троица тварей подбиралась к ней на четвереньках, окружая с трех сторон. Одна, видно главарь, – с длинной заостренной деревяшкой, похожей на туземное копьё.

Шишига разглядела грязные кепки с логотипом известного бренда, обрывки шорт на мосластых ногах и слюнявые челюсти, что медленно отвисли до земли, обнажив собачьи зубы.

«Мальчики. Озверевшие мальчики Голдинга из „Повелителя мух“...» – пронеслось и исчезло в сознании.

Шишига дико расхохоталась.

Нетушки. Только не сейчас. Не сегодня. Это же смешно!

Глаза прищурились, тело подобралось.

Она не умрет. Она-не-позволит!

Лихо сплунуть через левое плечо. Сложить фигу напоказ тварям. И наконец выстрелить. Раз.

Два.

Тр...

* * *

Ей нужно срочно выбираться отсюда. Иначе – смерть.

Найденка четко понимала это, сидя в запертом кабинете. Тяжелые шаги Шишиги давно стихли в коридоре, пришло время действовать, если она и правда хочет жить.

А она хочет. Жаждет. Она просто обязана выжить и стать счастливой, несмотря ни на что!

Ей надо вырваться из плена, добежать до полиции, медиков, чтобы они осмотрели и спасли ее. Она не желает закончить дни, как те несчастные украденные дети, что были, несомненно, обколоты этой жуткой старухой.

«Вставай. Борись!» – приказала себе Найденка и медленно, опираясь на стенку, поднялась на ноги.

Ребенок в животе с каждой минутой пинался сильнее, поясницу терзала боль, а к горлу подкатывала тошнота.

Вдох-выдох. Найденка огляделась. Подобрала отломанную кем-то крепкую ножку стула, что валялась в пыли, и бросилась с ней на дверь.

Она била ее деревяшкой, била собственной ногой. Врезалась в нее боком, рычала, но не сдавалась.

И вот, спустя вечность, что-то хрустнуло в замке. Дверь поддалась. Открылась от удара.

Всхлипнув, Найденка вылетела из кабинета и заковыляла по коридору: быстрее, быстрее, быстрее...

Она не остановилась, чтобы проверить, как там Кощей. Не заглянула к мертвым детям. Словно раненый зверь, выпущенный из клетки, она ковыляла, ползла, стремилась туда, где чернел выход.

И выход нашелся.

«Еще чуть-чуть!» – возликовала Найденка. Щеки, и так украшенные кристалликами слез, опять намокли.

Она прошла мимо разрушенного поста школьной охраны; придерживая живот, с усилием толкнула входную дверь. Страдая от одышки, вышла в тамбур, за которым виднелась свобода.

«Быстрее. Быстрее! Пока не вернулась она!» – подгоняла себя Найденка.

Образ Шишиги и все дни, проведенные взаперти, хаотично закрутились в памяти. Найденка отмахнулась от них и заковыляла дальше – глядя на голубое небо, на яркое солнце, на мусор, щедро усеявший территорию у заброшки.

«Свобода... – с усилием подумала она. – Я... хочу... на... свободу!»

Впереди виднелся ржавый забор, который когда-то ограждал школу, и открытые ворота в нем. Разглядев его, Найденка сцепила зубы и попыталась идти быстрее.

«На... свободу...»

Лютая боль скрутила нутро, когда она сделала первый шаг за забор. Бросила на колени, орошив началом схваток. Стало страшно и очень мокро.

Взвыв, Найденка зажмурилась. И тьма, стерегущая под веками, вдруг вспыхнула воспоминаниями: вот она – веселая и смеющаяся, вот он – высокий и красивый. Вот они в постели.

А вот грохот за окном, внезапная чернота. Паника в новостях, безжалостная смерть на улицах. Какой-то подвал, полный вони и грязного тряпья, банки тушенки, крекеры, от которых так нестерпимо першит в горле... Подходящая к концу вода.

И безумные, прежде любимые глаза того, кто в надежде спастись решил отдать ее – свое самое дорогое.

Сознание затопил ужас. Руки вспомнили, как отбивались, как царапали перекошенное мужское лицо, пока она не сдалась, позволив сделать с собой все: раздеть, подвесить, предложить...

Кому?

Закричав, Найденка открыла выпученные глаза. Увидела грязную желтизну неба, с которого неспешно и неумолимо опускались Тенета, рукоделие Чернобога.

Внутри толкнулось, разрывая утробу. Дитя торопилось увидеть новый мир.

Из-за угла, не торопясь, выступили три тощие фигуры, одна из которых держала копье, увенчанное чем-то округлым и лохматым.

«Родила царица в ночь...» – прошипел голос Шишиги в воспаленном сознании.

Упав, Найденка скрючилась на пропитанной кровью земле. Завыла, и уже близкие фигуры подхватили ее вой. Захохотали, как гиены.

«Не то сына, не то дочь...»

Шаги все ближе, Тенета – гуще. Навершие копья – заметней. Знакомей.

«Не мышонка, не лягушку...»

Найденка с трудом подняла глаза.

«А неведому...»

И, выпуская новый ужас в мир, увидела улыбку, скривившую мертвые Шишигины губы.

Дмитрий Карманов Луноход

– Чего ты хочешь, мальчик?

Лешка стоял, отчаянно стесняясь. Ноги как будто приросли к полу, рот залепила вязкая слюна, а уши – он это чувствовал – горели ярко и пунцово.

Дядька ждал ответа. На лице его застыло вопросительное выражение. Глаза смотрели не мигая, светло-коричневые, почти оранжевые. Песочного цвета пиджак, мягкий и шикарный, как у киноактеров, небрежно расстегнут. В отличие от одеревеневшего Лешки, дядька этот явно был *в своей тарелке*, сидя в необъятном кресле за лакированным столом и окруженный высокими шкапами.

Молчание затягивалось. Он приподнял бровь, не спеша достал из кармана кричаще-красную пачку с иностранными буквами и ловким движением выбил из нее сигарету. Пыхнула серебристая зажигалка. Дядька прикурил, затянулся и выпустил дым, продолжая разглядывать мальчика.

– Так ты скажешь, чего хочешь? А то ведь дел-то у меня много. А в другой раз... – Он прищурил глаза. – Другого раза просто не будет, сюда ты больше не попадешь.

Лешка вздохнул, проглотил слюну и решился.

– Луноход! – выпалил он, шалея от собственной смелости.

– Луноход. – Дядька понимающе улыбнулся и кивнул. – Да, можно было бы догадаться. Все хотят Луноход.

Луноход был чудом. Луноход был недостижимой мечтой, абсолютным детским счастьем, о котором думаешь, засыпая, и который приходит во сне.

Вживую Лешка видел его всего один раз, в магазине игрушек, когда они искали какую-то глупую погремушку для какой-то глупой ляльки какой-то маминой знакомой. Мама спешила и нервничала, а Лешка тащился за ней послушным хвостиком, проталкиваясь сквозь бесконечные леса людских ног, поп, животов и спин. Их с мамой не хотели пропускать, ругались, говорили: «Вообще-то тут очередь, женщина, вы что, слепая?!» Но мама лишь стискивала зубы и еще крепче сжимала Лешкину потную ладошку, таща его все дальше и дальше. А когда ее хватка ослабла, когда она остановилась у железной корзины с пластмассовыми игрушками для малышей, Лешка потихоньку освободился и потянулся к началу очереди. Посмотреть, за чем стоят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.